

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ВСЕРОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ М. И. РУДОМИНО

Юлия Анатольевна Созина

От Золотого века до наших дней

А. С. Пушкин, А. С. Хомяков, Н. В. Гоголь,
М. Ю. Лермонтов в Словении

Москва
2025

УДК 82.091
ББК 83.3(2+4)
С58

Серия
Slavica & Rossica

Ответственный редактор:
д. ф. н., профессор Н. Н. Старикова

Рецензенты:
д. ф. н., профессор А. Г. Шешкен;
к. ф. н., доцент Т. И. Чепелевская

Созина Ю. А.

От Золотого века до наших дней. А. С. Пушкин, А. С. Хомяков,
С58 Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов в Словении : [научная монография] /
Ю. А. Созина ; отв. ред. Н. Н. Старикова. — Москва : Институт славяноведения РАН, Библиотека иностранной литературы, 2025. —
272 с. — (Серия *Slavica & Rossica*).

ISBN 978-5-7576-0520-3 (Исл РАН) DOI 10.31168/7576-0520-3

ISBN 978-5-6053865-5-1 (Библиотека иностранной литературы)

Книга раскрывает яркие страницы истории восприятия творчества российских писателей Золотого века А. С. Пушкина, А. С. Хомякова, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и переводов их произведений в Словении с первых упоминаний до сегодняшнего дня. Отталкиваясь от трудов предшественников, автор открывает новые, до настоящего времени неизвестные факты, расширяющие представление о словенской литературной жизни и ее глубоко укоренившихся связях со столпами культуры России.

Sozina Yu.

From the Golden Age to the present day. A. Pushkin,
A. Khomyakov, N. Gogol, M. Lermontov in Slovenia.

The book reveals vivid chapters in the history of how the works of Russian writers from the Golden Age, such as A. Pushkin, A. Khomyakov, N. Gogol, and M. Lermontov, have been perceived, as well as the translations of their works in Slovenia from the earliest mentions to the present day. Building on the works of predecessors, the author uncovers new, previously unknown facts that broaden the understanding of Slovenian literary life and its deeply rooted connections with the pillars of Russian culture.

ISBN 978-5-7576-0520-3
ISBN 978-5-6053865-5-1
DOI 10.31168/7576-0520-3

© Созина Ю. А., текст, 2025
© Институт славяноведения РАН, 2025
© Библиотека иностранной литературы,
2025

Оглавление

Вместо предисловия	4
Введение	6
Часть 1: Александр Сергеевич ПУШКИН (1799–1837)	
Образ Поэта в лирике	
А. С. Пушкина и Ф. Прешерна	19
Пушкин в открытом доступе	38
Первые упоминания в словенских землях	45
«Ворон к ворону летит...»	58
Первые опубликованные переводы	
на словенский язык стихотворений А. С. Пушкина	70
А. С. Пушкин в словенской	
литературной критике XX века	84
Часть 2: Алексей Степанович ХОМЯКОВ (1804–1860)	
Поэтическое и духовное наследие А. С. Хомякова	
в словенской периодике второй половины XIX –	
первой половины XX века	94
Часть 3: Николай Васильевич ГОГОЛЬ (1809–1852)	
Гоголь на страницах словенских литературных	
журналов «Люблянский звон» и «Дом ин свет»	
(конец XIX – начало XX века)	118
Н. В. Гоголь среди современных славян	138
Часть 4: Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ (1814–1841)	
«Национальное» и «универсальное»	
в романтических поэмах М. Ю. Лермонтова	147
История переводов поэзии Лермонтова в Словении	165
Вместо заключения:	
несколько слов о современности, итоги	182
Библиография	190
Именной указатель	246
Приложение	
Ribar in riba. Po A. S. Puškinu	266

Вместо предисловия

Книга посвящена русским поэтам А. С. Пушкину (1799–1837), А. С. Хомякову (1804–1860), Н. В. Гоголю (1809–1852) и М. Ю. Лермонтову (1814–1841), названным в порядке рождения (по воле случая с разницей в годах, кратной пяти), а идея ее создания появилась в юбилейном для всех перечисленных 2024 году, когда отмечались их 225-, 220-, 215- и 210-летие соответственно. Творчество каждого из названных литераторов вышло далеко за пределы родины благодаря любви читателей, владеющих русским языком, и переводам на многие языки мира. В славянских странах, в частности в Словении, оно послужило опорой для эстетических процессов, а иногда поддерживало и процессы общественные, связанные с национальным возрождением, вплетаясь в национальные культуры и становясь то отправной точкой, то неотъемлемой составной частью. Каждое поколение старается дать свое осмысление образцам, ставшим классическими, подчеркнуть то важное, что отвечает вопросам собственного времени, отбросив «устаревшее», либо подтвердить непреходящую ценность гениальных прозрений и общечеловеческого видения любви и надежды, преодоления боли и глубочайшего отчаяния, знаменующего собой начало качественно новой жизни.

Случилось так, что в своих научных изысканиях словенско-российских литературных связей нам приходилось сравнительно часто обращаться к творчеству юбиляров — в связи с коллективными проектами самой разной направленности [Созина 2000, 2001, 2002, 2009, 2012 б, 2016, 2020, 2021 б, 2024]. Это работы, созданные более чем за четверть века, а потому в них чувствуются и этапы развития самого автора. Собранные вместе и переработанные, дополненные новым материалом, казалось бы, разрозненные статьи

сложились в единое целое со своей внутренней логикой и взаимосвязями — целое, отвечающее на разнообразные, актуальные на сегодняшний день вопросы. Книга показывает органичность и значимость творчества российских классиков для словенской литературы (и здесь можно читать шире: культуры) в своем историческом развитии и, что особо важно, в срезе живой современности.

Публикации состоялись как в России, так и за рубежом, иногда в серьезных периодических изданиях, иногда в скромных брошюрах, сопровождающих отдельные знаковые мероприятия, а потому мало кому доступных.

В большинстве своем работы ранее были представлены внутри научного сообщества, в центре внимания которого культура и история зарубежных славян. Вместе с тем целевая аудитория настоящей монографии — это те, кто в России изучает отечественную культуру, кто наши скромные находки призван интегрировать в фундаментальное понимание истории ее развития. Книга будет небезынтересна всем любителям русской словености Золотого века, особенно студентам-русистам, а также славистам, исследователям истории развития славянских литератур и российско-словенских культурных взаимосвязей со второй трети XIX века до сегодняшнего дня.

Эпоха Пушкина, Хомякова, Гоголя, Лермонтова... и многих других недаром в русской культуре получила название «Золотой век». В это время на общем фоне мощного развития литературного творчества создаются шедевры, не только воодушевляющие нацию, но и достойно звучащие далеко за пределами России. Русские поэты — классики Золотого века, о которых, казалось бы, мы знаем почти всё, открывают свои новые грани благодаря преломлению их творчества в восприятии представителей других народов. Каждая национальная культура высвечивает что-то свое, близкое, иногда наболевшее, понятное и потому наиболее востребованное.

В Словении наследие поэтов Золотого века ждала своя особая судьба: их сочинения то оказывались в фокусе внимания интеллектуальной публики, то попадали в лакуны тихого безвременья. Некоторым было уготовано покорить неоспоримые вершины. Случалось и так, что к одному и тому же произведению обращались поэты-переводчики, представители разных поколений — достаточно помянуть внимание словенских литераторов к «Евгению Онегину» Пушкина и появление в течение XX века трех самобытных его переводов¹: 1909 год — Иван Приятель² (1875–1937);

¹ Подробно вопрос о словенских переводах романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина был исследован Н. Н. Стариковой и представлен на юбилейной конференции «А. С. Пушкин и мир славянской культуры (К 200-летию со дня рождения поэта)», организованной Отделом истории славянских литератур Института славяноведения РАН [Старикова 2000].

² О личности и деятельности И. Приятеля см. в монографии И. В. Чуркиной «Русские и словенцы» [Чуркина 1986], а также частично в статьях М. И. Рыжовой и Ю. А. Созиной [Рыжова 1978; Созина 2000].

1962 — Радо Бордон (1915–1992); 1967 — Миле Клопчич³ (1905–1984). Другой пример: судьба «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова, насчитывающей уже восемь опубликованных переложений на словенский язык, два последних из них были созданы к 200-летию юбилею поэта выпускницей Люблянского университета Залой Павшич [Лермонтов 2014, с. 151, 153] и студенческим дуэтом из Марибора — Андреей Томажич и Соней Мравляк [Lermontov 2015, s. 58, 60].

Весьма деликатным, к тому же практически обойденным вниманием исследователей — в первую очередь из-за неочевидности, низкой вероятности быть доказанным — представляется вопрос о влиянии произведений (прочитанных в переводе или реже в оригинале, а иногда и глубоко прочувствованных через собственные попытки перевода) поэтов одной нации на поэтов нации другой. Хотя зачастую, даже при беглом прочтении, бросается в глаза некая схожесть духовного, творческого полета и миропонимания. Через это происходит и дальнейшее распространение влияния на общий уровень национальной культуры. Творчество мастеров поэтического слова и одновременно замечательных переводчиков русской литературы Антона Ашкерца⁴ (1856–1912), Тоне Павчека (1928–2011), Милана Есиха (р. 1950) — живое тому подтверждение.

Прямых фактических доказательств в истории литературы, как правило, остается весьма немного. Особенно тогда, когда — как и в случае литературы словенской — отсутствие переводов на родной язык отнюдь не означает отсутствие идейно-художественных влияний. Так, например, знаменитый словенский писатель Витомил Зупан⁵ (1914–1987)

³ О жизненном пути этого замечательного переводчика см.: [Созина 2006, с. 346, 350–355].

⁴ В русскоязычной литературе об А. Ашкерце: [Ашкерц 1987, с. 3–11; Рыжова 2012, с. 22–75; Созина 2020, с. 283–286].

⁵ Жизнь и творчество В. Зупана на русском языке представлены изданиями: [Зупан 2013; Старикова 2014; Созина 2018].

в одном из своих интервью, вспоминая то время, когда он делал первые шаги в литературе, то есть период между двумя мировыми войнами, признавался: «Переводов было мало, по большей части мы зависели от немецких переводов, что возымело свои последствия. Поэтому я лихорадочно изучал иностранные языки. Лишь со знанием французского, английского, итальянского у меня начал расширяться горизонт. И всё же — сколько ненужного человек прочитывает, если самостоятельно пробивается через дебри литературы! И если вынужден великих русских столько времени читать в немецких переводах!» [Pibernik 1983, s. 28].

История словенской литературы XIX века не изобилует переводами с русского языка, тому есть много причин. Например, вышеупомянутый Иван Приятель, исследователь, чьи научные труды весьма повлияли на развитие словенского литературоведения, еще в начале XX века называет следующую: «Хорошим переводчикам казалось, что жаль тратить драгоценное время на переводы, назначенные для газетных фельетонов, которые забрасываются, когда их прочтут» [Приятель 1901, с. 374]. Н. Н. Старикова констатирует и такую: «Власти предержащие опасались <...> запаха кириллицы — символа идей панславизма. Само имя Пушкина тайло в себе для них революционную опасность» [Старикова 1999, с. 229]. На наш взгляд, в числе основных причин можно также указать, пожалуй, как это ни парадоксально звучит, именно живой интерес к русской литературе и культуре.

В течение второй половины XIX века среди словенских литературных кругов наблюдался необычайно большой интерес к русской литературе. Произведения Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевского, критические работы Белинского и Герцена оказали большое влияние на творчество многих словенских писателей, в том числе на Франа Целестина (1843–1895), Антона Ашкерца и других.

Т. И. Чепелевская, описывавшая развитие словенской литературы в первой половине XIX века, указывает на существование уже в это время особого интереса к России. Так, например, Матия Чоп (1791–1835), словенский филолог, один из самых свободомыслящих деятелей своего времени, близкий друг и в определенной мере наставник Франце Прешерна (1800–1849), внимательно изучал русскую литературу [Чепелевская 1997, с. 317]. И. В. Чуркина, ссылаясь на труд Л. Легиши и А. Слодняка «История словенской литературы» (Любляна, 1956–1971), также отмечает, что в 1834 году М. Чоп читал стихи В. А. Жуковского (1783–1852) и А. С. Пушкина [Чуркина 1978, с. 65]. У самого же Лино Легиши, а именно он является автором раздела «Романтизм» в фундаментальном труде, указанном российским историком, мы находим: «Более всего на неподобающем месте у нас были русские, хотя по случаю Чоп уже в 1834 году читал Жуковского и Пушкина. К другим же пушкинское творчество попало в руки только после смерти поэта. Враз был знаком из новых [поэтов. — Ю. С.] только с Лермонтовым» [Legiša 1959, s. 22]. (Сразу отметим, что данное замечание словенского историка литературы не верно, о чем пойдет речь в соответствующей главе настоящей книги.)

Старикова добавляет, что «Русская книга в 1830-е годы среди словенцев была большой редкостью, и Чоп, знаток и приверженец идей европейского романтизма, оказался тогда едва ли не единственным в Любляне обладателем пушкинских прижизненных изданий» [Старикова 1999, с. 228]. В своем докладе, произнесенном на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 году и озаглавленном «Заметки о словенско-русских контактах», Братко Крефт (1905–1996) констатирует: «Ученик Копитара Матия Чоп (1797–1835) был ориентирован более западно, однако во Львове, где некоторое время являлся преподавателем, должен был хотя бы немного научиться русскому. В его библиотеке было несколько пушкинских произведений в подлиннике, да и несколько в немецком

перевод⁶, всего семь (“Борис Годунов”, “Братья-разбойники”, “Цыганы”, “Полтава”, “Кавказский пленник”, “Граф Нулин”, “Бахчисарайский фонтан”). Последнее должен был видеть и Прешерн, хотя об этом нет никаких следов ни в его творчестве, ни в корреспонденции, поскольку он не упоминает Пушкина нигде» [Kreft 1958, s. 93].

В труде «Борьба за индивидуальность словенского литературного языка в 1848–1857 гг.» Иван Приятель приводит отрывок из письма поэта Франа Ериши (1829–1855) от 30 марта 1850 года, адресованного другу, Карлу Рудежу (1833–1885), в котором Ериша признается, что уже и сам стал русским, что любит русский язык и что много читает: «Тараса Бульбу» Гоголя на чешском, в оригинале фрагменты из Карамзина, Жуковского, Пушкина, Хомякова, Милонова, Крылова, Измайлова, Баратынского, Державина, Загоскина, Батюшкова и многих других [Priatelj 1926, s. 29; 1937, s. 70].

Для представителей литературного течения «словенский модерн» (*Slovenska moderna*), заявившего о себе в конце 90-х годов XIX века, произведения Гоголя, Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Кольцова стали своеобразной отправной точкой в поиске решений многих литературно-эстетических задач, которые молодые литераторы ставили перед собой [Словенская 2010, с. 195–196; Рыжова 2012].

Такой глубокий интерес не только к русской, но и (шире) мировой литературе и культуре, заставляющий «лихорадочно» изучать языки, сожалеть, что невозможно постичь

⁶ Напомним, что первым стихи А. С. Пушкина в переводе на немецкий язык опубликовал Карл Фридрих фон дер Борг (1794–1848), уроженец российской северной столицы. Сохранилось свидетельство Н.М.Языкова (1803–1846) о его неопубликованном переводе пушкинской «Черной шали» в 1822 г. В 1823 г. в своей антологии К.Ф.Борг целиком публикует пушкинскую эпиграмму «История стихотворца» (1821) вместе с отрывком из поэмы «Руслан и Людмила» (1818–1820) [Raab 1964, S. 27; Десницкий 1958, с. 198–200]. Антология была замечена в Германии, в 1825 г. появилась рецензия в «Литератур-Блатт» (*Literatur-Blatt*, № 60, S. 237–239).

всё, что есть лучшего, в подлинниках, был свойственен представителям словенской интеллигенции в XIX–XX веках, не иссяк он и в наше время. «Вся словенская литературная — и не только — действительность вдохновлялась, побуждалась, пробуждалась и направлялась течениями большого мира: Бомарше и Лессинга, Гоголя и Толстого, Келлера и Розеггера, Горького и Гамсуна», — как отмечал словенский литературовед Тарас Кермаунер (1930–2008) уже во второй половине XX века [Pibernik 1983, с. 26].

Развитие словенской литературы невозможно рассматривать вне общеевропейского контекста. Стоит, пожалуй, подчеркнуть, что это факт, который следует учитывать и при изысканиях противоположной направленности — по переводам произведений словенских писателей на другие языки мира, в том числе на русский.

Позволим себе в качестве иллюстрации лишь один пример из собственной практики переводчика и редактора.

При подготовке открывавшего серию «Словенский Глагол» сборника «Против часовой стрелки», в который вошли как новые переводы, так и опубликованные еще в советский период, в рассказе Бено Зупанчича (1925–1980) «Ева полна тайн» [Против 2011, с. 127–130; Zupančič 1979], — увидевшем свет на русском языке уже несколько десятилетий назад, — нам встретилась странная, не соответствующая общему характеру произведения фраза «изогнувшись, вскинув ноги»⁷, причем с отсылкой на классика «вспоминаются вдруг строки знаменитого поэта» [Зупанчич 1985, с. 373]. Потребовалось несколько дней, чтобы наконец-то во время прогулки в голову пришла цитата из «Евгения Онегина», которая в русский перевод рассказа вписывалась бы гораздо гармоничнее, и после согласования с автором перевода в новом варианте фрагмент стал выглядеть уже так:

⁷ *Z zažetim stasom visokovzpetih nog* [Zupančič 1979, с. 35] — дословный перевод со словенского звучит так: ‘напряженной плотью высоко поднятых ног’.

«Тишина, с улицы Прешерна доносится гул автомобилей, и кажется, будто исполнились все человеческие желания, утихли страсти и мысли обрели ясность. Упавший черный пес яростно лает на дрозда, вспорхнувшего на дерево, белки берут корм из рук пенсионеров, к которым уже привыкли; замерли в вихре танца фигуры Батича⁸. “То стан совет, то разовьет, / И быстрой ножкой ножку бьет”, — вспоминаются вдруг строки знаменитого поэта, и несколько минут ты не можешь оторвать глаз от неестественно гибкого тела смуглой танцовщицы» [Против 2011, с. 127].

Франце Прешерн и Александр Сергеевич Пушкин — высочайшие гении своих народов, поэты-современники. Рассказ Бено Зупанчича опубликован в 1979 году, следовательно, написан приблизительно в то самое время, когда уже были известны три словенских перевода «Евгения Онегина». Вероятность того, что знаменитый писатель был знаком с шедевром Пушкина, слишком высока, чтобы считаться случайностью.

Вышесказанное, пожалуй, можно назвать еще одним подтверждением того, что роль переводной литературы для развития любой из современных национальных литератур едва ли можно переоценить⁹.

Когда речь идет о Золотом веке русской поэзии и его восприятии в Словении, не представляется возможным обойти вниманием труд по созданию первой русской поэтической антологии¹⁰ [Ruska 1901].

⁸ Стоян Батич (1925–2015) — словенский скульптор. Имеется в виду его бронзовая скульптура «Балет», или «Двое танцующих» (*Balet / Plesalca*), созданная в 1957 г. и установленная в парке Тиволи в центре Любляны (URL: <https://img.tourister.ru/files/1/1/9/7/4/9/1/1/original.jpg>).

⁹ В связи с этим см. наш коллективный труд, созданный при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: «Роль России в распространении знаний о славянстве» [Роль 2019].

¹⁰ Знаково, что доступ к электронной копии «Русской антологии в словенских переводах» у нас появился уже практически перед завершением рукописи этой книги — запись в «Цифровой библиотеке Словении» датирована 02.10.2024.

Как известно, замысел по публикации собрания лучших образов русской поэзии принадлежит Ивану Веселу (1840–1900), декану Римско-католической церкви в Трнове близ Илирска-Бистрицы, одному из лучших переводчиков своего времени, с молодости публиковавшему переводы русских поэтов под псевдонимом Янез Веснин. Например, ему принадлежит одна из первых «русских» подборок «Северные цветы», опубликованная альманахом «Летопис Матицы Словенской» (*Letopis Matice Slovenske*; ‘Альманах Матицы Словенской’) ¹¹ за 1870 год, куда вошли тринадцать стихотворений: А. С. Пушкина (шесть), М. Ю. Лермонтова (четыре), П. А. Вяземского (1792–1878; одно), К. К. Павловой (1807–1893; одно), А. С. Хомякова (одно) [Letopis 1870, s. 163–201].

Будучи семинаристом, Иван Весел и сам сочинял романтического толка стихотворения и повести. Однако, изучив русский язык и познакомившись с русской литературой, он был столь очарован ею, что практически оставил сочинительство. Священник и просветитель, свой поэтический талант он направил на переводы русских классиков. Высоко оценивая переводческий дар Весела, Иван Прияatelj в статье «Пушкин в словенских переводах» (1901) писал: «И я думаю, что никто не был более, чем Весел, способен петь вслед за великим русским на словенском языке» [Priatelj 1901 s. 63], — настолько тонко и глубоко тот чувствовал русский язык и мог выявить то общее, что созвучно обеим нашим славянским культурам.

Венцом переводческой деятельности Ивана Весела стала именно подготовка «Русской антологии в словенских переводах», вышедшей уже после его смерти [Ruska 1901]. Поэт скоропостижно скончался, когда в типографии были набраны первые полосы и должна была начаться работа

¹¹ «Словенская матица» — на сегодняшний день старейшая словенская культурно-научная организация, учреждена в 1864 г.; названный альманах выходил с 1869 по 1912 г. См. также труд о славянских матицах: [Славянские 1996].

по вычитке текстов, случилось это в декабре последнего года уходящего XIX столетия.

Издатель обратился за помощью к Антону Ашкерцу. Благодаря последнему первоначальный замысел претерпел значительные изменения. Сохранив всё, собранное и переведенное Веселом, Ашкерц весьма расширил книгу, чуть более чем за полгода сделав из нее действительно антологию, представляющую не только «срез» русской классической поэзии, но и живой современности — на основе отдельных доступных ему авторских сборников, различных работ, посвященных истории русской литературы, а также знаменитой антологии А. Н. Сальникова, которая также датирована 1901 годом [Сальников 1901].

Выдающийся для своего времени труд, никогда не выходивший из поля зрения российских исследователей. Русский эмигрант, преподаватель Люблянского и Грацкого университетов Н. Ф. Преображенский (1893–?) считал его «главным источником для ознакомления с Пушкиным в словенских переводах» [Преображенский 1937, с. 133]. Обращалась к нему М. И. Рыжова (1927–2017) — литературовед и переводчик из Санкт-Петербурга, сотрудник Института славяноведения и Института русской литературы (Пушкинский Дом) [Рыжова 2012, с. 36–45]. В свое время касались этой темы и мы [Созина 2020, с. 282–284].

В антологии всего 74 имени: от Гавриила Романовича Державина (1743–1816) до совсем молодой на тот момент Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник (1874–1952) — и 267 стихотворений и поэтических отрывков. Переводы выполнены четырнадцатью самыми известными в то время поэтами и переводчиками: от Антона Жакеля (1816–1868), публиковавшегося под псевдонимом Родолюб Лединский, до входивших в силу представителей словенского модерна. При этом 137 переводов принадлежит самому Антону Ашкерцу, то есть больше половины. Книга дополнена именным указателем и указателем переведенных стихотворений; жизнеописаниями поэтов, носящими характер литературно-исторических очерков; специальной статьей

об Иване Веселе и послесловием, где Ашкерц раскрывает свой взгляд на важность создания подобных славянских антологий. По его мнению, необходимо было бы как можно скорее собрать польскую и чешскую, а вот сербскую и хорватскую поэзию словенцы понимают без перевода [Ruska 1901, s. 462]. Впрочем, здесь же он оговаривается, что «многие словенцы знакомы с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым или Кольцовым по крайней мере из немецких переводов» [ibidem, s. 459].

Антон Ашкерц — личность в истории словенской литературы и критики, а также в развитии переводческой школы весьма примечательная. Велики его заслуги на ниве сближения и взаимопознания славянских культур. Созданные Антоном Ашкерцем переводы, опубликованные труды бесценны и позволяют многое осознать в истории литературного развития того времени, а также провести параллели с современностью.

В «Русской антологии в словенских переводах» из наших юбиларов достойно представлены: Пушкин — 35 произведений на 57 страницах; Лермонтов — 37 произведений на 101 странице; Хомяков — 4 стихотворения на 7 страницах [ibidem, s. 26–72, 73–173, 227–233].

Зачастую степень интереса к тому или иному писателю, произведению, явлению литературы в разных национальных средах отличается, что обусловлено всевозможными внешними и внутренними факторами, эпохой, традициями, исторической ситуацией и так далее. Вместе с тем именно в такой многоликости отдельных фактов восприятия одного и того же явления и их разнообразии лучше видны непреходящие, общечеловеческие ценности или же, наоборот, ярче высвечиваются национальные особенности, характер культурно-исторической эпохи.

Основной корпус настоящей книги представляют 11 глав, которые разделены по четырём персоналиям (4 частям); его окаймляют сопроводительные тексты; дополняют

библиография, указатель и приложение. Собранные библиографические данные имеют большую научную актуальность, многие из них, в том числе интернет-публикации источников, вводятся в отечественный научный оборот впервые.

Материалы по персоналиям представлены неравномерно, что представляется естественным в свете значения и вклада того или иного писателя в развитие мировой литературы. Так, А.С.Пушкину посвящена практически четверть объема исследования; наиболее скромно представлен А. С. Хомяков (всего одна глава, но представляющая полный срез бытования наследия поэта в словенской периодике в течение целого столетия). Из основных тем, затрагиваемых в книге, уместно перечислить следующие: историю переводов, историю поэтических публикаций, отражение в периодической печати, источники открытого доступа, исторический и литературный контекст, обзор литературной критики и литературоведческих работ, общее и частное в понимании роли поэтического творчества, соотношение «национального» и «универсального».

Самая обширная часть — первая, состоящая из 6 глав, по объему превышающая все другие части практически вдвое, — посвящена Пушкину, что вполне ожидаемо. Вместе с тем именно материалы этой части наиболее, так сказать, «отрывочны», поскольку о Пушкине в российском литературоведении уже многое было написано до нас, а значит, перед нами стояла задача не пересказать уже известное, но заполнить лакуны. Наряду с этим именно в первой части мы решали и другую задачу: ввести красной нитью в ткань научного повествования, акцентировать наше пристальное внимание не только на традиционных бумажных источниках, но и на электронных документах открытого доступа, что будет свойственно и остальным частям монографии. Тем более что в Словении на общегосударственном уровне уже много лет ведется последовательная работа по оцифровке литературного наследия. Опыту и методологии работы с электронными источниками посвящена отдельная глава, вторая из пушкинских.

Первая же глава традиционна по своей художественно-эстетической направленности и представляет, пожалуй, самые основы литературного творчества — образ творца (поэта). В ней сравниваются первые поэты России и Словении эпохи национального возрождения славян — Александр Сергеевич Пушкин и Франце Прешерн.

Переход от первой главы ко второй может показаться слишком резким, ведь даже статьи, легшие в основу этих двух глав, писались с разницей в 25 лет, однако именно в этом суть. Подходя к материалу как бы с разных сторон, раскрывая разные уровни литературного и культурного взаимодействия, вооружившись разными методами исследования, мы достигаем полноты видения и широты изложения целого ряда отдельных, зачастую кажущихся незначительными фактов, связанных с личностью великого русского поэта. Главным становится передача «дыхания» целой эпохи — по-настоящему смелой и плодотворной, наследниками которой мы являемся.

В повествование то и дело вплетаются краткие биографии выдающихся словенских переводчиков и исследователей, в России практически неизвестные или известные мало.

Во всех частях книги присутствуют отсылки к работам предшественников, касавшихся в своих работах объектов нашего исследования. Они являются базой, от них мы отталкиваемся и считаем неотъемлемой частью нашего труда, но стараемся освещать их лишь в случае научной необходимости. Например, подробно освещаются те их моменты, которые на основании последних изысканий мы стараемся скорректировать. Особняком стоит вторая (по счету) глава о Гоголе, в которой мы впервые выходим на общеславянский материал с целью дать представление о «фоне» и опираемся на работы специалистов по другим славянским странам. Выбран достаточно непривычный, узкий аспект, но демонстрирующий, как глубоко писатель вошел в общеславянский контекст. Акценты, расставляемые разными исследователями, показывают многообразие и величие творчества писателя. Таким образом, на гоголев-

ском материале, представляется еще один метод исследования, важный для современного специалиста по литературным связям, а именно: обязательность выхода на более широкий историко-культурный контекст.

Части, посвященные Хомякову и Лермонтову, дают самое полное представление о бытовании их творческого наследия на литературном пространстве Словении. Хомякову посвящена одна глава, вместе с тем это уникальные материалы, в свое время собранные вручную в центральных библиотеках Любляны и дополненные на современном этапе электронными источниками. Впервые в отечественной славистике личность и творчество этого выдающегося русского поэта и мыслителя рассмотрены в словенистическом контексте. С благодарностью должна отметить, что в основу поисков легли материалы из картотеки, собранной словенскими студентами около полувека назад и хранящейся в Институте словенской литературы и литературоведения Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств. До сих пор далеко не все издания оцифрованы. Полную историю переводов произведений Лермонтова на словенский язык предваряет глава, представляющая еще один важный для современного литературоведения ракурс — выявление «национального» и «универсального» посредством глубокого проникновения в живую ткань произведения. Снова и снова подчеркивается важность идейно-художественной составляющей. Монография начинается с проникновения в сущность поэтического творчества (образ Поэта у Пушкина и Прешерна) и заканчивается пониманием специфики «национального» и «универсального» (на материале конкретных произведений Лермонтова). Всё это сделало четверых писателей, которым посвящен наш труд, по-настоящему значимыми для словенской интеллигенции, творившей в XIX веке.

Часть 1:

Александр Сергеевич ПУШКИН (1799–1837)

Образ Поэта в лирике

А. С. Пушкина и Ф. Прешерна

Несмотря на всю непохожесть предшествующих судеб, специфику местных условий, различия в положении русского и словенского народов в первой половине XIX века, и в России, и в Словении почти одновременно появляются поэты, которых позднее их народы назовут величайшими в своей истории — Александр Сергеевич Пушкин и Франце Прешерн.

При всем различии их творческой индивидуальности существует некая схожесть в позициях общественных, отличавшихся прогрессивностью и свободолобием, — и литературных, определявшихся высокими художественными требованиями и ориентацией на народную основу литературного языка, результатом чего явилось решение обоими важнейших национально-культурных задач, а именно: создание современных национальных литературных языков.

Франце Прешерн принадлежит к новому поколению деятелей национального Возрождения, выступившему в Словении в 1830-е годы. Общественные позиции поколения формировавшейся словенской интеллигенции, к которому принадлежал поэт, отличались демократизмом, а литературные — борьбой за права национального языка. Последний вопрос практически решил именно Ф. Прешерн, дав в своих стихах образец нового словенского литературного языка. Вместе со своим близким другом, упоминавшимся нами чуть ранее филологом М. Чопом, поэт считал, что общенациональный язык должен базироваться на высокохудожественной литературе, опирающейся на фольклорные традиции и вбирающей в себя лучшие достижения совре-

менных европейских литератур. А. С. Пушкин же в своем творчестве смог отказаться от принципиального деления средств языка на «низкие» и «высокие», которое ввел в русскую литературу еще М. В. Ломоносов (1711–1765). Это явилось существеннейшим условием при решении стоявшей в то время перед русской культурой задачи — синтеза языковых стилей и создания нового литературного языка.

Сближение имен, столь противоположных вопреки очевидности естественных родственных связей, — дело сложное. Порой кажется, что крупницы общего, наблюдаемого в творчестве двух самобытных талантов, носят случайный, эпизодический характер. Однако при более внимательном, глубоком рассмотрении удастся выявить определенную закономерность появления таких точек соприкосновения, иногда даже сходство.

Задача в данном случае состоит не в том, чтобы описать творчество А. С. Пушкина и Ф. Прешерна или восстановить то, что они выразили (или хотели выразить) в своих произведениях, предприняв доскональный сравнительный/компаративистский анализ либо подробное описание всех общих мест в лирике двух поэтов. Тем более что уже существует целый ряд самостоятельных исследований, раскрывающих эту тему [Prižatelj 1901 с; Преображенский 1937; Kreft 1958; Пушкин — Прешерн 2000; Prešeren — Puškin 2001]. Наша цель более скромная, но от того не менее важная: наметить общие векторы творческого поиска, обусловившие возникновение точек соприкосновения.

Одним из главных объединяющих начал в творчестве Пушкина и Прешерна большинство исследователей склонно считать романтизм как общеевропейское явление [Kos 1980]. В эпоху романтизма, в контексте которого творили и русский, и словенский гении, поэзия занимала особое место. Поэзия романтизма выдвинула своего героя, чаще всего выражающего авторское отношение к действительности. Романтический лирический герой, иногда сам являющийся поэтом, — это человек с подчеркнуто сильными чувствами и исключительно острой реакцией на мир,

человек, отвергающий законы, которым подчинены другие, и поэтому он всегда стоит выше окружающих.

Лирика Пушкина и Прешерна во многом соотносится с эстетикой романтизма, но полностью ею не определяется. Так, в поэзии Прешерна слишком сильно воздействие просветительской традиции. У Пушкина постепенно появляются черты реализма, а затем оформляется окончательный переход к так называемой «поэзии действительности». Только романтизмом невозможно объяснить некоторую общность ценностно-эстетической системы координат и в определенной степени схожесть результатов творчества двух поэтов, которые в поэзии большого искусства воплотили души своих народов. Поэтому, на наш взгляд, причины следует попытаться искать там, где Пушкин и Прешерн стараются самостоятельно определить предназначение собственного поэтического творчества — через сравнение целей, которые они перед собой ставили, поскольку схожесть результатов зачастую обусловлена общностью задач.

Общая созидательная направленность лирики Прешерна и Пушкина со всей полнотой воплотилась в художественных образах Поэта — певца своего народа. В этих образах — наряду с образами лирических героев, а возможно, и с большей выразительностью — воплощено своеобразие творчества двух великих славянских поэтических талантов, в котором нашли свое выражение культурно-исторический аспект, национальная специфика, эстетические начала и авторская субъективность.

Наиболее важным, на наш взгляд, в связи с этим становится определение того сакрального смысла, который Прешерн и Пушкин вкладывали в само слово 'поэт'. При этом следует, насколько представляется возможным, придерживаться правила отстранения следов, наложенных внехудожественной, так называемой первично-эмпирической реальностью на образы Поэта в их лирике.

Пушкин и Прешерн весьма непохожи друг на друга, как непохожи их характеры, воспитание, личные интересы, да

и в целом судьбы. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на самое начало пути.

Александр родился в старинной дворянской семье мятежного рода Пушкиных. Его отец Сергей Львович (1770–1848), не чуждый вольнолюбивых веяний своей эпохи, увлекался поэзией, особенно любил декламировать Мольера (1622–1673). Дядя Александра Василий Львович (1766–1830) — видный в свое время поэт. Следует также напомнить, что нередкими гостями семьи Пушкиных были такие известные литераторы, как, например, Г.Р.Державин, Н.М. Карамзин (1766–1826), В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков (1787–1855). Мальчик рано увлекся чтением художественной литературы. В свои восемь лет он уже сочинял и представлял первые стихотворные опыты, написанные по-французски. Юноше исполнилось только пятнадцать, когда о его даровании уже заговорили лучшие представители отечественной литературы¹².

Прешерн родился в богатой крестьянской семье. Как среди отцовских, так и среди материнских родственников были деревенские священники, родители мечтали в будущем увидеть и маленького Франце в сутане. К стихотворному творчеству будущий великий словенский поэт обратился только студентом, некоторые из произведений изначально создавались им на немецком языке [Рыжова 1981, с. 244–276]. Лишь с 1827 года он начинает публиковаться, но появление его стихотворений «вызвало недоумение и гнев в кругах духовенства» [Чепелевская 1997, с. 324], поскольку: «Глубокое выражение внутреннего мира человека явилось подлинным открытием совершенно нового поэтического мира, так непохожего на всю предшествующую словенскую поэзию» [там же].

¹² По свидетельству С. Т. Аксакова, Г. Р. Державин в конце 1815 г. в беседе с ним сказал, что скоро свету явится «второй Державин: это Пушкин, который уже в Лицее перещеголял всех писателей». В сентябре 1815 г. В. А. Жуковский писал П. А. Вяземскому: «Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет» [Пушкин 1952, с. 33].

По-разному сложились и их личные судьбы. С одной стороны, внимание и любовь первых красавиц, светских дам; с другой — сердце, разбитое личными неудачами и жизненными невзгодами.

При знакомстве с произведениями Прешерна первым в глаза самого неискушенного читателя бросается то, что его поэт — это прежде всего певец любви, образ которого окутан печалью и отсутствием надежды.

Реальная несчастная любовь Прешерна к Юлии Примиц¹³ стала лейтмотивом его творчества, что и в лирике естественным образом наложило заметный отпечаток на образ поэта. Этот факт можно охарактеризовать как результат влияния так называемой первично-эмпирической реальности. Однако здесь есть и обратная связь: Прешерн искал в жизни тот романтический идеал любви, который вдохновлял величайших поэтов на создание настоящих шедевров, и именно в своем глубоком чувстве к Юлии он обрел желаемое. Позволим себе предположить, что на протяжении всей своей жизни поэт хранил верность своему художественному идеалу — в большей степени, чем реальной женщине. Даже живя с Анной Еловшек, подарившей ему детей, он продолжал писать о той недоступной, своем поэтическом идеале.

Так, например, в стихотворении «Сила памяти» (*Sila spomina*, 1843) лирический герой называет себя «певцом без надежды» / *pevec brez upa* [Prešeren 1996, s. 20]. Таков и молодой поэт в двух балладах, написанных с перерывом в десятилетие, но являющихся своеобразным продолжением друг друга — «Дважды погребенный» (*Prekop*, 1835):

Bil nékdaj je mlad pevec; ne bôgat al slovèč,
je zložil dôkaj pesmi, od ljubice najvèč,
od ljubice Sevêre, prevzetne deklice,
ki niso je oméčle njegove pesmi vse.

[Prešeren 1996, s. 76]

¹³ Зачастую в русской литературе используют кальку с устаревшей формы образования женских фамилий в словенском языке — 'Примичева'.

Жил юноша когда-то, и знал он в песнях толк.
Его чудесный голос в народе не умолк.
Надменную Северу он страстно воспевал,
Та не хотела слышать ни песен, ни похвал.

Пер. В. Луговского
[Прешерн 1948, с. 54]

Жил когда-то молодой поэт; небогатый, но известный,
он сложил много песен, в связи с любимой больше всего,
в связи с любимой Северой, надменной девушкой,
которую не смягчили все его песни¹⁴.

— и «Нетленное сердце» (*Neiztrohnjeno srce*, 1845):

De Dobroslàv je pevec bil tjékej pokopan,
ki pel v tak milih glasih je od ljubezni ran,
pel v tak slovečih pesmah čast lepe deklice,
prevzetne gospodične, nemile ljubice.

Al, ko si je zvolila mladenča družega,
iz prs nobena njemu ni pesem več prišla.

[Прешерн 1987, с. 104, 106]

Певец тут похоронен.
Он звался — Доброслав.
Одну из тысяч девушек раз навсегда избрав,
он пел о ней одной лишь, он пел одной лишь ей —
надменной, нелюбезной возлюбленной своей.

С другим она слюбилась, пошла с ним под венец, —
И, словно насмерть раненный, навек умолк певец.

Пер. В. Корчагина
[там же, с. 105, 107]

Вот Доброслав поэт был здесь погребен,
От ран любви рождавший прекрасные звуки,
Прославлявший в своих песнях прекрасную девушку,
Надменную барышню, неласковую любимую.

¹⁴ Здесь и далее, где особо не оговорено, дается подстрочный русский перевод, выполненный автором настоящей книги.

Но, когда она выбрала себе другого юношу,
Из груди его не вырвалось больше ни одной песни.

Тот же мотив звучит и в пятой «Газели» «Среди детей ты играла, дорогая!..» (*Med otroci si igrala, draga!; Gazele*, 1832):

Deklica prevzetna! <...>	Дева гордая <...>
Pevca ubozega usliši...	Благосклонна будь к поэту...
[Prešeren 1996, s. 125]	[Прешерн 1901, с. 117]

Девушка надменная! <...>
Поэта бедного услышь...

Мотив «злой судьбы» поэта обыгрывается в стихотворении «Глосса» (*Glosa*, 1834), где уже в первой строфе мы читаем:

nam spričuje Alighieri,	Камоэнс и Алигьери
káko sreča pevce udarja...	Испытали в полной мере, Как судьба жестоко ранит...
[Prešeren 1996, s. 111]	Пер. Л. Мартынова [Прешерн 1987, с. 149]

нам свидетельствует Алигьери,
как счастье поэта ударяет...

Как мы видим, в подлиннике слово 'sreča', то есть счастье, конечно же, используется автором в переносном смысле — удары наносит отнюдь не счастье, а судьба; сама собой напрашивается и звуковая аллюзия *udarjal/odarja* — в русском языке абсолютный аналог: ударяет/одаряет. Под словом *sreča* подразумевается любовь, возвышенное чувство — сопровождающее его разочарование, приносящее боль. Упоминание же поэзии Данте наводит на размышления о его неизбывной любви к Беатриче. Такая направленность образа, по сути, опре-

деляла всю поэзию эпохи Возрождения [Кузнецов 1979; Пуришев 1976].

Цитата из сонета другого великого представителя той эпохи, итальянского гуманиста Франческо Петрарки (1304–1374), «“Страсть”, “страданье” — тот же звук» (пер. Вяч. Иванова [Петрарка 1963, с. 74]) может стать определяющей и для многих произведений Прешерна. Сонет (СXXXII) «Коль не любовь сей жар, какой недуг...», в котором приведенные слова составляют окончание восьмой строки, входит в книгу лирики под названием «Книга песен», собравшей стихотворения, посвященные Лауре, и ставшей лучшим созданием Петрарки — и именно эти произведения прославили Петрарку как одного из величайших лириков европейской литературы.

Достаточно легко обнаруживаемые параллели с Данте и Петраркой еще более утверждают нас в мысли, что Юлия Примич в лирике Франце Прешерна в большей степени является поэтическим идеалом, чем образом реальной женщины.

Тема невозможности счастья развивается в «Глоссе» и далее, например в финале третьей строфы:

naj ljubezen si obeta,
vneti lepega dekleta,
pevcu vedno sreča laže.

[Prešeren 1996, s. 112]

...кто ж любить поэта в силах?
Счастье всех певцов обманет!

Пер. Л. Мартынова
[Прешерн 1948, с. 82]

пусть любовь себе обещает,
разжечь чувства в красивой девушке,
поэта всегда счастье обманывает.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что ‘поэт’ в творчестве Прешерна в своем глубоком сакральном смысле — это обязательно любящая, страдающая душа, что подтверждалось и его собственной судьбой, так называемой первично-эмпирической реальностью.

Такой образ поэта, пришедший из эпохи Возрождения, человека любящего, но глубоко несчастного, можно встретить и у Пушкина. Возьмем, например, такие строчки:

Хладна, тронися
Грустью моей.
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! Не встречает
Мукам конец...
Так! До могилы
Грустен, унылый
Крова ищи!

[Пушкин 1985, с. 75]

Это строки из стихотворения «Измень», написанного Пушкиным в юности — еще в 1815 году. Влияние европейских литературных образцов весьма сильно сказалось на созданных в лицейские годы стихотворных опытах Пушкина, которые остаются во многом несамостоятельными, а у их лирического героя есть признаки условности. Это дает нам основание думать, что появление приведенных строк является, скорее, данью художественной традиции, чем выражением глубинного смысла, который будущий великий Пушкин вкладывал в слово ‘поэт’.

Общеизвестные факты из биографии Пушкина, любовно-обильного повесы, который в 1828 году о себе писал: «Каков я прежде был, таков и ныне я: / Беспечный, влюбчивый» [там же, с. 437], — позволяют предположить, что понимание юдоли поэта, которое в поэзии Прешерна стало одним из основополагающих, просто не могло прижиться у Пушкина. Тем не менее в лирике Пушкина с необыкновенной силой звучит несколько иной, но всё же родственный прешерновскому мотив: у него неразделимы его сердце и лира — этот мотив начинает звучать еще в произведениях лицейского периода и не затихает до последнего вздоха поэта.

Его сердце любило многих, и многим он посвящал великолепные образцы любовной лирики. Когда же любовь ухо-

дила, рождались строки, подобные этим («Дар напрасный, дар случайный...»¹⁵):

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

[там же, с. 422]

В лирике Пушкина также появляется и мотив противопоставления идеала и реальности. Так, например, в стихотворении «Герой» (1830) он вкладывает в уста Поэта слова:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце!

[там же, с. 487]

Эти строки доказывают, что пушкинский Поэт остается верным идеалу, достичь которого невозможно.

Следовательно, можно сделать вывод, что и в лирике Прешерна, и в лирике Пушкина именно любовь является первоисточником поэтического вдохновения, его движущей силой. Без любви, без сердца не может быть Поэта.

Преклонение перед созидательной силой любви не единственное сходство образа Поэта в лирике двух славянских гениев. Поэт для обоих всегда больше, чем певец любви, это еще обязательно и выразитель определенных общественных настроений. Поэтому следующим важным шагом в понимании образа поэта и у Пушкина, и у Прешерна

¹⁵ Стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» датировано 26 мая 1828 г., то есть днем рождения А. С. Пушкина по старому стилю (по новому стилю — 6 июня).

становится освещением места и роли эстетического начала в жизни общества.

Лучшим доказательством подобия ролей в жизни общества, которые Прешерн и Пушкин определили для своего Поэта, могут послужить два из принадлежащих им основных, так называемых «программных» стихотворений — прешерновский «Венок сонетов»¹⁶ (*Sonetni venec*, 1833) и пушкинский «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836).

Когда звучат слова «великий поэт», в сознании возникает возвышенный образ певца — властителя дум. Такое представление еще во времена зарождения европейской культуры воплотилось в Орфее, наделенном магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но и боги, и даже сама природа. Этот образ настолько прочно укоренился во всей европейской культуре, что нет ничего удивительного в том, что он органично сливается с образом поэта в лирике и Прешерна, и Пушкина.

В «Венке сонетов», в его седьмом сонете, Прешерн говорит, что словенский народ еще ждет своего Орфея, так ему необходимого:

De bi nebésa milost nam skazále!
Otajat' Krájna našiga sinóve,
Njih in Slovéncev vsih okrog rodove,
Z domáčmi pésmam' Orfeja poslále!

De bi nam sèrca vnél za část dežéle,
Med námi potolažil razpertíje,
In spet zedinil rod Slovenšne cele!

[Štrekelj 2014, s. 781]

¹⁶ О значении названного шедевра и его вписанности в мировые литературные процессы рассказывает В. В. Сонькин в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Сонет в сербской, хорватской и словенской литературах эпохи модерна», где Прешерну посвящена значительная часть первой главы «Возникновение и распространение сонетной формы» — см. автореферат [Сонькин 1998, с. 5–7].

Послало б небо нам певца такого!
Опять Орфей повел бы хороводы,
Согрел бы Крайну¹⁷ песнями свободы
И всех славян, из племени любого.

Любовь к отчизне, бедствующей сирю,
Разжег бы в нас любимец Мусажета.
Сынов славян его сдружила б лира!¹⁸

Пер. С. Шервинского
[Прешерн 1987, с. 211]

Вот бы небеса милость нам явили!
Растопить Крайны нашей сыновей,
Их и словенцев всех вокруг роды
Родными песнями Орфея послали!
Вот бы он нам сердца зажег в честь страны,
Между нами успокоил распри
И опять объединил род Словенщины всей!

В 1933 году, создавая «Венок сонетов», Прешерн едва ли был уверен в том, что станет тем самым Орфеем для своего народа, в отличие от Пушкина, который за год до своей трагической гибели в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» с полным правом мог написать:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

[Пушкин 1985, с. 586]

¹⁷ Крайна — историческая территория, составляющая значительную часть современной Словении, впервые упоминается в 973 г.

¹⁸ По поводу перевода Сергея Шервинского следует заметить, что здесь акцент делается на идее общности славян, чего в оригинале в данном отрывке, как мы видим, нет, но говорится об объединении всех словенцев.

В приведенных здесь строках ярко выражена мысль, лейтмотивом проходящая через практически всё творчество двух славянских гениев: оба хорошо понимали смысл предназначения Поэта и смысл предназначения своего творчества, которое воспринималось ими как великая миссия, ниспосланная человечеству свыше.

Отсюда происходит еще один из важнейших аспектов, общих в лирике Пушкина и Прешерна. Речь идет о проповеди свободы Поэта как художника, который в своем творчестве не должен следовать чьей-либо указке, но лишь своему внутреннему чувству. В этом пушкинский и прешерновский Поэт схож с романтическим героем, его неприятием закона, свободой самовыражения, приподнятостью над толпой.

Вспомним строки пушкинского сонета «Поэту» (1830):

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...

[там же, с. 474]

Вспомним и финал прешерновской седьмой «Газели», написанной двумя годами позднее:

Drugih nisem prašal, kaj se jim po glavi blódi. —

[Прешерн 1987, с. 180]

и ни у кого, признаться, не прошу совета.

Пер. М. Петровых [там же, с. 181]

Других я не спрашивал, что бродит у них в голове.

Единственным человеком, способным оказать влияние на прешерновского Поэта, оказывается его возлюбленная, о значении образа которой сказано выше.

Стихам Пушкина созвучны и строки Прешерна из финала стихотворения «Органист» (*Orglar*, 1845), хотя в них — вместо пушкинского «свободного ума» — присутствует мотив Божественного провидения:

Kómur pevski duh sem vdihnil,
ž njim sem dal mu pesmi svoje;
drugih ne, le té naj poje,
dòkler, de bo v gróbu vtihnil.

[Prešeren 1996, s. 92]

Песню я вдыхаю в тело
Вместе с даром песнопенья,
Ей верны мои творенья
До последнего предела!

Пер. В. Луговского
[Прешерн 1948, с. 105, 107]

В кого я вдохнул песенный (= поэтический) дух,
Тому я дал и мои песни;
Не песни других пусть он поет, а эти,
Пока не затихнет в могиле.

Глубокая верность лишь своему внутреннему чувству,
но не внешним влияниям, является общей чертой образов
поэтов в стихах двух славянских гениев.

В «Газелях» Прешерна и сонете Пушкина «Поэту» прослеживается еще один схожий аспект в определении ими судьбы Поэта.

Kdor jih bere, vsak drugači
pesmi moje sodi;
Eden hvali in spet drugi vpíje:
"fej te bódi!"

[Prešeren 1996, с. 127]

О моих толкуя песнях,
скажут то и это.
Тот похвалит, этот скажет —
хуже песен нету.

Пер. М. Петровых
[Прешерн 1987, с. 181]

Каждый, кто читает мои стихи, по-разному о них судит;
Один хвалит, и опять другой вопит: «Фу!»

— читаем мы у Прешерна (седьмая «Газель»). А вот что мы находим у Пушкина («Поэту»):

Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной;
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

[Пушкин 1985, с. 474]

Оба поэта уверены, что найдется множество «мудрецов», готовых малодушно осудить то, что недоступно их пониманию. Из-за своего божественного дара видеть дальше и чувствовать глубже, чем другие, Поэт обречен на одиночество среди людей, на оскорбительные выпады противников, перед ним открыта безотрадная перспектива быть непонятым современниками. Чтобы оставаться Поэтом, и пушкинский, и прешерновский герой должен быть стойким, оставаться верным самому себе, своему творчеству:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

[там же, с. 586]

Эти мотивы с еще большей силой звучат в стихотворении Прешерна «Поэту» (*Pevcu*, 1838):

Kdo zná
Noč tèmno razjásnit', ki táre duhá!

Kdo vé
Kragúlja odgnáti, ki kljúje srcé
Od zóra do mráka, od mráka do dné!

Kdo učí
Izbrísat' 'z spomina nekdánje dní,
Brezúp prihódnjih oduzét' spred očí,
Praznôti ubežáti, ki zdánje morí!

Kakó
Bit' óčeš poét in ti pretežkó
Je v pèrsih nosít' al pekèl, al nebó!

Stanú
Se svôjiga spómni, tèrpi brez mirú! —

[Prešeren 1847, s. 36]

Кому
Под силу рассеять душевную тьму?
Где тот,
Кто коршуна сгонит, что кровь мою пьет
Из сердца весь день и всю ночь напролет?

Чей
Урок нас избавит от памяти дней?
Кто скроет грядущую скорбь от очей?
Спасет от бессмысленных дел и речей?

Будь рад,
Поэт, песнопенью, — пусть думы томят,
Пусть носишь ты в сердце то небо, то ад!

Пойми
Призвание поэта и муку прими.

Пер. С. Шервинского
[Прешерн 1948, с. 38]

Кто может
Ночь темную осветить, которая перетирает дух!

Кто знает,
Как ястреба прогнать, который клюет сердце
от зари до мрака, от мрака до начала дня!

Кто учит
Стирать из памяти былые дни,
безнадежность будущих убрать с глаз долой,
пустоты избежать, которая настоящие убивает!

Как это —
Существовать, ты видишь, поэт, и тебе
слишком тяжело
В груди носить то ад, то небо!

Статус
Свой вспомни, страдай без отдохновения!

Тот мрак,
Что душу сковал, прояснить знаешь как?!

И рвет
Стервятник злой сердце день-ночь напролет...
Кто злобу прогонит и сердце спасет?!

И кто
Из памяти вычеркнет прошлые дни,
Пред взором зажжет вновь надежды огни,
Уйдет от сковавшей людей пустоты!

Как жить,
Тебе, о певец, предстоит разрешить.
Как трудно в груди рай и пекло носить!

Поэт —
Вот имя твое, но покоя уж нет.

Пер. Ю. Созиной
[Prešeren — Puškin 2001, с. 108]

Приведенные строки — в оригинале и в переводе — еще раз подтверждают, что образы Поэта в лирике обоих гениев — и А. С. Пушкина, и Ф. Прешерна — отражают специфические для Словении и России культурно-исторические аспекты, общественные настроения и дух соответствующей эпохи, национальные особенности и многие другие обусловленные внешними обстоятельствами элементы, тем не менее очевидно наличие общей художественно-созидательной направленности этих образов:

- верность лиры переживаниям сердца;
- безрадостная участь быть непонятым современниками, или «толпой», как подчеркивал Пушкин;
- верность себе, своему чувству, стремление к свободе мысли, независимость от чужих мнений;
- схожее определение гражданской позиции поэта и его роли в жизни общества как такового (даже безотносительно к понятию 'хронотоп' [Бахтин 1975]).

Оба поэта-современника прекрасно осознавали свой талант, свою ответственность и непреходящее значение своего поэтического творчества, что с необыкновенной силой и выразительностью звучит в стихах как одного, так и другого. Именно это, пожалуй, делает подлинную поэзию великой, и потому ее творцы остаются жить в своих стихах и после физической смерти — так чувствовали великие поэты Александр Сергеевич Пушкин и Франце Прешерн.

Эти чувства нашли свое выражение в стихотворении Прешерна, написанном им за четыре года до кончины, — «Памяти Валентина Водника» (*Vspomin Valentina Vodnika*, 1845):

Vun plane 'z plamena,
Z svetlôbo obdán,
Slovéčga iména
Tič F e n i s na dán.

Tak pévec se trúdi,
Samôten živí,
Se v slávi, ko zgrúdi
Ga smèrt, prerodí.

[Prešeren 1996, s. 32]

И, облаком вспенаясь,
Из огненных рук
Прославленный феникс
Взывается вдруг.

Как феникс, воскреснет
И сердце певца
И пламенной песней
Наполнит сердца.

Пер. В. Луговского
[Прешерн 1948, с. 32]

Вылетает вон из пламени,
Объятая светом,
Славного имени
Птица Ф е н и к с однажды.

Так поэт трудится,
Одинокий живет,
В славе, когда обрушает
Его смерть, перерождается.

Эти чувства нашли свое выражение и в ставшем итоговым стихотворении Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык <...>

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

[Пушкин 1985, с. 586]

Несколько лет назад именно на пушкинском материале целенаправленно мы протестировали профильную словенскую государственную онлайн-платформу и представили результаты апробации современных онлайн-возможностей для исследования российско-словенских литературных связей [Созина 2021 а, б]. Для более подробного описания мы сфокусировались (о чем речь пойдет в следующей главе) на результатах, относящихся к первым упоминаниям фамилии Пушкин, относящимся к первой половине XIX века, поскольку последующий период весьма подробно разработан отечественными исследователями [Старикова 1999; Чуркина 1978; 1986; 2017; и др.].

Главным образом речь идет о возможностях национального проекта *dLib.si — Digitalna knjižnica Slovenije* («Цифровая библиотека Словении»), на наш взгляд, являющегося на сегодняшний день ценнейшим ресурсом с исследовательской точки зрения и позволяющего «виртуально» получить достоверную информацию о восприятии творчества великого поэта России А. С. Пушкина у словенцев с 1838 года вплоть до настоящего времени¹⁹.

Хотя существуют работы, освещающие «первые словенские шаги» Александра Сергеевича [Приятель 1901; Чуркина 1978 и 1986; Старикова 1999], благодаря представляемому здесь исследованию нами введены в научный оборот новые фактографические данные, весьма любопытные для российского пушкиноведения и в целом для понимания имиджа России того времени.

Настоящее (да, пожалуй, и будущее) современных гуманитарных исследований всё больше связано с онлайн-пространством, чему есть целый ряд объективных причин, среди которых: и развитие коммуникационных техноло-

¹⁹ Есть предположение, что еще одна немецкоязычная публикация была осуществлена словенцами в 1837 г., но об этом мы поговорим позже.

гий, облегчающих взаимосвязи и внутри научного сообщества; и формальные требования индексирования публикаций как в российских, так и в зарубежных системах; и трагичные в своей необходимости ограничения передвижений, связанные с политическими либо эпидемиологическими ситуациями в мире, вследствие чего национальные библиотечные и архивные фонды оказываются физически недоступными для зарубежных бенефициаров, которыми могут выступать как отдельные исследователи-нерезиденты, так и целые области национального гуманитарного знания, связанные с восприятием того или иного народа и его культурно-исторического наследия в мире (каковой в нашем случае и является словенская пушкиниана).

Тенденция постепенного перехода гуманитарной науки в цифровой формат хорошо прослеживается начиная с середины 1990-х годов. Всё чаще мы используем информацию и опыт Цифры, ссылаемся на нее. Наблюдается постоянное усугубление ситуации, именно сейчас действительность требует чуть ли не абсолютного перехода на электронные платформы, базы, сайты. «Новая реальность» гуманитарного знания расставляет иные акценты, и теперь весьма значительная, если не бóльшая доля времени исследователей-зарубежников, к которым относятся и словенисты, приходится на электронные ресурсы и обусловленные их спецификой методы работы. Предоставляя любые возможности получения информации и практически уравнивая, усредняя как достоверные, так и «фейковые» источники, Интернет приобрел недобрую славу, однако достаточно часто ему пророчат роль «спасителя» мирового сообщества от угрозы информационного вакуума. Так или иначе, развитие Интернета определено, он стал и будет неотъемлемой, хотя и, следует признать, затратной по времени частью жизни российского исследователя (впрочем, период адаптации отечественной гуманитарной науки под новые реалии далеко не закончен).

Расставляя необходимые методологические акценты, мы, таким образом, «фиксируем» актуальное состояние

того, какие на данном этапе существуют онлайн-возможности для исследования российско-словенских литературных связей, что важно само по себе, однако представляется весьма значимым и объект исследования, выбранный нами в качестве наглядного примера.

В настоящее время в Словении существуют информационные сайты отдельных исследовательских институтов, факультетов, журналов и издательств, представляющих собственные последние достижения; работает портал *COBISS.SI*, представляющий из себя по сути общесловенский библиотечный электронный каталог, в который в обязательном порядке вносятся все новейшие и по возможности максимально ретроспективные «карточки» изданий, хранящихся в библиотечных фондах страны; делается и многое другое. Как мы уже отметили выше, пожалуй, самым ценным следует признать национальный проект *dLib.si — Digitalna knjižnica Slovenije*.

«Цифровая библиотека Словении» — это информационный ресурс, который позиционирует себя как один из краеугольных камней национальной цифровой культуры, обеспечивающий сохранность письменного культурного наследия в электронном виде и необходимый для современных образовательных и научно-исследовательских процессов, что справедливо. Первые отдельные проекты по цифровизации в Национальной и университетской библиотеке (а это главная библиотека страны, расположенная в центре столицы Любляны) восходят к 1996 году, более четверти века по крупицам собиралась эксклюзивная коллекция изданий, во всем великолепии представляющая богатство словенского языка, литературы и культуры. Эта коллекция продолжает пополняться новыми находками из хранилищ публичных и специализированных библиотек, а также архивов со всей Республики Словении и не только: к системе подключен и ряд зарубежных научно-образовательных центров, где словенистика играет важную роль. Портал предоставляет открытый доступ к печатным и (в меньшей мере) рукописным материалам — кни-

гам, журналам и газетам, фотографиям, иллюстрациям, партитурам и т. д., — главным образом тем, что не обременены авторскими правами, то есть созданным до середины XX века, а также к новым журнальным публикациям из различных областей науки и культуры — с временной поддержкой в два-три года по договоренности с редакциями. Здесь анонсируется наличие отдельных единиц хранения и появление новых — как традиционных, так и электронных — с отсылкой в реальные читальные залы либо на сайты, где с нужными материалами можно ознакомиться.

Как у любого современного ресурса, тем более национального масштаба, у портала *dLib.si* есть поисковая система, позволяющая находить любое слово или сочетание букв внутри всего комплекса текстовых материалов, что является бесценным подспорьем для любого рода исследований. Следует, однако, учитывать и, надеемся, временные недостатки этого фундаментального проекта. Например, за прошедшие четверть века далеко не все первоисточники обрели новую жизнь в электронном виде. «Цифровая библиотека Словении» продолжает постоянно пополняться, но пока не может претендовать на роль универсального, всеобъемлющего хранилища информации. Вместе с тем на сегодняшний день это самый крупный, приближенный по актуальности к текущему моменту времени, максимально достоверный источник информации для современного иностранного исследователя, в том числе и российского. Конечно, существует процент ошибок, связанных с машинной расшифровкой и практически неизбежных при переводе сканированного изображения в текст, особенно частых для материалов, относящихся к более ранним периодам истории, поскольку со временем старая печать теряет четкость и качество. Каждый такой случай может быть обнаружен лишь внимательным и неравнодушным читателем, а затем исправлен библиотекарями вручную. Существуют и другие условности, влияющие на результаты поиска, и, естественно, их надо изначально учитывать при работе с предлагаемой базой. По возможности следует: избегать

«наложений» или «задваиваний» результативных страниц, на которых «встречаются» или стыкуются разные статьи (иногда на одной странице их несколько, и поиск на одно упоминание дает столько ссылок, сколько статей расположено на ней); иметь в виду практическую невозможность выявить ключевые слова, которые оказались «потерянными» при переносе на разрывах страниц и строк — и так далее. Таким образом, любые результаты, предлагаемые электронным поисковиком, даже с точки зрения простой статистики обязательно должны проходить ручную проверку на адекватность поставленной задаче (то есть отслеживаться человеком и соответственно корректироваться). Вместе с тем любое аналитическое исследование, при котором будет задействован такой поисковик, должно быть привязано к определенному времени — и, поскольку база постоянно пополняется, желательно при завершении работы перепроверить, не появилось ли что-нибудь новое. Для представленных здесь материалов, многие из которых были нами проанализированы специально для настоящей книги, дата актуализации — конец июля – август 2024 года.

Вначале представляется целесообразным посмотреть в целом, что предлагает портал (в нашем случае «Цифровая библиотека Словении») при введении в поисковую строку фамилии великого русского поэта. Итак, Пушкин по-словенски — *Puškin*. Хотя перед нами словенский национальный ресурс, не стоит забывать и варианты написания, используемые в языках, имевших особый культурный статус в разные исторические эпохи: немецкое *Puschkin* и английское *Pushkin*. На территории современной Республики Словении в период до кодификации словенского литературного языка и еще некоторое время спустя государственным языком оставался немецкий, многие печатные документы, относящиеся к истории культуры словенцев, создавались на нем. В настоящее время государство является членом Евросоюза и единым языком общения признан английский, а потому не стоит упускать из виду, что современная словенская наука в своем стремлении слить-

ся с общеевропейской и тем самым заявить о себе на мировом уровне нередко сразу создается именно на этом языке международной коммуникации²⁰. Справедливости ради необходимо отметить, что для Словении в целом весьма характерна культура владения иностранными языками, что обусловлено положением на межкультурном (межъязыковом) перекрестье, что само по себе дает ряд преимуществ. Иногда в соответствующих словенских журналах и научных альманахах русские статьи публикуются также без перевода, по крайней мере, во второй половине XX века это было вполне обычной практикой, поскольку предполагалось, что большинство читателей знакомы с кириллицей (и латиница, и кириллица изучались в школах Югославии повсеместно) и смогут уловить смысл близкородственного славянского языка. Впрочем, в свое время достаточное число словенцев изучало русский как иностранный.

Стоит обратить внимание и на вариант *Puskin*, поскольку диакритика могла исчезнуть при распознавании старой печати либо при достаточно традиционной практике переноса написания словенского (славянского) имени на иные европейские языки, такую диакритику не использующие (что встречается в тех же немецких и английских текстах). Такое написание характерно и для венгерского языка.

Если задать поиск только по названиям публикаций, то остается лишь словенский вариант — 75 (*65)²¹ раз на-

²⁰ В связи с этим отметим, что автор настоящей книги придерживается мнения, что научные знания зависимы от языка, на котором создаются: здесь речь идет о контексте, традициях, мировоззренческой позиции. Практика перехода науки на иностранные языки в конечном счете не способствует развитию собственного национального знания, растворяет и нивелирует национальные научные школы. Это справедливо не только для гуманитарных, но и для технических наук. Для выхода на мировую арену должен использоваться профессиональный перевод.

²¹ Здесь и далее перед скобкой приведены результаты на 28 июля 2024 г., в скобках со знаком * сохранены результаты, бывшие актуальными на 15 февраля 2021 г.: разница в цифрах весьма наглядно демонстрирует, насколько интенсивно развивается «Цифровая библиотека Словении».

чиная с 1883 года, что, на первый взгляд, весьма скромно для двухсотлетней истории. Однако при полнотекстовом поиске получаем: *puškin* — 8508 (*7470) записей (с 1841 года по настоящее время); *puschkin* — 157 (*131) запись (начиная с 1789 года); *pushkin* — 274 (*190) записей (начиная с 1861 года); *puskin* — 156 (*143) записи (начиная с 1861 года). (Впрочем, в указанное количество входят и «дубли», и созвучное прилагательное от словенского слова 'puška', то есть по-русски 'ружье, винтовка', и т. д.) При этом, как показывают результаты поиска, в языковом плане выборка документов, соответствующих словенскому варианту *puškin*, весьма широка: английский, болгарский, венгерский, греческий, испанский, итальянский, латынь, македонский, немецкий, польский, румынский, русский, сербский, сербскохорватский — и на кириллице, и на латинице — французский, хорватский, а также ряд изданий, изначально позиционирующих себя как многоязычные. При других вариантах написания к этому перечню добавляются еще словацкий и эсперанто.

На основании анализа предоставляемых «Цифровой библиотекой Словении» данных видно, что самые ранние упоминания фамилии Пушкин относятся к 1789 году и связаны они с графом Валентином Платоновичем Мусиным-Пушкиным, в то время, то есть во время Русско-шведской войны (1788–1790), генерал-майором, главнокомандующим сухопутной армией, направленной в 1788 году в Финляндию (в 1797 году он получил звание генерал-фельдмаршала). О нем дважды (4 июня и 27 октября; № 23 и 44) пишет люблянская немецкоязычная газета «Лайбахер Цайтунг» (*Laibacher Zeitung*; 'Люблянская газета'; выходила в 1784–1918 годах) — в связи с вестями из России в разделе «Иностранные новости» [*Laibacher* 1789 a, s. 4; b, s. 3].

Затем по хронологии следует с перерывом почти в 20 лет (1818 год), как ни удивительно, российское издание на немецком языке, оказавшееся в личном собрании известного словенского писателя Ивана Потрча (1913–1993), а потому и переведенное в словенскую «цифру» и посвященное Сигизмунду Герберштейну [*Adelung* 1818]. В нем автор, Фридрих (или на русский манер — Фёдор Павлович) фон Аделунг (1768–1843), историк, лингвист, почетный член Императорской академии наук, посвящает целую главу уже другому государственному деятелю, представителю рода Мусиных-Пушкиных — Алексею Ивановичу (1744–1817), историку, археографу, президенту Императорской академии художеств, а вернее — его труду «Историческое замечание о начале и местоположении древнего российского, так называемого Холопья города» [*Мусин-Пушкин* 1810]²²,

²² Холопий городок (на р. Мологе), позднее село Старое Холопье, Борисоглебское, в настоящее время скрыт Рыбинским водохранилищем.

в котором воспроизводится одна из карт, прилагаемых к книге С. Герберштейна «Записки о Московии» («Записки о России»).

Имя великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина в хронологически выстроенных списках портала впервые появляется в 1838 году по случайному совпадению снова 27 октября и снова в немецкоязычном варианте — в 43-м номере издания «Иллиришес Блатт» (*Illyrisches Blatt*; ‘Иллирийский журнал’), выходившего в Любляне с 1819 по 1849 год в качестве еженедельного приложения к вышеназванному периодическому изданию «Лайбахер Цайтунг», открытого для немецких и словенских авторов и посвященного вопросам патриотизма, науки, культуры и образования. Здесь на титульном листе как заглавный материал печатается *Deli-Bascha* — немецкий перевод стихотворения А. С. Пушкина «Делибаш» (1829) — без указания переводчика [*Illyrisches* 1838 a, S. 169]. И первым на русской почве, в 1901 году, этот факт фиксирует известный словенский литературовед Иван Приятель, участвуя по приглашению хорватского слависта, академика Императорской академии наук в Санкт-Петербурге Ватрослава (или на русский манер — Игнация Викентьевича) Ягича (1838–1923) в сборнике «А. С. Пушкин в южнославянских литературах» [Приятель 1901, с. 372].

Ф. Н. Преображенский в своей развернутой статье «Пушкин у словенцев», опубликованной на русском языке в Белграде к столетию со дня гибели поэта [Преображенский 1937, с. 119–148], замечает: «Исследователи не решаются приписывать Прешерну и первый напечатанный в Любляне (немецкий) перевод из Пушкина» [Преображенский 1937, с. 122]²³.

Нерешительность эта обусловлена целым рядом причин. Во-первых, все рукописи и черновики Франце Пре-

²³ Здесь автор допускает опечатку (что так по-человечески), указав дату публикации «27 окт. 1828», вместо 1838 г.

шерна были уничтожены сразу после его смерти, остались только опубликованные произведения и письма, сохраненные некоторыми адресатами. Подтвержденных фактов знакомства Прешерна и Пушкина с творчеством друг друга нет.

Выше уже было сказано, что друг Ф. Прешерна М. Чоп внимательно относился к русской литературе, а в его библиотеке хранилось семь произведений Пушкина на русском и немецком языках, однако в сохранившихся печатных и рукописных документах Прешерн нигде не упоминает русского гения [Чепелевская 1997, с. 317; Чуркина 1978, с. 65; Legiša 1959, s. 22; Старикова 1999, с. 228; Kreft 1958, s. 93]. Вместе с тем мы должны напомнить и тот факт, что Франце Прешерна связывала личная дружба с Франтишеком Ладиславом Челаковским (1799–1852), чешским поэтом, переводившим Александра Сергеевича еще при его жизни [Старикова 2004]. Впрочем, многие австрийские литераторы славянского происхождения того времени были знакомы друг с другом, переписывались, следили за публикациями.

Гаральд Рааб в своей монографии «Лирика Пушкина в Германии (1820–1870)», опубликованной Немецкой академией наук в Берлине в 1964 году, сообщает, что в 1837 году в пражском журнале «Ост унд Вест» (*Ost und West*, 'Восток и запад'; № 13, S. 101) опубликованы два анонимных перевода: *Deli-Bascha* (*Delibasch*; «Делибаш») и *Der Sturm* («Буря») [Raab 1964, S. 69]. При этом он ссылается на предположение Алоиза Гофмана, своего коллеги, высказанное в монографии «Пражский журнал “Ост унд Вест”» [Hofman 1957, S. 208], о том, что перевод на немецкий язык восходит к переводу на чешский Франтишека Ладислава Челаковского (1799–1852) «Из антологии русской». О переводах чешским поэтом и фольклористом стихотворений русских поэтов, в том числе А. С. Пушкина, писали многие российские исследователи [Кишкин 1999 и 2005; Никольский 2000; Жакова 2000; и др.].

В частности, Л. С. Кишкин делает акцент на том, что именно благодаря этим переводам Ф. Л. Челаковский приобрел известность: «...прославился переводом ряда антологических стихов Пушкина: “Делибаш”, “Два ворона”, “Зимний вечер”, “Утопленник”, “Гусар”, которые появились в “Журнале Чешского музея” за 1833 и 1837 год» [Кишкин 1999, с. 264]. В своей книге «Пушкин и Чехия» исследователь отмечает: «Переводы Челаковского не безупречны, однако в ряде случаев ему удалось удачно воспользоваться основами силлабо-тонического стихосложения <...> особенно удались чешскому поэту переводы “Зимнего вечера” и “Двух воронов”» [Кишкин 2005, с. 25]. С. В. Никольский, памятуя о русской хрестоматии Ф. Л. Челаковского [Čelakovský 1892; Никольский 2000, с. 16], опубликованной в 1852 году, подчеркивает, что «...во многом именно по инициативе Челаковского был подготовлен буквально “взрыв” увлечения поэзией Пушкина в 50-е годы, когда в Чехии определилось и стремление к переводу и освоению всего его художественного наследия» [Никольский 2000, с. 13].

Благодаря книжной коллекции «Google-книги» мы подняли названные русскими исследователями номера журнала «Часопис Ческого Музеум» (*Časopis Českého museum*; ‘Журнал Чешского музея’) и нашли в четвертом выпуске за 1833 год перевод «Делибаша» [Čelakovský 1833, s. 360] и других стихотворений «Из антологии русской». Переводы эти вошли и в собрание поэтических произведений Ф. Л. Челаковского, вышедшее в 1950 году в Праге, книга есть в фондах московской Библиотеки иностранной литературы — в осовремененном варианте написания [Čelakovský 1950, s. 381–407].

Непосредственно у А. Гофмана есть дополнительное разъяснение обстоятельств, позволивших ему сделать вывод о вторичности немецкого перевода в журнале «Ост унд Вест»: «Особенно это видно по второй строфе, целиком основанной на чешском, несколько измененном переводе» [Hofman 1957, S. 208].

Сравним вторую строфу пушкинского «Делибаша» в оригинале и в упомянутых переводах:

У А. С. Пушкина

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

[Пушкин 1985, т. I, с. 458]

У Ф. Л. Челаковского

Delibašo! Chraň se pŭtek,
Nepauště se k dolu njž;
Pohyne sic twŭg žiwŭtek,
Hrotu kopj zakusjš!

[Čelakovský 1833, s. 360]

У анонима
в «Иллиришес Блатт»

Deli-Bascha! fort vom Schlachtfeld!
Such' des Kampf's dich zu entheben,
Sonst an scharfer Lanzenspiße
Büßest du dein junges Leben.

[Illyrisches 1838 a, S. 169;
Ost 1937, S. 101]

Делибаш! Остерегайся потока,
Не спускайся к шахте ниже;
ведь лишишься твоей жизни,
Конец копья тебя подцепит!²⁴

Дели-Баша, убирайся с поля боя!
Постарайся воздержаться от борьбы,
Иначе на острие копья
Пожертвуешь ты своей молодой

жизнью²⁵.

Возможно, Гофман имеет в виду форму звательного падежа, использованную Челаковским как раз во второй строфе. У анонимного переводчика на немецкий 'делибаш'

²⁴ За помощь с чешским подстрочником благодарим Ирину Александровну Герчикову, к. ф. н., научного сотрудника Института славяноведения РАН.

²⁵ Здесь и далее в этой главе за помощь с немецким подстрочником благодарим Екатерину Дмитриевну Попцову, к. ф. н., зав. сектором изучения зарубежного опыта и методических разработок Центра консервации и реставрации документов Библиотеки иностранной литературы.

получил окончание ‘-а’, чего не должно было бы возникнуть при прямом переводе с русского языка. Именно эта форма — с окончанием ‘-а’ — присутствует и в 43-м номере за 1838 год журнала «Иллиришес Блатт».

Обратим внимание и на то, как озаглавлено само стихотворение. У Челаковского в названии публикации сохранена исходная форма *Delibaš*, которую, однако, сопровождает сноска: «Делибаш, или лучше Делибаша, — полковник конницы турецкой армии» (*Delibaš, neboli lépe Delibaša, gest plukownjk nad gjzdným tureckým wogskem*²⁶). Форма *delibaša* (с ударением на третий слог) используется и в словенском языке в значении ‘турецкий военачальник’²⁷.

Известно, что Прешерн наряду с родным словенским и государственным немецким языками, хорошо владел латынью и древнегреческим. Однако в 1828 году он некоторое время провел в Моравии, где мог познакомиться с чешским языком и его особенностями, в том числе звательным падежом, который отсутствует и в словенском, и в немецком, и в русском. Мог он также знать и о переводах Челаковского, с которым переписывался как по-немецки, так и по-словенски [Prešeren 1966, s. 181–192].

В результате благоприятного стечения обстоятельств на портале Австрийской национальной библиотеки *ANNO* (*anno.onb.ac.at*), название которого расшифровывается как «Австрийская газета онлайн», в открытом доступе мы всё-таки обнаружили то самое анонимное стихотворение, чем подтвердили свою гипотезу — да, публикация 1838 года в «Иллиришес Блатт» является всего лишь перепечаткой, а именно: из пражского журнала «Ост унд Вест», № 13 за 1837 год, то есть первого года существования, в те-

²⁶ Сохранено оригинальное написание 1833 г., отличающееся от современного литературного варианта.

²⁷ См. портал «Фран. Словари Института словенского языка имени Франа Рамовша Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств». — URL: <https://fran.si/iskanje?View=1&Query=delibaša>.

чение которого было опубликовано 26 номеров, следовательно, публикацию можно ориентировочно отнести к первой половине июля [Ost 1837].

И всё же вернемся к поисковику «Цифровой библиотеки Словении» и предоставленным им результатам. В том же 1838 году, уже 8 декабря, в 49-м номере, имя А. С. Пушкина упоминается в связи с выходом в Париже двух томов переводов русской поэзии на французский язык: «Все парижские поэты хвалят перевод как чрезвычайно удачный; подборка сделана хорошо, Крылов и несчастный Пушкин включены» [Illyrisches 1838 b, S. 196], — последняя ремарка свидетельствует о равнодушном отношении пишущего к судьбе великого поэта с ее трагическим финалом. Отметим, что этот факт до нас не отражался в отечественном литературоведении.

И наоборот: следующий по хронологии факт упоминания Пушкина в словенской немецкоязычной периодике поисковик не показывает, хотя документ присутствует в базе, да и благодаря И. Приятелю [Приятель 1901, с. 372] регулярно появляется на страницах российского литературоведения.

Например, в 2017 году независимый исследователь Е. В. Степанова, ссылаясь на сборник под редакцией И. В. Ягича «А. С. Пушкин в южнославянских литературах», которую заключает труд И. Приятеля, пишет: «В “Иллиришес Блатт” № 51 за 1838 год сообщалось о выходе в свет полного собрания сочинений А. С. Пушкина в 7 томах. В этой же статье сообщались подробности о том, что 3 тома уже поступили в продажу, а в седьмом томе планировалось напечатать портрет Пушкина и его библиографию»²⁸, — и приводится ссылка: «А. С. Пушкин в южно-славянских литературах: Сборник статей под ред. И. В. Ягича.

²⁸ Слова «3 тома уже поступили в продажу, а в седьмом томе планировалось напечатать портрет Пушкина и его библиографию» — незакономерное точное воспроизведение перевода И. Приятеля цитаты из заметки в «Иллиришес Блатт» [Приятель 1901, с. 372].

Том LXX. № 2. СПб., 1901, 404 с. С. 372»²⁹ [Степанова 2017, с. 577].

Или: «Знакомство читательской аудитории с творчеством великого русского поэта состоялось сначала через так называемый язык посредника — немецкий — главное тогда средство общения образованных людей: в 1838 году в люблянской немецкоязычной газете “Иллиришес блатт” (№ 43) был опубликован перевод “Делибаша”. Позднее там же (№ 51) упоминается об издающемся в Санкт-Петербурге семитомном собрании сочинений А. С. Пушкина», — пишет Н. Н. Старикова в своей статье «А. С. Пушкин в словенских переводах и литературной критике (XIX в.)» [Старикова 1999, с. 229], ссылаясь непосредственно на самого И. Приятеля и его работу «А. С. Пушкин у словенцев» из сборника 1901 года под ред. И. В. Ягича [там же, с. 234].

Следовательно, поисковик не связал этот номер газеты с нашим вышеобозначенным запросом. Указанную коллегами статью мы смогли найти вручную и при этом обнаружили, что для ее открытия в поисковую строку следовало бы ввести еще один дополнительный вариант написания *puskins* (всего 12 (*8) записей с 1838 по 2012 год) — в случаях использования иных написаний данный результат не показывается.

Собственно говоря, этими двумя фактами упоминаний Пушкина на немецком языке в «Иллиришес Блатт» все трое названных исследователей и ограничиваются, обращаясь далее сразу к первым поэтическим переводам непосредственно на словенский язык, которые относятся уже ко второй половине XIX века.

Вместе с тем в свете развития словенской печатной пушкинианы мы находим весьма примечательные факты.

²⁹ Данные приведены не совсем корректно: номера тома и выпуска относятся к частенько забываемому в библиографических описаниях ведущему российскому периодическому изданию того времени, носившему название «Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук».

27 февраля 1840 года 9-й номер «Иллиришес Блатт» открывает новый перевод на немецкий пушкинского стихотворения «Ворон к ворону летит...» (1828), выполненный Винценцом Цузнером³⁰ (1804–1874) и озаглавленный «Два ворона» (*Die beiden Raben*) [Illyrisches 1840, S. 41]. История баллады на словенской почве весьма примечательна, а потому мы поговорим об этом особо в следующей главе, здесь же — в рамках темы словенских немецкоязычных публикаций — остановимся на фигуре переводчика, поскольку именно этот интерес привел нас к неожиданным результатам.

Винценц Цузнер — поэт, переводчик и предприниматель, уроженец Шкофья-Локи — со временем переселился в Грац (словенский Градец), город на юго-востоке современной Австрии — центральный для Штирии, расположенный на реке Муре. Представитель словенско-немецкого пограничья — и Австрия, и Словения считают его своим (о чем свидетельствуют отдельные записи в историях литератур обеих стран). В частности, ему принадлежит ряд переводов произведений Прешерна со словенского на немецкий язык.

Первая стихотворная публикация В. Цузнера относится к 1828 году — состоялась она в беллетристическом издании «Дер Ауфмеркзаме» (*Der Aufmerksame*), выходившем в Граце. Именно сюда отсылает нас Лино Легиша при упоминании переводов Пушкина, говоря, что «...у “Ауфмеркзаме” (1837) и “Иллиришес Блатт” (1838, 1840) есть и Пушкин (два — в переводе Цузнера)» [Legiša 1959, II, s. 149].

К сожалению, газета «Дер Ауфмеркзаме» не представлена на портале *dLib.si* (надеемся, временно), однако в открытом доступе на портале Австрийской национальной библиотеки *ANNO* можно найти половину годовой подборки за 1837 год [Der Aufmerksame 1837].

В статье Янеза Логара об этом издании в «Энциклопедии Югославии» сказано, что это литературное и популярно-научное приложение газеты «Грацер Цайтунг» (*Grazer*

³⁰ Словенское написание фамилии: *Cuznar*, — немецкое: *Zusner*.

Zeitung), выходившее с 1812 по 1842 и с 1855 по 1858 год с регулярностью три раза в неделю. При этом автор статьи отмечает, что «из словенцев в нем сотрудничали главным образом разные от словенства отчужденные писатели», и, перечисляя, называет и Винценца Цузнера, и Станко Враза (1810–1851), и Даворина Трстеньяка (1817–1890), и многих других [Logar 1955].

К сожалению, как уже сказано, на портале *ANNO* представлены не все, а вразнобой лишь половина выпусков газеты «Дер Ауфмеркзаме» требуемого года: 78 из 156, — а потому оставшиеся 78 выпусков в настоящее время для нас недоступны. И хотя мы просмотрели все имеющиеся в открытом доступе номера и удостоверились, что В. Цузнер достаточно регулярно печатал здесь свои стихи, в том числе переводы с русского, Пушкина мы не увидели, впрочем, как и какого-либо упоминания подобного перевода в содержании за год. Тем не менее наше внимание привлекла публикация с подзаголовком «Вольный перевод с русского» — приводим ее здесь целиком, дабы она вновь не затерялась в архивах, но наоборот, возможно, принесла бы пользу российским исследователям и просто читателям.

Der Krieger und sein Roß

Frey nach dem Russischen

Heimathsfern, auf fremder Erde
Liegt der Krieger, blutbedeckt,
Neben seinem treuen Pferde
Leichenbleich dahin gestreckt.

Seine matten Blicke gleiten
Sehnend hin zum Vaterland,
Wo ihm einst in schöner'n Zeiten
Freudenreich das Leben schwand.

Und mit schmerzlicher Geberde
Spricht der wack're Kampfgesell
D'rauf zu seinem flinken Pferde:
»In die Heimat eile schnell!«

»Grüß' die Berge, Thäler, Flüsse,
Grüß' die Mutter hochbetagt,
Auch mein holdes Söhnlein grüße,
Welches nach dem Vater fragt.«

»Grüß' die Freunde in der Runde,
Grüß' den Vater alt und schwach,
Und der Gattin bring' die Kunde,
Dass ich ihr — die Treue brach.«

»Uns'rer Liebe heil'ge Bande
Sind gelöst für diese Welt,
Denn ich hab' im fremden Lande
Mit der Erde mich vermählt.«

[Zusner 1837]

Воин и его конь

Вольный перевод с русского

Далеко от родины, на чужой земле
Лежит воин, обогранный кровью,
Рядом со своим верным конем,
Лицо его бледно, он распростерт.

Его усталый взор устремлен
С тоской к родной земле,
Где когда-то, в лучшие времена
Жизнь его радостно расточалась.

И с мучительным видом
Говорит отважный боевой товарищ
Затем своему проворному коню:
«В родные края спеши скорей!»

«Передай привет горам, долинам, рекам,
Приветствуй престарелую мать,
Также передай привет моему милому сыночку,
Что спрашивает об отце».

«Передай привет друзьям,
Приветствуй старого и немощного отца

И жене принеси весть,
Что я ей изменил».

«Священные узы нашей любви
Разорваны для этого мира,
Ибо я в чужой стране
Сочетался браком с землей».

*(Подстрочный перевод
с немецкого Е. Д. Попцовой)*

В истории культуры Австрии Винценц Цузнер остался еще и как покровитель искусств. Он учредил ежегодную музыкальную премию (двух степеней) на лучшее сочинение, созданное на его стихотворения, которая присуждалась после его смерти, то есть начиная с 1875/1876 учебного года. Известно, что в 1876/1877 учебном году некий Эрнст Людвиг получил первую премию за музыкальное воплощение как раз вольного перевода с русского «Воин и его конь» [Biographisches 1891, S. 324].

Процитированное ранее сообщение Л. Легиши о публикации 1837 года, хотя мы не можем в настоящее время его подтвердить, тем не менее дает нам основание к следующим выводам: 1) первый словенский немецкоязычный перевод А. С. Пушкина, возможно, увидел свет не в 1838, а в 1837 году; 2) В. Цузнеру принадлежат два опубликованных перевода, обойденных вниманием немецкого и русского пушкиноведения; 3) в 1837 году «Дер Ауфмеркзаме» напечатала, по всей видимости, перевод именно В. Цузнера, своего постоянного автора.

С 1842 по 1846 год поиск *dLib.si* на немецком языке по фамилии Пушкин выдает еще три результата. «Лайбахер Цайтунг» упоминает в ряду новостей из России: 1) Михаила Николаевича Мусина-Пушкина (1795–1862), попечителя Казанского учебного округа (1827–1845), тайного советника (с 1839 года), в связи с Казанским университетом [Laibacher 1842, S. 4] и 2) некоего Фёдора Пушкина, помещика, который вместе с дворянином Казимиром Неселовским посетил Люблян 24 декабря 1846 года на пути

из Вены в Венецию, — в приложении в рубрике «Иностранцы. Перечень прибывших и убывших» (*Fremden — Anzeige der hier Angekommenen und Abgereisten*) [Laibacher 1846, S. 783]. Доступен на портале «Цифровая библиотека Словении» и трехтомник «Петербург в картинах и зарисовках» Йохана Георга Коля, первая книга которого вышла в 1845, а две последующие в 1846 году. Здесь Александр Сергеевич Пушкин упомянут дважды: во второй книге автор цитирует переводной отрывок из его «Евгения Онегина» (XXXV строфа первой главы романа) в связи с упоминанием там «хлебника, немца аккуратного» в главе «Немцы» [Kohl 1845–1846, II, S. 427]; а в третьей — в главе «Высшие классы общества» — называет его «русским Байроном» [ibidem, III, S. 149].

Следующая запись за 1852 год была найдена нами по еще одному, интуитивно добавленному варианту поиска *puškini* (всего 1533 записи): в заметке Фр. Цегнара «Славянский путешественник» (*Slovanski popotnik*) о немецком издании «Краткий справочник по истории славянских языков и литературы Тальвы» (*Übersichtliches Handbuch der Geschichte der slavischen Sprachen und Literatur von Talvy*), где отмечено, что в книге «с особой радостью говорится об истории русского языка и литературы, о Ломоносове и Пушкине» [Kmetijske 1852, s. 407].

В том же году есть еще одна запись, непосредственно относящаяся к немецкому языку: в трехтомнике «Исследования внутренних условий, национальной жизни и особенно сельских учреждений России» автор, Август фон Гакстгаузен, упоминает в ряду знатных фамилий Бобрищевых-Пушкиных, Мусиных-Пушкиных (дважды) и Пушкиных [Haxthausen 1847–1852, Th. 1, S. 201; Th. 3, S. 70, 78, 81].

Следующий, 1853 год для словенцев ознаменован выходом в свет первого перевода стихов А. С. Пушкина на родном языке — и это уже совершенно иная история, о чем мы поговорим в одной из следующих глав этой книги.

Итак, в четверг, 27 февраля 1840 года, словенский журнал «Иллиришес Блатт» публикует на своем титульном листе пушкинскую балладу «Ворон к ворону летит...». Перевод на немецком языке подписан Винценцом Цузнером и озаглавлен «Два ворона» [Шырисхес 1840, S. 41].

Известно, что впервые Пушкин опубликовал эти свои стихи в альманахе «Северные цветы на 1829 год» (СПб., после 27 декабря 1828 года) [Бонди 1949, с. 1166–1167; Пушкин 1828], и именно под названием «Два ворона», которое впоследствии, как мы увидим, прижилось на словенской почве. Однако уже в следующем, 1829 году выходят две первые части «Стихотворений Александра Пушкина» (третья часть выйдет уже в 1832 году) [Сидяков 1997, с. 397] — во второй из них поэт приводит стихотворение уже без названия, однако в содержании появляется подзаголовок «Шотландская песня» [Пушкин 1829, с. 129–130, 175].

Традиция именовать пушкинскую балладу без названия «Два ворона» держалась в Словении до 1892 года. И, смеем предположить, не только потому, что в распоряжении переводчиков были именно «Северные цветы на 1829 год», а не авторский поэтический сборник. На наш взгляд, традиция эта восходит к более ранним переводам на немецкий и чешский языки, которые могли быть известны словенским переводчикам.

Название «Два ворона» присутствует у того же Ф. Л. Челаковского в его публикации «Из антологии русской» при переводе на чешский язык [Čelakovský 1833, s. 363].

В монографии Г. Рааба, посвященной истории немецких переводов лирики А. С. Пушкина, мы находим список из семи различных переводов баллады, опубликованных в период с 1830 по 1860 год, представленных целиком в сравнении и с комментариями [Raab 1964, S. 180–187]:

1. Неизвестный переводчик: *Die beiden Raben* («Два ворона») [Blätter 1930, S. 235].

2. Хоффманн фон Фаллерслебен (*Hoffmann von Fallersleben*): *Der erschlagene Ritter* ('Убитый рыцарь') [Deutscher 1938, S. 56].
3. Адельберт фон Шамиссо (*Adelbert von Chamisso*; 1781–1837): *Ein russisches Lied von Puschkin* ('Русская песня Пушкина') [ibidem, S. 196–197].
4. Роберт Липперт (*Robert Lippert*): *Die beiden Raben* [Puschkin 1840, S. 310].
5. Рудольф Минцлофф (*Rudolf Minzloff*): *Das Rabenmahl* ('Трапеза ворона') [Beiträge 1854, S. 41–42].
6. Фридрих Боденштедт (*Friedrich Bodenstedt*): *Die beiden Raben* [Puschkin 1854, S. 147].
7. Александр Вальд (*Alexander Wald*): *Der Rabe* ('Ворон') [Antologie 1860, S. 29].

Три из перечисленных переводов носят название «Два ворона» — 1830, 1840 и 1854 годов, а первый из них — анонимный — вполне мог быть известен и В. Цузнеру, и Ф. Л. Челаковскому, поскольку опубликован в Лейпциге в одном из номеров «Блеттер фюр литерарише Унтерхальтунг» (*Blätter für literarische Unterhaltung*; 'Газета для занимательного литературного чтения'), выходивших с июля 1826 года по 1898 год в издательстве, учрежденном в 1805 году, к рубежу 1830–1840-х годов уже имевшем достаточно широкую аудиторию и, кстати, носившем имя своего основателя, знаменитого Фридриха Арнольда Брокгауза (1772–1823). Добавим также, что в «Энциклопедическом лексиконе» 1830 года, подготовленном этим издательством, в VIII томе, содержалась «довольно обстоятельная, но со многими ошибками биография “графа Александра Пушкина”, “гениального русского поэта”» [Алексеев 1937, с. 115]. Вполне возможно, что именно публикация в издательстве Брокгауза стала началом традиции именования этого пушкинского стихотворения «Два ворона», которую, как мы видим, поддерживали и авторы более поздних переводов.

Доступ к немецкому анонимному переводу, опубликованному в Лейпциге и датированному 28 февраля 1830 года, воскресеньем, мы получили благодаря открытому пор-

талу *SLUB. Wir führen Wissen*, представляющему цифровую коллекцию Саксонской земельной библиотеки — Дрезденской государственной и университетской библиотеки; а к переводу Винценца Цузнера, опубликованному в 1840 году, — благодаря «Цифровой библиотеке Словении».

Отметим, что в своем труде Г. Рааб не упоминает перевод В. Цузнера, вероятно, просто не зная о нем. Таким образом, дополняя глубокое и важное исследование немецкого ученого, фиксируем, что в период с 1830 по 1860 год было создано не семь, а восемь немецких переводов баллады.

В дополнение к вышеизложенному добавим еще и то, что перевод Ф. Боденштедта переиздавался в 1885 году Ю. Гартом [Hart 1885, S. 408], о чем сообщает М. П. Алексеев [Алексеев 1937, с. 131].

Чуть позже, чем на немецком, стали появляться и переводы баллады на словенском языке. В XIX веке мы находим три публикации.

Примечательно, что поиск на *dLib.si* именно это произведение А. С. Пушкина под названием *Dva vrana* выдает как первое упоминание русского поэта при поиске по заголовкам. Публикация состоялась в 1883 году в одном из двух первых толстых журналов в Словении, посвященных национальной литературе, — «Люблянски звон» (*Ljubljanski zvон*; 'Люблянский колокол') [Ljubljanski 1883 b, s. 544]. Перевод подписан псевдонимом Калопер (*Kalopèr*), под которым выступил знаменитый словенский писатель, драматург, лингвист, для словенской литературы во многом первооткрыватель — Фран Левстик (1831–1887).

К сожалению, на словенском портале *dLib.si* связь между псевдонимом и реальным автором не отображается, хотя зафиксированы другие псевдонимы, которыми пользовался словенский классик, такие как: *L.-k.*, *Molčislav*, *Podlomski*, *r*, *st.*, *Stanislav*. Кроме того, здесь мы обнаружили ошибку при каталогизации файлов, содержащих этот перевод, что еще раз обращает внимание на важность человеческого фактора. В каталоге зафиксировано следующее: файл, содержащий только страницу с переводом, к сожалению,

отнесен к выпуску журнала № 9 за 1883 год³¹, хотя на самом деле он завершает № 8. Обнаружить несоответствие помогла сквозная нумерация страниц всех выпусков одного года, принятая в Словении. Обратившись к файлам, содержащим выпуски целиком, мы это сразу выявили³².

Перевод Левстика был включен в 1901 году в «Русскую антологию в словенских переводах», правда, с чуть измененным названием *Dva vranova* и, конечно, под настоящим именем переводчика *Franc Levstik* [Ruska 1901, s. 50–51].

Фран Левстик в свое время включился в «соревнование», предложенное словенским литераторам одним из крупнейших поэтов своего времени Янезом (Иваном, Йваном) Веселом-Косеским (1798–1884) в связи с прочувствованной тем при переводе оды «Бог» Г. Р. Державина крайней сложностью передачи всех оттенков русского стиха на словенский язык, и создал свой перевод, высоко оцененный критикой. Е. С. Степанова в своей статье «Фран Левстик — друг русского народа», созданной по следам выступления на Круглом столе для писателей и творческой интеллигенции «Пути сближения славянских культур» в рамках Международной научно-практической конференции «Славянский вопрос: новые парадигмы мышления», которая состоялась 10–11 декабря 2018 года в Москве, и опубликован-

³¹ Ср., две записи в каталоге «Цифровой библиотеки Словении»:

Полная запись в электронном каталоге. — URL: <https://dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-3P6U23FR/?euapi=1&query=%27keywords%3dpuškin%40OR%40fts%3dpuškin%27%27&sortDir=ASC&sort=date&pageSize=25&fyear=1883&frelation=Ljubljanski+zvon>.

Отдельная запись для перевода «Два ворона» (*Dva vrana*). — URL: <https://dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-3P6U23FR/?euapi=1&query=%27keywords%3ddva+vrana%27&sortDir=ASC&sort=date&pageSize=25> — и подгруженное изображение страницы (URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-3P6U23FR/d441805a-0d30-42fd-9cf8-ce2aaeda7077/PDF>).

³² Замеченная только сейчас, уже во время подготовки этой книги, при дополнении библиографии электронными ссылками, эта ошибка из словенского ресурса перекечевала и в наши более ранние работы [Сози-на 2021 а, с. 317; б, с. 46]. Рады, что у нас есть возможность ее исправить.

ной на портале «Проза.ру», о переводе баллады, созданном 18 ноября 1870 года, подготовленном к печати в 1876 году и опубликованном в 1883 году, пишет следующее:

«Левстик любил великого русского поэта А. С. Пушкина. Перевод баллады “Ворон к ворону летит...” был им сделан в соревновании с Косеским. Перевод Левстиком этого стихотворения получил высокую оценку как мастерский и даже лучший в Словении, хотя и остался единичным. <...>

В работе о словенских переводах поэзии и прозы Пушкина филолог-славист Драган Марьян Цернетич упоминает выдающийся перевод Левстика. Будучи поэтом, Левстик продемонстрировал, что на словенском языке можно создать высококачественный перевод. <...> Автор выразил сожаление по поводу того, что перевод из творчества Пушкина остался единичным» [Степанова 2021 а].

Приведенные нами сведения из статьи в несколько измененном виде вошли и в монографию Е. В. Степановой, посвященную Ф. Левстику [Степанова 2021 б, с. 345–346, 348]. По поводу изложенных в этих текстах мыслей позволим себе заметить: 1) в связи с пушкинским переводом уместнее было бы говорить о споре не столько с Иваном Веселом, использовавшим псевдоним *Koseski*, сколько с его полным тезкой — использовавшим псевдоним *Vesnin*; 2) фамилия исследователя, на магистерскую диссертацию которого «Словенские переводы пушкинской поэзии и прозы (1853–1901)» [Cernetic 1968] ссылается автор, с английского языка может транскрибироваться как Чернетич (достаточно распространенная фамилия в Словении), — а еще 3) привести здесь пятую строфу стихотворения Ф. Левстика «Утешение», где есть слова, посвященные А. С. Пушкину, в переводе Елены Викторовны:

Tolažba

Srce tudi nam čutljivo bije,
V milo pesen se izliva,
Ki objemlje um i sluh.

Утешение

Сердце наше тоже чутко бьется,
В песнях изливаясь милых,
Что объемяют ум и слух.

Ne jedine jonske harmonije,	И не только греков гармония,
Ne Armída zapeljíva,	Не Армида разбитная,
Ne samo britanski duh,	Не один британский дух,
Tudi pesen Kraljevíča Marka	Песню о Королевиче Марко
Véčnosti podala je rokó;	Незабвенье вечности ждало;
I Prešerna venčal je Petrarka,	И Прешерна увенчал Петрарка,
Puškin v solnce močil je peró.	Пушкин в солнце окунал перо.

[Levstikovi 1891, s. 182]

[Степанова 2021 б, с. 338–339]

Утешение

Сердце тоже у нас чутко бьется,
 В милую песню изливается,
 Которая охватывает разум и слух.
 Не единый ионийский лад,
 Не Армида соблазняющая,
 Не только британский дух,
 Также и песня Королевича Марко
 Вечности подала руку;
 И Прешерна венчал Петрарка,
 Пушкин в солнце макал перо.

Творчество Франа Левстика входит в национальную сокровищницу Словении, ему посвящаются отдельные исследования и коллективные труды [Бершадская 2012; Степанова 2021 б, с. 371–380]. К 100- и 150-летию писателя вышли в свет две книги под названием «Сборник Левстика» (*Levstikov zbornik*; 1933 и 1982), последний с подзаголовком «Симпозиум 1981». В них ведущие словенские ученые представили свои новейшие на тот момент изыскания. Во втором по хронологии «Сборнике Левстика» слависту и переводчику Матею Роде (1930–2012) принадлежит глава «Фран Левстик как переводчик», где особое внимание уделено именно «Двум воронам».

Памятуя о том, что уже в середине следующего, XX века Миле Клопчич, с именем которого тесно связана словенская пушкиниана, этот перевод практически без измене-

ний включил в ставший классическим и переиздававшийся целиком и частями шеститомник избранных сочинений русского классика на словенском языке, а именно в том I «Стихи» [Puškin 1950, s. 168], исследователь задается в определенной мере риторическими вопросами: «Сколько существует переводов, остающихся живыми и свежими даже по прошествии ста лет? И что значит Левстик в истории перевода у словенцев? Переводу у нас столько же лет, сколько и литературе» [Rode 1982, s. 183]. — И в завершение своей работы делает вывод: «Дальнейшие исследования наверняка дадут нам право, и мы сможем сказать: то, что для нашей юношеской литературы значат “Детские игры в стихах”, для прозы “Мартин Крпан [из деревни Врх. — Ю. С.]”, для критики “Путешествие [из Литии в Чатеж. — Ю. С.]” и для развития языка “Ошибки [словенского правописания. — Ю. С.]”, значит для словенского перевода и левстиковский перевод пушкинской баллады “Два ворона” — это веха на пути развития» [ibidem].

И действительно, в своем грандиозном по словенским меркам (первый же тираж составил 5000 экземпляров) издании, посвященном 150-летию А. С. Пушкина, «великого русского и мирового поэта» [Puškin 1950, s. 5], М. Клопчич практически ничего не трогает в звучании стиха, только во второй строфе вместо слова *Gospodár* предлагает более близкое Пушкину *vitez mlad*; в третьей строфе переставляет слова (*kônjič vé* становится *ve konjič*), тем самым меняя ударение в двусложном слове, осовременивая его; осовременивает и синтаксис; снимает спецсимволы, обозначающие ударные гласные, принятые в печати XIX века; и дает балладу без названия — как это принято в русской традиции (*K vranu črni vran leti...*).

Так о каком же творческом споре, возникшем по поводу этого произведения, могла идти речь, о чем упомянуто выше?

Поэт, переводчик и священник, декан Иван Весел (псевд. — Веснин), о котором мы писали во «Введении» в связи с «Русской антологией в словенских переводах», в 1873 го-

ду передал свои «Переводы русских поэтов» (*Prevodi ruskih pesnikov*) в мариборское периодическое издание «Зора» (*Zora*; ‘Заря’; издатель Янко М. Пайк³³; выходило с 1 января 1872 года по 20 марта 1878 года). Подборку составили десять стихотворений троих юбиляров — А. С. Пушкина (4), М. Ю. Лермонтова (4) и А. С. Хомякова (2). Они печатались начиная с титульной страницы в номерах с 16-го по 24-й. Редакция в предваряющей публикацию сноске отмечала: «Досточтимый г-н Иван Весел — уже давно славно известный словен. писатель из “Зоры” и “Гласника”³⁴, для которого он писал незаурядные статьи под именем: Веснин, — представил несколько прекрасных стихов лучших русских поэтов и по доброму побуждению “Зоре” их послал. Мы эти стихи с удовольствием публикуем, поскольку они делают честь не только русским классикам, но и искусному словен. переводчику» [Prevodi 1873, s. 241].

Открывают подборку «Два ворона» (*Krakarja*) [ibidem, s. 241–242]. В конце своей статьи «Пушкин у словенцев» Н. Ф. Преображенский приводит «Список словенских переводов из Пушкина, появившихся в печати до 5 апреля 1937 г.» — как поэтических, так и прозаических [Преображенский 1937, с. 145–148]. В списке 73 наименования пушкинских произведений, для большинства из которых было создано, конечно, по одному переводу. Однако есть и «полюбившиеся»: 8 из них переводились дважды, а 9 — трижды. Трех переводов удостоились: «Барышня-крестьянка»

³³ В Архиве Российской академии наук сохранилось письмо Пайка от 21 ноября 1877 г. к Бодуэну де Куртенэ с просьбой ходатайствовать о пособии для продолжения издательской деятельности Славянского общества (см. об этом в кн.: [Чуркина 1978, с. 353]).

³⁴ По всей видимости, подразумевается «Гласник», или зачастую «Гласник словенски» (*Glasnik slovenski*; ‘Вестник словенский’; в современной библиографии принято обратное написание *Slovenski glasnik*), выходивший в Целовце с 1858 по 1868 г. под редакцией А. Янежича (1828–1869). Добавим, что в 1869 г. в Мариборе вышел еще только один номер «Гласника» под редакцией Й. Юрчича, но произведений Ф. Левстика в мариборском выпуске нет.

(1875, 1883, 1910), «Капитанская дочка» (1883, 1896, 1924), «Метель» (1898, 1910, 1912), «Дар напрасный» / «Мая 26-го 1828 г.» (1901, два — 1917), «Пиковая дама» (1888, 1891, 1921), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1853, 1870, 1889 — последний переиздавался в 1901 году под другим названием), «Черная шаль» (1877, 1891, 1898), «Ворон к ворону летит...»³⁵ (1873, 1883, 1892). Таким образом, можно отметить, что самыми востребованными произведениями А. С. Пушкина в словенских землях XIX века стали «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Ворон к ворону летит...».

Третий в XIX веке перевод баллады принадлежит Ламурскому, который меняет традицию и озаглавливает его «Шотландская песня». Публикация состоялась 10 мая 1892 года в № 9 триестского журнала «Словански свет» (*Slovanski svet*; 'Славянский мир') [Пушкин 1892]. Стихотворение приведено в трех вариантах (слева направо): словенский перевод на латинице, затем на кириллице и в завершение русский оригинал. Впрочем, словенские исследователи невысоко оценивают этот вклад в словенскую пушкиниану, например И. Приятель прямо пишет: «Существуют в словенской литературе еще некоторые переводы из Пушкина, преследующие посторонние цели, как напр. водворение у словенцев кирилловского письма и чтения кириллицей напечатанных словенских текстов, или же сближение словенского языка с русским в виде безвкусной смеси. Этим попыткам никто не будет придавать значения, кто знаком с реальными условиями жизни. К числу таких переводов принадлежат напечатанные в журнале *Slovanski svet* тексты Ламурского (псевдоним, настоящая фамилия автора Матф. Андр. Трновец)...» [Приятель 1901, с. 391].

В завершение разговора о балладе А. С. Пушкина «Ворон к ворону летит...» в качестве сравнения приведем первые и финальные (четвертые) строфы переводов и выполненных нами подстрочников (см. далее).

³⁵ Здесь Преображенский называет балладу «Шотландская песня».

По представленным образцам видно, что наиболее близко оригинальный пушкинский замысел передает перевод 1883 года, выполненный Ф. Левстиком, о котором в самом журнале «Люблянски звон» говорится: «Как перекладывать на словенский язык русские стихи, показывает нам следующая идеально переложенная из Пушкина баллада» [Ljubljanski 1883 b, s. 544]. Вместе с тем и более ранние переводы обладают своим шармом, в них есть то, что заставляло современников ценить творчество русского поэта и обращаться к нему снова и снова, а еще хорошо знать его имя и понимать значение для развития литератур всего славянского мира.

У А. С. Пушкина

У анонима

Die beiden Raben

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милога,
Не убитого, живого.

[Пушкин 1985, т. I,
с. 430, 431]

Krächzend fliegt ein schwarzer Rabe
Und ein andrer fliegt und krächzt:
“Rabe, weißt du eine Ätzung,
Wo wol suchen wir sie auf?”

Doch der Falke flog hinweg,
Mit dem Roß ritt fort der Feind,
In dem Haus die Hausfrau harrt,
Doch nicht seiner, der erstarrt.

[Blätter 1930, S. 235]

Каркая, летит черный ворон,
И другой летит и каркает:
«Ворон, знаешь ли ты,
Где нам корм искать?»

Но сокол улетел,
На коне ускакал враг,
В доме ждет хозяйка,
Но не того, кто хладен лежит.

У Ф. Л. Челаковского

Dwa hawrani

Hawran za hawranem skáče,
za starým tak mladý kráče:
Powěz, kde se nasytjme,
Kde si oběd vysljdjme? –

Sokol w háge uletěl,
Wrah na koni odegel,
a žena čeká milého
žiwého — ne zabitého

[Čelakovský 1833, s. 363]

У В. Цузнера

Die beiden Raben

Ein flugesmatter Rabe ruft
Zu einem zweiten durch die Luft:
“Du, guter Bruder, sag’ mir an,
Wo ich den Hunger stillen kann?”

“Zum Walde floh das treue Roß,
Die Gattinn aber sitzt im Schloß,
Und harr’t in Angst und heißer Lieb’
Auf Jenen, der am Leben blieb.” –

[Illyrisches 1840, S. 41]

Ворон за вороном прыгает,
за старым то молодой шагает:
Скажи, где насытимся,
Где мы себе обед выследим?

Сокол в рошу улетел,
убийца на коне ушел,
а жена ждет любимого
живого — не убитого..

Уставший от полета ворон
Кричит другому издали:
«Добрый брат, сообщи мне,
Где я могу утолить голод».

Верный конь ускакал в лес,
А супруга сидит в замке
И в страхе и пылкой любви
Ожидает того, кто остался в живых.

У Калопера (Левстика)

Dva vrana

K vránu črni vrán letí,
Vránu črni vrán kričí:
Vrán! kjé najdeva kosílo?
Kjé kosílo in gostílo?

Sókol zlétel v gáj vesel,
Kònj morilca náse vzел;
Žívega gospa junáka,
Mrtvega doma ne čáka.

[Ljubljanski 1883, s. 544]

К ворону черный ворон летит,
Ворону черный ворон кричит:
Ворон! Где мы вдвоем найдем обед?
Где обед и угощение?

Сокол улетел в рощу веселую,
Конь убийцу на себя принял;
Живого хозяйка героя,
Мертвого дома не ждет.

Первые опубликованные переводы на словенский язык стихотворений А. С. Пушкина

Обращаясь к началу истории переводов произведений А. С. Пушкина в Словении, российские исследователи традиционно говорят о второй половине XIX века — времени появления публикаций на словенском языке. Напомним, что первой вышла «Сказка о рыбаке и рыбке» в 1853 году в Вене — столице Австрийской империи, в состав которой в то время входило несколько провинций с преимущественно словенским населением. Публикацию осуществил Франц Миклошич (1813–1891) — словенский и австрийский филолог, заложивший основы сравнительно-исторического изучения славянских грамматик, член Императорской академии наук Австрии (1851) и член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1856). Словенский перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» был включен им в хрестоматию «Словенское чтение для пятого класса гимназии» [Miklošič 1853]. Поскольку автор перевода не указан, можно предположить, что руку приложил сам составитель.

Вместе с тем Иван Приятель в упоминавшейся нами уже не раз работе 1901 года всё-таки первым переводчиком называет Родолюба Лединского³⁶, представившего, как пишет исследователь, «Пушкинские “стансы”, назвав их по-словенски: “*Misli in želja*”» [Приятель 1901, с. 374]. Публикация состоялась в № 81 первой словенской газеты,

³⁶ Поэтический псевдоним. «Антон Жакель (как поэт *Rodoljub Ledinski*) знал уже на третьем курсе богословия все славянские языки» [Приятель 1901, с. 371] — факт примечательный, особенно в свете разговора о большом внимании к славянским языкам среди австрийских словенцев, в том числе русскому. В этой своей работе И. Приятель также отмечает, что свою роль в развитии интереса к русскому языку сыграл и Лайбахский (Люблянский) конгресс — один из конгрессов Священного союза, собравший монархов Австрии, Пруссии и России в период с 26 января по 12 мая 1821 года в Любляне.

выходившей именно на словенском языке — «Кметийске ин рокоделске новице» (*Kmetijske in rokodelske novice*; 'Крестьянские и ремесленнические новости') [Kmetijske 1855, s. 324], которую в 1843 году основал д-р Янез Блейвейс (1808–1881), словенский политик и писатель, академик Академии наук и искусств Хорватии, лидер Словенского национального движения — «отец нации», как его называли современники.

«Стансами» словенский исследователь называет известную элегию «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», написанную А. С. Пушкиным в декабре 1829 года и опубликованную в 1830 году во втором номере «Литературной газеты», издававшейся русским поэтом, критиком и издателем бароном А. А. Дельвигом (1798–1831) в Санкт-Петербурге с 1 (13) января 1830 года в течение полутора лет (затем была запрещена).

Если же вновь обратиться к поисковику «Цифровой библиотеки Словении», то мы увидим, что первая запись *Puškin*, соответствующая норме словенского языка, впрочем, как и ряда других славянских языков, появляется в 1841 году — на «иллирийском наречии», современном хорватском языке — и связана с именем, о котором так несправедливо написал Лино Легиша, что он (повторим эту цитату) «был знаком из новых только с Лермонтовым» [Legiša 1959, s. 22]: Станко Враз³⁷. Один из крупнейших поэтов своего времени, родом из Словении, входивший в кружок молодых штирийцев в Граце вместе с Миклошичем [Приятель 1901, с. 371], поддерживавший иллирийское движение, переселившийся в Загреб (в 1838 году) и ставший одним из первых блистательных поэтов в истории хорватского романтизма, в своей книге «Голоса из Жеровинской дубравы» (*Glasi iz dubrave Žerovinske*), вышедшей в Загребе в 1841 году, дважды приводит строки из наследия рус-

³⁷ О Станко Вразе и мы не раз писали в своих работах [Созина 2012 а, 2014, 2016]. Значительное внимание его фигуре уделяет И. И. Лещиловская в своей монографии «Иллиризм» [Лещиловская 1968].

ского поэта в качестве эпитафий. В этом сборнике баллад и романсов уже состоявшийся поэт представил переводы на хорватский значительной части своих ранних стихотворений, изначально написанных на словенском языке.

В первом случае, предвоя сборник, на титульном листе С. Враз приводит четыре строки из поэмы «Цыгань» (1824), принадлежащие Старику, передавая их латиницей:

V umje mojem minuvši ljeta.	В умѣ моемъ минувши лѣта
Čas ot času temnej, temnej;	Часъ от часу темнѣй, темнѣй;
No zaronilaš pjesnja eta	Но заронилаś пѣсня эта
Gluboko v pamjati mojej.	Глубоко въ памяти моей ³⁸ .

[Vraz 1841, s. I]

[Vraz 1864, s. IV]

Во втором — строки из поэмы «Цыганы» предвояют балладу «Фредрик и Веруника». И вновь цитата (на этот раз реплика Земфиры) представлена непосредственно на русском языке, но передана латинским алфавитом:

– Sĺyšiš? chripĺyj s[t]on	Слышишь? хриплый стон
I skrežet jaryj!... Kak užasno! ³⁹	И скрежет ярый!.. Как ужасно!..

[Vraz 1841, s. 67]

[Пушкин 1986, с. 70]

«Цифровая библиотека Словении» располагает двумя электронными вариантами указанной книги Станко Враз: один — из собрания вышеупомянутого Ивана Потрча, другой хранится в Люблянской городской библиотеке. Примечательно, что на обложке книги и на титульном листе разнится написание притяжательного прилагательного, связанного с местечком на северо-востоке Словении —

³⁸ В переиздании 1864 года, предпринятом «Матицей илирской», пушкинские строки даны уже в оригинальном кириллическом написании.

³⁹ Опечатка в оригинале: *son* вместо *ston*. — В дополнение к предыдущей сноске добавим, что при переиздании (1864) этот эпитаф остался в написании латиницей [Vraz 1864, s. 56].

Жеровинцы: на обложке *Žerovinske*, на титуле *Žeravinske* (что больше соответствует хорватской грамматике, но не русской и не словенской; словенский же библиотечный ресурс актуализирует второй вариант написания).

Примечательно данное издание еще и тем, что завершается списком всех подписчиков, его поддержавших, который расположился на четырнадцати страницах — с 139-й по 152-ю. Список весьма любопытный, среди имен можно встретить весьма известные, оставившие заметный след в истории славянских народов и их культур: словенцы Франце Прешерн (*Prešern Franjo, Dr. pravah spisatelj u Ljublj.*; с. 150) и Франц Миклошич (*Miklošič Fr. Vl. Dr. mudroljubja i pravah*; с. 151); чехи Франтишек Ладислав Челаковский (*Čelakowski Fr. Lad., spisatelj česki*; с. 151) и Вацлав Ганка (*Hanka Wacław, bibliotekar nar. česk. Museuma*; с. 151); словак Павел Йозеф Шафарик (*Šafarik P. J., Dr. m. i čuvar kr. české bibliotéky*; с. 151); русские О. М. Бодянский (*Bodjanski Jozip Maximovič, profesor slav. jezika i literature na sveučilištu Moskovskom*; с. 152), П. И. Прејс (*Preiss Petar Ivanovič, prof. slav. jezika i literature na sveučilištu Petrogradskom. 2 ex.*; с. 152), И. И. Срезневский (*Sreznjevski Izmail Ivanovič, prof. slav. jezika i literat, na sveučilištu Harkovskom. 3 ex.*; с. 152) и многие-многие другие [Vraz 1841, s. 139–152].

Если обратиться к собственно словенским публикациям, самым ранним (1848 года) оказывается упоминание Александра Сергеевича в ряду, если перефразировать автора последующих строк, славнейших мужей, которыми может гордиться славянство с самых древних времен: «Ученые люди: Управда (Юстиниан), римский кесарь, Нестор, Гаек из Гайку, Коперник, Босковиц, Велеславин, Коменский, Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин, Гундулич, Красицкий, Добровский, Копитар, Вега, Долинар, Линде, Коллар, Шафарик, Юнгманн, Палацкий, Мицкевич, Палмонич, Марко де Доминис, Досифей Обрадович, Косеский, Мажуранич и т. д., и т. д.» [Slovenija 1848, s. 48] — приводим целиком данный весьма примечательный список,

свидетельствующий о том, что Пушкина хорошо знали и ценили (на наш взгляд, именно благодаря таким кратким, без особых объяснений, «живым» заметкам можно ощутить подлинный дух эпохи и понять истинное отношение к той или иной исторической фигуре, которая, очевидно, у всех на слуху). В данном случае это отрывок из статьи «Краткий обзор европейских народов» (*Kratki pregled evropejskih narodov*), которую в пяти своих августовских выпусках (№ 10–13, 16) в разделе «Неполитическая часть» на четвертой (заключительной) полосе печатала газета «Словения», выходившая в Любляне с 1848 по 1850 год. Автор не указан, но в конце публикации есть приписка «С чешского» (*Iz Českiga*) [Slovenija 1848, št. 16, s. 64]. (Вторая запись в результатах поиска за 1848 год относится к миру оружия: *puškin jezičik*, или ‘ружейный спусковой крючок’ [Vedež 1848, s. 105].)

Интуитивно, для того чтобы удостовериться в корректной работе системы, добавляем в поисковик запрос *puškina* — получаем 6008 (*5139) записей, которые теоретически должны были бы во многом совпадать с исходным запросом (*puškin*), однако результат иной: первые три записи по запросу *puškina* относятся к 1849 году, и наоборот — в результатах запроса *puškin*, как ни странно, эти три записи вообще отсутствуют. Что же это за публикации? Поисковик выводит номера трех периодических изданий: «Славянски родолюб» (*Slavjanski rodoljub*; Триест), «Словенске новине» (*Slovenske novine*; Целье)⁴⁰ и уже упомянутой «Словении». Отметим, что триестская газета «Славянски родолюб» была введена в базу сравнительно недавно (запись датирована 26 октября 2023 года) и не учитывалась нами в более ранних публикациях.

⁴⁰ В каталоге газета зарегистрирована как *Celjske slovenske novine*, поскольку так назывался ее самый первый выпуск, далее же использовались не всегда упорядоченно и *Celjske novine*, и *Slovenske novine*. В нашем случае в заголовке стоит последний из вариантов, поэтому и мы позволим себе сохранить его в библиографическом описании.

Как оказалось, все три публикации идентичны и представляют собой объявление, размещенное учителем триестской гимназии Иваном Мацуном и анонсирующее начало работы над хрестоматией «Цветы южнославянские с дополнительными цветами других садов славянских» (*Cvetje jugoslavjansko s dodanimi cveti drugih vertov slavjanskih*) и необходимость сбора средств на печать. При этом в «Славянском родолюб» объявление дано параллельно на двух языках: в колонке слева — на сербском, а в колонке справа — на словенском. Везде в конце текста стоит одна и та же дата: 10 июля 1849 года. Однако если в случае со «Словенскими новинами» и «Словенией» никаких противоречий не усматривается — публикации состоялись 19 и 20 июля (соответственно) [Masun 1849 b, s. 232; c, s. 119–120], то «Славянски родолюб» вызывает вопросы. Каталогная запись отправляет нас к четвертому выпуску⁴¹, который датирован 29 июня, то есть опубликован раньше — и обе даты четко обозначены; объявление И. Мацуна напечатано в приложении-вкладыше, непосредственно на котором дата не указана, также нет ничего, что подтверждало бы прямое отношение вкладыша к названной газете [Masun 1849 a, s. 35–36]. Мало того, газета «Славянский родолюб» выходила всего лишь шесть раз — ни один другой ее выпуск не содержит подобных приложений с объявлениями. Однако на листах с объявлением И. Мацуна есть страницы начиная с 35-й, значит, это продолжающаяся публикация. Единственной неоспоримой связкой между приложением и газетой можно считать место издания, да и то название типографии несколько трансформируется: *Tiskarnica Austrianskega Lloyd* и *Iz Lloydove tiskarnice*. Вот такую загадку нам преподнес портал *dLib.si*. Для ее решения необходимо изучить историю названной триестской типо-

⁴¹ См. соответствующую каталожную запись. — URL: <https://dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-2RUUFGHU/?euapi=1&query=%27keywords%3dpuškina%40OR%40fts%3dpuškina%27%27&sortDir=ASC&sort=date&pageSize=25&fyear=1849>.

графии, что из Москвы на современном этапе сделать, к сожалению, невозможно. Впрочем, мы успокаиваем себя тем, что данный вопрос не имеет прямого отношения к объекту нашего исследования, а также нас радует, что нами на этапе подготовки книги найден новый факт упоминания имени великого русского поэта в периодической печати.

Фигура Ивана Мацуна (1821–1883) и его проект издания южнославянской хрестоматии заслуживают внимания как минимум в свете развития межславянских связей. Известный литературовед, публицист, он преподавал в Целье, Триесте, Загребе, Любляне, Граце, являлся сторонником иллиризма. К тому же для Станко Враза он собирал словенские народные песни. В 1848 году он приступил к составлению южнославянской хрестоматии стихов и прозы. Итак, как уже следует из вышеизложенного, 10 июля 1849 года И. Мацун объявляет состав поэтической части будущей книги, охватывающей, в том числе, и русскую литературу: «что-то небольшое из Державина, Пушкина и Козлова» (4-й абзац) [там же]. И действительно первый том хрестоматии вышел в Триесте в 1850 году с общим заявленным ранее заголовком «Цветы южнославянские с дополнительными цветами других садов славянских» и названием первого тома «Цветы словенской поэзии» [Macun 1850]. Состав тома не ограничен стихами, прозой и драмой на словенском языке, включены переводы из чешского, сербского и хорватского фольклора, завершают его более 50 страниц на иллирийском наречии (хорватском языке). Это издание можно найти на портале *dLib.si*, в нем также упоминается Александр Сергеевич и его «Руслан и Людмила» и «Евгений Онегин» в 11-м параграфе «Классификация стихов повествующих» (§ 11. *Razdeljenje pesem pripovedajočih*) [ibidem, s. 70].

К сожалению, критика не приняла настоящий труд, а потому продолжения его не последовало. Только в 1852 году составитель опубликовал на сербскохорватском язы-

ке подготовленное для второго тома введение отдельным справочным изданием в Загребе [Масун 1852].

В 1850 году издатель Йозеф Блазник перестает печатать газету «Словения» и вместо нее начинает с главным редактором Блажем Поточником выпускать «Люблянски часник» (*Ljubljanski časnik*; ‘Люблянская газета’), который просуществовал всего два года. К концу первого года здесь в трех номерах печатается сатирическая повесть «Рассказ золотой груши. I часть для ученых» Янеза Трдины (1830–1905) [Trdina 1850; Чепелевская 2012, 474], в то время только начинавшего свою литературную карьеру и публиковавшего у Й. Блазника свои первые поэтические и прозаические произведения (самые ранние вышли в свет как раз в «Словении» в 1849 году). Неожиданно для нас именно в этой сатирической сказке, в том месте, где главный герой с говорящим именем Радовец («любопытный») размышляет о возможных путях объединения славянства, появляется Александр Сергеевич:

Druga in ravno tako gotova pot bi bila, po postavah magnetizma slovanski duh v spanju tudi v Madžare in Nemce razliti. Tako bi oni, ko bi se zjutraj prebudili svoje Göthete in Kyse med tujo robo šteli, se pa sladko pri imenih Palacki, Prešern in Puškin smejali in tedaj z dušo in telesam poslavenjeni gotovo v slovansko zvezo roko podali.

Другим и точно таким же верным способом было бы — по законам магнетизма славянский дух во сне и на венгров с немцами разлить. Вот бы они, утром проснувшись, своих Гёте и Кишев за иностранный товар посчитали, да сладко бы при именах Палацкий, Прешерн и Пушкин улыбались, и тогда они, душой и телом ославянившись, наверняка бы протянули свою руку в славянский союз.

[Trdina 1850 a, s. 288]

В том же периодическом издании 27 декабря того же (1850) года Я. Трдина еще раз упомянет А. С. Пушкина в своей обширной статье, название которой в российском

литературоведении дается как «Обзор словенских поэтов»⁴² [Бершадская 1997, с. 595; Бершадская 2010, с. 181–182; Чепелевская 2012, с. 474]. Рассуждая о заслугах своего современника Йована Весела-Косеского, Янез Трдина, в частности, пишет:

Res je sicer ta pesnik do zdaj večidel prestavljal, ker naš clo pesmi, o katerih ni to očitno rečeno, na reči opomnijo, ki smo jih v drugih jezikih brali, pa tudi Schiller, Göthe in Puškin so se s prestavljanjem pečali. Po naših mislih naj bi samo nar bolj izverstni pisatelji prestavljali, ki ne znajo le besed, ampak tudi duh izvirniga jeziga prenesti. De je bil naš Koseski mojster zato, kaže divica orleanška in skorej vse druge prestave nemških in ruskih poezij.

[Trdina 1850 b, s. 312]

Правда, однако, что этот поэт до сих пор большей частью переводил, потому что наш, даже стихи, о которых напрямую это не сказано, напоминают вещи, читанные нами на других языках, так ведь Шиллер, Гёте и Пушкин тоже переводами увлекались. По нашему мнению, пусть как раз выдающиеся писатели и переводили бы, которые не только словом владеют, но и дух оригинала перенести могут. И на то, что наш Косеский был в том мастер, указывает Орлеанская дева и почти все прочие переводы немецкой и русской поэзии.

В 1853 году, как уже говорилось, появился перевод «Сказки о рыбаке и рыбке», опубликованный Ф. Миклошичем. Благодаря portalу *dLib.si* у нас есть доступ к электронной версии этого редкого издания — согласно записям

⁴² Перевод названия статьи очень приблизительный, но уже прижившийся в российской словенистике. Более близким мог бы стать вариант перевода: «Ревизия словенских поэтов» или даже «Перетряхивание словенских поэтов» — поскольку словен. *pretres* соответствует русск. 'сотрясение, потрясение, перетряхивание' и т. п.

в системе Cobiss⁴³, в библиотеках Словении хранятся всего 15 экземпляров. В оглавлении, состоящем из 74 пунктов, представлено наследие различных европейских народов, включая общехристианские духовные тексты, сочинения по истории и природоведению, а также записи народных пословиц, песен и преданий. Больше всего внимания уделено словенцам, но также представлены американские индейцы, греки, итальянцы, немцы, поляки, сербы, русские, французы, чехи и др.). Из русских писателей здесь присутствуют: «Рыбак и рыба. По А. С. Пушкину» (*Ribar in ribica. Po A. S. Puškinu*; № 30), «Цена истории отечественной. По Н. Карамзину» (*Cena zgodovine domače. Po N. Karamzinu*; № 65), «Державин. Написал Я. Навратил» (*Deržavin. Popisal J. Navratil*; № 66) и «Великий князь Святополк. По Н. Карамзину» (*Veliki Knez Svetopolk. Po N. Karamzinu*; № 67).

Пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке» полюбилась словенским переводчикам. Как сообщает в своей статье «А. С. Пушкин в словенских переводах и литературной критике (XIX в.)» Н. Н. Старикова, только за исследуемый ею период к этому произведению «обращались еще дважды: в 1870 году — Й. Весел-Косески, в 1889 — А. Ашкерц» [Старикова 1999, с. 229]. По поводу универсальности звучания сказки, пожалуй, стоит добавить, что князь Н. С. Трубецкой в статье «К вопросу о стихе “Песен западных славян” Пушкина», опубликованной в «Белградском Пушкинском сборнике», указывает: «Народный русский колорит для Пушкина замещал собою всякий “славянский” колорит. “Сказку о рыбаке и рыбке” мы воспринимаем как русскую народную “по духу” (несмотря на то, что, как показало исследование М. Азадовского, содержание ее взято вовсе не из русского фольклора); но сам Пушкин первоначально намеревался, по-видимому, включить ее в “Песни западных славян”, и в рукописи она носила заголовок “XVIII-я песня сербская” <...> на <...> сумароковско-востоковский стих Пушкин смо-

⁴³ URL: <https://plus.cobiss.net/cobiss/si/sl/bib/26876161>.

трел именно как на размер русской народной поэзии» [Трубецкой 1937, с. 43]. Имеется в виду трехстопный вольный стих с двусложным, или хореическим, окончанием, который русские исследователи иногда так и называют: «стих Песен западных славян». А. С. Пушкин гениально адаптировал для русского уха «деситерац», или ‘десятисложник’, традиционный для сербов и не только [Корш 1905]. В статье «Источники сказок Пушкина» М. К. Азадовский рассматривает различные версии происхождения и влияний «Сказки о рыбаке и рыбке» и приходит к выводу, что источником следует признать сказку из сборника братьев Гримм «О рыбаке и его жене» [Азадовский 1936, с. 136–143].

Отметим, что Иван Приятьель в заключении своей работы «Пушкин в словенской литературе» приводит два списка: 1) всех известных ему переводов произведений русского поэта [Приятьель 1901, с. 392–394], куда не входит публикация Миклошича, но где анонсируется готовящаяся к изданию «Русская антология в словенских переводах», о которой мы писали в начале книги, и следом 2) биографий и критических оценок [там же, с. 394–395].

Однако никто из исследователей, чьи труды здесь названы, не упоминает еще одну публикацию — тот самый перевод Йована Весела-Косеского, который прежде, чем переводчик вставил его в свой авторский сборник, был напечатан в периодике годом ранее (13 января 1869 года) в газете «Кметийске ин рокодельске новице» [Rusko 1869, s. 12–13]. Как видно из записи в библиографическом указателе, приведенном в конце нашей книги, сказка открывала подборку из пяти произведений Александра Сергеевича, которые печатались с января по начало июня. Продолжили публикацию «Кавказский пленник», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Бахчисарайский фонтан» и «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

Таким образом, говоря о первом словенском переводе «Сказки о рыбаке и рыбке», изданном непосредственно

в словенских землях, все трое исследователей в своих работах ошибаются — он состоялся в 1869, а не в 1870 году.

Таким образом, обобщая данные, предложенные И. Приятелем, дополненные Ф. Н. Преображенским, Н. Н. Стариковой и нами, получаем следующую картину:

1853 — *Ribar in riba* — Миклошич [Miklošič 1853];

1869 — *Ribič in zlata riba* — Весел-Косеский [Rusko 1869, s. 12–13];

1870 (переизд.) — *Ribič in zlata riba* — Весел-Косеский [Vesel-Koseski 1870, s. 125–133];

1889 — *Bajka o ribiču in zlati ribici*⁴⁴ — Ашкерц [Slovenske 1889, s. 66–71];

1901 (переизд.) — *Bajka o ribiču in ribici* — Ашкерц [Ruska 1901, s. 64–71].

В настоящее время классическим считается и переиздается перевод Миле Клопчича, выполненный им после Второй мировой войны. Вместе с тем важность первой публикации Ф. Миклошича очевидна, а потому мы позволили себе опубликовать данный перевод в качестве приложения к настоящей книге.

В *dLib.si* всего за 1853 год (вместе с хрестоматией Ф. Миклошича) мы находим семь записей, предложенных поисковиком на основании четырех вариантов запросов: *puškin*, *puškina*, *puškinu* и еще одного нового *puškinom*⁴⁵

⁴⁴ В своем перечне Ф. Н. Преображенский дает издания А. Ашкерца под разными названиями, для публикации 1889 г. указывая *O ribiču in zlati ribici*, однако, обратившись к источнику, мы выяснили, что названия в обеих публикациях совпадают. Ср.: [Преображенский 1937, с. 147] и [Slovenske 1889, s. 66].

⁴⁵ У людей, регулярно работающих с поисковиками, как и у нас, могут возникнуть вопросы, почему в данной системе недостаточно просто запроса *puškin*, который по логике перекрывает все остальные возможные варианты склонения этого слова. Мало того, мы сделали еще один теоретически обобщающий запрос *puškin** — поисковик выдал всего лишь 104 результата с 1869 по 2010 г., то есть вновь не совпадающих, но пересекающихся с предыдущими запросами и включающих такие слова, как *Puškinovich*, *Puškinova* и подобные.

(всего 499 записей), — последний позволил выявить две, по сути, идентичных записи (как раз тот случай, когда одна публикация входит в состав годовой подборки соответствующего издания). В № 22 от 2 июня 1853 года ежемесячная газета «Словенска Бчела» (*Slovenska Bčela*; ‘Словенская пчела’), ответственным редактором которой являлся словенский писатель, лингвист Антон Янежич, в рубрике «Различные мелочи» (*Različne drobtince*) в немного экспрессивной манере рассказывает:

Za slavjansko slovstvo nevtrudljivi g. Dr. Andrej Radlinski se misli v kratkem izdavanja vsih slovenskih klasikarjev lotiti. Začel bo z ruskimi: Puškinom, Deržavinom, Karamzinom itd. — Ni dvomiti, da bodo vsi slavenski narodi g. izdavalca na vso moč podpirali. Slava mu.

Ради славянской литературы неутомимый г-н д-р Андрей Радлинский намеревается в ближайшее время заняться изданием всех словенских классиков. Он начнет с русских: Пушкина, Державина, Карамзина и т. д. — Нет сомнений, что все славянские народы господина издателя всеми силами поддержат. Слава ему.

[Slovenska 1853, s. 176]

Здесь примечательно то, что Пушкин (наряду с Державиным и Карамзиным) назван и русским писателем, и словенским классиком одновременно, что вполне соответствует его статусу в словенской культуре вплоть до самого последнего времени.

Из оставшихся четырех других записей, найденных поисковиком за 1853 год, только две упоминают Пушкина — и вновь: 1) как «славного поэта» вместе со «знаменитыми мужами русско-славянского племени» наряду с Нестором, Ломоносовым, Карамзиным, Суворовым, Кутузовым [Rozman 1853, s. 235]; 2) как современника и друга И. А. Крылова в продолжающейся публикации «Жизнь славных славян» (*Življenje slavnih Slovanov*), в главе XXI, посвященной последнему [Kmetijske 1853, s. 290].

И так далее, всё чаще и чаще — переводы, журнальные статьи и отдельные публикации, посвященные славянскому миру, России и русской культуре, упоминания в связи с каким-либо важным событием или просто как обращение к яркому образу. На протяжении без малого двух веков неизменно Пушкин присутствует в культурной жизни словенцев.

Если обратиться к нашему времени, то в XXI веке количество упоминаний Пушкина в *dLib.si* не опускается ниже тридцати (только по поиску *puškin*). В 2020-е годы количество документов с упоминанием Пушкина в *dLib.si* ежегодно варьируется от 94 до 122. Хорошая тенденция сохраняется и в юбилейном 2024 году.

год	puškin	puškina	puški- nu	puški- nom	<i>puschkin</i>	<i>puskin</i>	<i>push- kin</i>
2020	40	37	7	3	1	1	8
2021	43	53	6	5	2	—	13
2022	33	39	5	1	—	1	15
2023	46	30	10	4	1	3	5
2023/ 2024	—	1	—	—	—	—	—
2024	16	34	8	4	—	—	7
Итого:	176	176	31	15	4	3	47

К сожалению, доступ к большинству из них пока еще возможен только непосредственно из Национальной и университетской библиотеки в Любляне, а также вариативно из других публичных и специализированных библиотек Словении⁴⁶.

⁴⁶ О некоторых доступных публикациях мы рассказали в альманахе «Открытый доступ» [Созина 2021б, с. 51–52].

В процессе освоения творчества А. С. Пушкина культурой Словении — наряду с переводами (в самом широком смысле слова включающими театрализованные представления и т. п.) — важную роль играет такое направление, как создание литературно-критических работ, являющихся результатом профессионального осмысления.

Одной из самых ярких звезд на небосклоне словенской литературной критики начала XX века, как мы уже успели заметить, была фигура выдающегося слависта, профессора Люблянского университета Ивана Приятеля. Среди его научных трудов две книги посвящены вопросам развития русской литературы: в 1921 году вышел его большой труд «Предшественники и идейные основатели русского реализма», в 1936 году — монография «Достоевский и Толстой» [Priatelj 1921; 1936].

К творчеству А. С. Пушкина словенский ученый обращается еще студентом. В 1896 году он переводит на словенский язык «Капитанскую дочку» (первое издание; второе издание перевода вышло — в 1924 году).

Как уже было упомянуто, в 1901 году для сборника отделения русского языка и словесности петербургской Императорской академии наук под редакцией ординарного академика И. В. Ягича «А. С. Пушкин в южнославянских литературах» И. Приятель пишет обзорную статью на русском языке «А. С. Пушкин у словенцев» [Приятель 1901]. По сути, та же статья, но переработанная и расширенная, под названием «Пушкин в словенских переводах» выходит в том же году и в Любляне уже на словенском языке в третьем выпуске «Сборника научных и образовательных сочинений» Словенской матицы [Priatelj 1901 c]. В ней исследователь дает обзор словенских переводов произведений А. С. Пушкина, сделанных во второй половине XIX века,

и констатирует тот факт, что среди них очень мало таких, которые «можно бы читать с удовольствием и наслаждением» [Приятель 1901, с. 373].

В приведенном в конце обзора перечене биографий и критических оценок [там же, с. 394–395], посвященных творчеству «выдающейся поэтической личности», как И. Приятель называет А. С. Пушкина, содержится всего семь пунктов, то есть названы семь публикаций, о которых автор статьи замечает: «повторяются избитые места, общие похвальные суждения о значении Пушкина». Ученый с сожалением отмечает недостаток в них тех качеств, которые будут позже присущи его собственным трудам. Он пишет: «Не видно никакой попытки познакомить словенскую публику с поэзией Пушкина на особый, домашний, словенцам понятный лад; не видно указаний на то, которою частью своей поэтической литературной деятельности Пушкин мог бы и теперь еще быть полезным и поучительным для словенских писателей» [там же]. При этом всё-таки Иван Приятель выделяет опубликованную лекцию Ивана Хрибара⁴⁷ (1851–1941) «Александр Сергеевич Пушкин и его поэзия» [Hribar 1881] как наилучшую. Обращает на себя внимание тот факт, что Хрибар свободно (без дополнительного перевода) вставляет в свое повествование цитаты на русском и немецком языках.

В 1907 году И. Приятель взялся за первый у себя на родине полный перевод пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» (включая отрывки из путешествия Онегина). Ранее был известен лишь перевод тридцать второй строфы

⁴⁷ Иван Хрибар — словенский политик, банкир, городской глава Любляны, дипломат, сторонник неославизма — занимался и литературной деятельностью (псевд. — Богумил Трзинский). Из российских словенистов о нем подробно писала И. В. Чуркина [Чуркина 1978; 2017].

Неославизм — политическое движение начала XX в., зародившееся в конце XIX в. в чешских землях в ответ на усиление немецкого и венгерского политического, экономического, культурного и языкового давления на славян в Европе, распространившееся среди австрийских славянских народов и дошедшее до России.

четвертой главы романа, сделанный в 1880 году Карелом Штрекелем (1859–1912).

По первоначальному замыслу, сам текст романа должен был сопровождаться большой научной статьей литературно-критического характера, содержащей не только биографию поэта, но и широкий обзор русской и западноевропейской литературы того времени. Три года И. Приятель работал над переводом «Евгения Онегина». По требованию издателя объем книги пришлось сильно сократить — как раз за счет статьи, что, разумеется, не отвечало научным интересам Приятеля. Тем не менее и после всех сокращений ее объем составил 20 страниц.

Книгу, вышедшую в 1909 году шестой в серии «Переводы мировой литературы», предпринятой Словенской матицей, критика приняла не слишком радушно. Впрочем, следует отметить, что раскритиковавший сам перевод Ивана Приятеля русист Йожка Глонар (1885–1946), написавший рецензию для «Люблянского звона», именно о его же сопроводительной статье, озаглавленной «Пушкин и его роман», отозвался очень доброжелательно и назвал ее автора настоящим «ученым и поэтом» [Glonar 1910, s. 181; Zadravec 1975, s. 177; Старикова 2000, 92–93].

После этого И. Приятель публикует еще две работы, посвященные А. С. Пушкину. В 1910 году в четвертом номере журнала «Люблянский звон» выходит его статья «Словенский перевод “Евгения Онегина”» [Priatelj 1910], задуманная как ответ на критику Й. Глонара. И в 1911 году в первом выпуске посвященного науке и истории культуры и выходившего в Горице до 1915 года журнала «Веда» (*Veda*; «Знание») появляется заметка «Пушкин и словенский язык», где Приятель обращает внимание на публикацию Петербургской академией наук каталога книг, принадлежавших русскому гению, в котором упомянуты три словенских книги, в одной из которых, а именно: Словенско-немецком и немецко-словенском словаре Антона Мурко (1809–1871; *Slovénsko-Némški in Nemško-Slovénski róčni besédnik*; Градец, 1833), — на 13 разворотах Пушкин оставил свои закладки, что,

по мнению исследователя, может свидетельствовать об интересе поэта к словенскому языку [Priatelj 1911].

Научные интересы И. Приятеля были очень широки. Результатом его исследований стали многие замечательные труды по истории русской и словенской литературы. Достойное место в них принадлежит и российским юбилярам, в честь которых создана и наша книга.

Вторым крупнейшим словенским пушкинистом XX века был знаменитый писатель, режиссер, драматург, литературовед, профессор русской литературы, председатель Комитета славистов Югославии, заместитель председателя Международного комитета славистов, академик Словенской академии наук и искусств, член-корреспондент Югославской и Македонской академий Братко Крефт (1905–1992). Деятель культуры и науки прожил долгую и чрезвычайно насыщенную жизнь, что было обусловлено не только реалиями бурного XX века, но и его собственной активной жизненной позицией, пышавшим энергией темпераментом⁴⁸. Б. Крефту принадлежит несколько работ, посвященных творчеству А. С. Пушкина, и прежде всего его интересовала пушкинская драматургия. Именно ей посвящена его статья в юбилейном пушкинском выпуске журнала «Люблянски звон», приуроченном к столетию гибели поэта [Kreft 1937]. В этом специальном выпуске свое слово о Пушкине, вернее — словенском Пушкине, сказали видные литераторы своего времени Юш Козак (1892–1964), Миле Клопчич, Отон Беркопец (1906–1988), Владимир Францев (благодаря переводу Б. Борко) и, конечно, сам Братко Крефт.

В 1939 году на ученом совете философского факультета Университета имени короля Александра I Обреновича в Любляне состоялась защита диссертации на соискание докторской степени Крефта на тему: «Влияние Шекспира на развитие драматургических взглядов Пушкина». Сопро-

⁴⁸ Подробнее о судьбе и творчестве Братко Крефта см. посвященную ему статью: Созина 2007.

водительные отзывы были написаны известными историками литературы — в то время профессором Франце Кидричем и доцентом Антоном Оцвирком⁴⁹.

Интересным документом из периода подготовки диссертации может стать рабочая тетрадь Крефта, озаглавленная «Пушкин как драматург» и датированная 3 марта 1937 года (Прага), по которой можно проследить процесс освоения докторантом материалов по работам русских пушкиноведов, напечатанных в журналах «Театр и драматургия» и «Советский театр» за 1936 год, среди них статьи С. Дурылина, М. Загорского, И. Тольникова. Тетрадь хранится в архиве Крефта, переданном его сыном Львом Крефтом в Национальную и университетскую библиотеку в Любляне; с документами архива нам удалось ознакомиться во время одной из командировок в Люблян.

Позднее по материалам своей диссертации Братко Крефт издает монографию «Пушкин и Шекспир» (1952). В ней исследователь задается вопросом: насколько мог повлиять Шекспир на реалиста Пушкина. В центре его внимания — пушкинская драма «Борис Годунов».

В начале своего исследования Крефт обращается к статье М. М. Покровского «Пушкин и Шекспир», опубликованной в 1907 году в «Ежегоднике Немецкого шекспировского общества» (*Jahrbuch der Deutschen Shakespeare-Gesellschaft*), и к комментариям Г. О. Винокура к «Борису Годунову», напечатанным в седьмом томе Собрания сочинений А. С. Пушкина, изданном в 1935 году Академией наук Союза Советских Социалистических Республик (АН СССР).

Крефт исходит из убеждения большинства пушкинистов своего времени в том, что Пушкин — не только предтеча русского реализма, но одновременно и первый гениальный русский писатель-реалист, однако вместе с тем подмечает,

⁴⁹ См. реферат диссертации: Shakespearov vpliv na razvoj puškinovega dramatskega nazora. Odlomki iz inavguralne disertacije, ki jo je predložil dipl. phil. Kreft Bratko za dosego doktorske časti. — Ljubljana, 1939.

что «ни Покровский, ни другие, кто до настоящего момента занимался проблемой отношений Пушкина и Шекспира, не задавались вопросом, насколько существенно мог повлиять на реалиста Пушкина тот самый Шекспир, которого немецкие романтики во главе с Августом Вильгельмом Шлегелем провозгласили самым выразительным романтическим драматургом» [Kreft 1952, s. 5–6].

В своей работе Крефт исследует документы, отражающие отношение к Шекспиру самого Пушкина. Это три письма Н. Н. Раевскому, наброски предисловия к «Борису Годунову», а также оценка исторической драмы М. П. Погодина «Марфа Посадница». По мнению Крефта, уже по письмам к Раевскому можно проследить, как менялось отношение Пушкина к творчеству Шекспира во время работы над «Борисом Годуновым» — от безусловного восхищения до спокойной критической оценки. Б. Крефт подчеркивает, что, стремясь преодолеть общепринятые в то время в России каноны классической и романтической трагедии (от А. П. Сумарокова до В. А. Озерова), А. С. Пушкин не находит удовлетворения в шлегелевском понимании романтизма и создает собственную теорию подлинно романтической народной трагедии. Он строит свою новую систему, ссылаясь прежде всего на авторитет Шекспира. В конечном счете поиски путей к романтической трагедии приводят поэта к созданию исторической трагедии реалистического характера. Крефт пишет: «Личный опыт Пушкина вел его к этой цели от классицизма через романтизм и Шекспира. Подвергнув критической оценке теорию и практику мировой драматургии в произведениях крупнейших художников, Пушкин проясняет собственную концепцию национальной трагедии» [ibidem, s. 109].

В результате своего исследования Крефт приходит к выводу о том, что Шекспир оказывает на Пушкина слабо поверхностное влияние, а причина в глубоком различии художественных принципов их творчества. Он пишет: «Пытаясь в отдельных случаях особенно приблизиться к Шекспиру, Пушкин неизменно вовлекает его в орбиту

собственного поэтического и социологического исторического реализма» [ibidem].

По мнению словенского ученого, пушкинская теория драмы типологически предвосхищает легшие позднее в основу натурализма взгляды Ипполита Тэна, родоначальника культурно-исторической школы. Крефт делает вывод, что нельзя говорить о сколько-нибудь существенном влиянии Шекспира на драматургию Пушкина. В конце концов, гениальное творчество всегда остается самобытным, даже если писатель находится под впечатлением от чужих творений. Свою монографию «Пушкин и Шекспир» исследователь завершает следующей мыслью: «Пушкинская теория драмы в приложении к “Борису Годунову” оказывается независимой — в силу ее идейных и формальных отличий — от барочного стиля романтического шекспировского театра» [ibidem].

За свою долгую творческую и научную жизнь Крефт написал множество критических и литературоведческих работ, посвященных русской и советской литературе и культуре (Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, А. А. Блок, В. В. Маяковский и многие др.). Следует особо выделить его книгу «Портреты» (1956), куда вошли его работы по югославской и зарубежным литературам. Большую часть книги составляют статьи о русских писателях — А. С. Пушкине, И. А. Гончарове, И. С. Тургеневе, А. Н. Островском, А. П. Чехове, М. Горьком, А. Н. Толстом и М. А. Шолохове [Kreft 1956].

Продолжая разговор о восприятии творчества А. С. Пушкина в Словении в XX веке, следует специально остановиться на деятельности известного поэта и переводчика Миле Клопчича, внесшего значительный вклад в развитие словенской литературы и культуры [Созина 2006, с. 350–354], чье имя не раз появляется на страницах этой книги. Неоценимы заслуги Клопчича перед словенской культурой как переводчика. Отдельными изданиями в его переводах вышли произведения Пушкина, Лермонтова, Чехова, Маяковского и многих других. Переводами произведений

Александра Сергеевича и популяризацией его творчества Клопчич занимался всю свою жизнь.

Благодаря ему начиная с 1946 года в Словении стали регулярно издаваться сборники произведений Пушкина: 1946 — «Избранные стихотворения», 1951 — «Повести. Статьи. Письма», 1959 — «Стихотворения и баллады». В 1967 году издается и переиздается перевод Клопчича романа в стихах «Евгений Онегин». С 1949 по 1967 год под его редакцией выходят избранные сочинения А. С. Пушкина в шести томах, проект приурочен к 150-летию поэта, в 1970 году шеститомник переиздается. Каждая книга сопровождается обширной статьей. В этих статьях научно-популярного характера издатель преследует ту же цель, что ставил перед собой И. Приятель: сделать творчество русского поэта близким и понятным словенцам. В них весьма подробно описываются истории создания тех или иных произведений, рассказывается о том, какие литературные влияния могли отразиться в них или, наоборот, какое влияние они сами могли оказывать на последующее развитие русской литературы; освещается культурно-исторический контекст.

Во всех работах М. Клопчича чувствуется большая любовь к русскому поэту. Он постоянно называет Пушкина «нашим поэтом» (*naš pesnik*), «Евгения Онегина» — «нашим романом», да и всё пушкинское литературное наследие — «нашим», подразумевая прежде всего его общечеловеческое значение. «Красота — красота природы, красота дружбы, красота справедливости — это главный источник пушкинского вдохновения, — пишет М. Клопчич, и далее: — Впервые зазвучал живой и естественный человеческий голос, открывший период русского реализма, у которого учились великие мастера всего мира» [Klopčič 1946].

Значение переводческой и издательской деятельности Клопчича особенно велико в свете политического конфликта между Югославией и Советским Союзом в 1948 году, когда в культурной политике Словении начался период весьма прохладного отношения ко всему, что связано с русской культурой. Под угрозой оказалось само существование

словенской русистики, в первую очередь из-за сокращения финансирования.

После выхода в свет монографии Крефта и переводов Клопчича появилось несколько сопроводительных статей к сборникам произведений А. С. Пушкина. Их авторы — Р. Бордон [Puškin 1962, s. 547–549], В. Брнчич [Puškin 1963, s. 116–123; 1967, s. 225–235; 1974, s. 117–130], И. Верч [Puškin 1987, 1994, 1998, s. 229–338], А. Бергер [Puškin 2002 c, s. 205–207].

В целом же недостаток внимания к проблематике русской литературы сказался, в частности, и на восприятии творчества Пушкина в дальнейшем. Так, в работах некоторых литературоведов (не русистов) можно заметить тенденцию к сужению или даже недооценке значения его творчества. При этом здесь упускается из виду та огромная роль, которую сыграл А. С. Пушкин в развитии русского реализма, о чем на словенской почве писали и Иван Приятель, и Братко Крефт.

Известный словенский ученый Янко Коса (р. 1931) в труде «Романтизм», вышедшем в 1980 году в серии «Литературный лексикон» (*Literarni leksikon*), подводя итоги, в четвертой главе «Периодизация романтизма у словенцев и в Европе» делает вывод, что творчество Пушкина полностью укладывается в рамки романтизма [Kos 1980]. В частности, он пишет: «Что касается русского романтизма, без сомнения, его начало можно датировать только 1820 годом, когда выходят первые байронические поэмы Пушкина, а к своему концу он приходит уже около 1840 года, когда вслед за Пушкиным умирает Лермонтов, а творчество Гоголя переходит в период раннего реализма. — И далее: — Только поколение 1800-х годов [имеются в виду годы рождения. — Ю. С.] — Рылеев, Бестужев, Пушкин, Одоевский, Тютчев, Веневитинов — олицетворяет наиболее развитую ступень раннего высокого романтизма» [Kos 1980, s. 70–71]. По мнению автора монографии, лишь Гоголь и Белинский (1811–1848), представители поколения 1810-х годов, осуществляют постепенный переход к периоду раннего реализма.

Всплеск интереса словенского литературоведения к наследию Александра Сергеевича ожидаемо фиксируется в связи с 200-летним юбилеем великого поэта — в первую очередь в двусторонних проектах, например на международной научной конференции «Пушкин — Прешерн», что было отражено в нашей книге «Библиография российской словенистики (1990–2010)», созданной совместно с Т. И. Чепелевской [Библиография 2011, с. 8–9, 18, 32, 34, 40, 41, 45, 47, 48, 69]. К этой теме обращались А. Сказа, М. Яворник, М. Юван, М. Штухец и др.

И сегодня в Словении слово Александра Сергеевича живо. Его произведения знают и публикуют. Для нас было большим подарком узнать, что в 2022 году его «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» появились в виде изданий, доступных для слабовидящих: Матьяж Сребрнич перевел их в шрифт Брайля, взяв, соответственно, классический перевод романа, выполненный Миле Клопчичем, и новый перевод повести, созданный актрисой, педагогом и переводчиком, выпускницей ГИТИС (1996) Ваней Слапар-Люботин, — с сопроводительной статьей Винко Цудермана [Puškin 2022 a, b].

В 2023 году во второй том фундаментального коллективного труда, посвященного национальному переводу, «История словенского литературного перевода II: словенская литература в диалоге с зарубежьем»⁵⁰ вошла глава профессора Люблянского университета Михи Яворника «Перевод Александра Сергеевича Пушкина» [Javornik 2023]. В последнем выпуске за 2024 год «Славянский альманах» опубликовал рецензию на двухтомник [Старикова 2024; Zgodovina 2023].

⁵⁰ Результаты научно-исследовательского проекта в виде аннотаций к каждой из глав представлены на сайте. — URL: <https://www.zgoslip.si/> (дата обращения: 02.04.2025).

Часть 2:

Алексей Степанович ХОМЯКОВ (1804–1860)

Поэтическое и духовное наследие А. С. Хомякова
в словенской периодике
второй половины XIX – первой половины XX века

Личность Алексея Степановича Хомякова (1804–1860) масштабна, многогранна, удивительно органична. Этого человека отличала огромная эрудиция, великолепная память, неподдельный интерес к истории культуры и всему новому в современной ему духовной и общественной жизни. Один из крупнейших умов, основоположник светской религиозной мысли в России, с философской точки зрения трактовавший православное вероучение. Его идеи многим кажутся романтично-идеалистичными, утопичными, даже наивными. Вместе с тем восхищает его «крепость и твердость»: «Потерять всякую связь с Хомяковым — значит стать беспочвенными, носимыми ветром», — писал Н. А. Бердяев [Бердяев 1912, глава VIII].

Вместе с тем мы можем сказать почти наверняка, что Хомяков был знаком с трудами российских исследователей своего времени, посвященными словенцам, — Ю. И. Венелина (1802–1839), А. Х. Востокова (1781–1864), И. И. Срезневского (1812–1880) и др.

Можно предположить, что первая встреча Хомякова и словенцев состоялась еще в молодости русского поэта на пути из Италии в Россию в 1826 году. Впрочем, доказательств тому мало. Существует вероятность, что Хомяков мог проезжать через заселенные словенцами земли. Сведения о его возвращении из Италии в 1826 году в источниках разнятся. Так, в статье библиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России», подготовленного Институтом славяноведения и балканистики РАН, зафиксировано, что он встречался с южными славяна-

ми ([Егоров 1979, с. 355]. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона указано: «На возвратном пути, в конце 1826 г., Х. побывал в Швейцарии, Северной Италии и землях *северных славян*»⁵¹, которые его встретили как «любимого родственника» [Брокгауз 1903]. Исследователь и издатель наследия А. С. Хомякова В. А. Кошелев в своей монографии, ему посвященной, говорит о землях западных славян, хотя тут же упоминает об известной записке самого Хомякова к С. П. Шевыреву: «Да не спрашивайте у итальянцев о славянах: мы для них варвары <...> Но, проезжая через славянские земли в южной Австрии, говорите как можно более с жителями: вас будет веселить их радость» [Кошелев 2000, с. 71]. Если обратиться к карте Австрийской империи того времени, в чей состав в XVI–XVIII веках входили Чехия, Силезия, Венгрия, часть польских, западноукраинских, южнославянских (словенских, хорватских и сербских), итальянских и других земель, будет ясно, что в тогдашней южной Австрии, на выезде из Италии, путешественник мог попасть напрямую к словенцам, крайним в этом регионе представителям южной ветви славянства, за которыми еще южнее находятся хорваты (но, следуя в Россию, вряд ли стоило без нужды делать такой крюк). Западные славяне находятся на севере, хотя не исключено, что впоследствии, пересекая империю, вполне можно было попасть и туда. Впрочем, этих сведений недостаточно, чтобы говорить с полной уверенностью о личном знакомстве русского мыслителя и поэта именно со словенским народом.

Путешествия, страсть к чтению и активная жизненная позиция Хомякова доказывают, что его интерес к славянам не был абстрактным: радея за будущее своего собственного, русского народа, он воспринимал его внутри славянской семьи и пристально следил за судьбой «братьев».

Начало знакомства словенцев с творчеством Хомякова можно отнести к самому раннему времени, так как многие

⁵¹ Здесь и далее курсив наш.

образованные люди того времени пристально следили за достижениями современной им русской литературы. Известия о нем могли доходить к ним непосредственно через чтение отдельных, попадавших в руки русских журналов (стихотворения Хомякова появились в московских и петербургских журналах уже в 1820-е годы, начиная с публикации «Бессмертного вождя» в альманахе «Полярная звезда», 1824), либо опосредованно — через частые и плодотворные контакты как с чешскими, словацкими, хорватскими литераторами и учеными, так и с представителями других национальностей в границах единого государства, Австрийской империи, да и с российскими исследователями, путешествовавшими в то время по их землям.

Вероятно, Матия Чоп мог быть знаком с опубликованными до 1835 года стихотворениями Хомякова: «Зима», «Вдохновение», «Горе», «На сон грядущий», «Два часа», «Думы» и др.

Уже в 1843 году стихотворение Хомякова «Орел» в латинской транскрипции опубликовал поэт и ученый, известный деятель словацкого и чешского национального возрождения Ян Коллар (1793–1852) в книге «Путевые заметки, описывающие путешествие в Северную Италию и оттуда через Тироль и Баварию с особенным вниманием к славянскому материалу, совершенное и освещенное в 1841 году Яном Колларом»⁵² [Kollar 1843, s. 32], запрещенной австрийскими властями (подробнее о самом Колларе см.: [Коллар 1993]). Через год стихотворение появилось в прозаическом переводе на польском языке, в России же было опубликовано только в 1859 году (подробнее об этом см.: [Кошелев 2005]). Текст «Орла», запрещенного на родине и ходившего в рукописных списках, австрийскому ученому (словаку по происхождению) в 1841 году в Загребе передал Срезневский, который рассказывал о ситуации

⁵² В русскоязычной научной литературе можно встретить сокращенное название этого труда «Путевой дневник, описывающий путешествие до Верхней Италии» (в частности, у А. В. Кошелева).

в русской литературе, особенно поэзии, о том, что после смерти Пушкина выдвинулся молодой поэт Хомяков и что и сам уже прежде читал стихотворения Хомякова, «особенно — его “Ключ”», и они мне очень понравились своей живой образностью, своим истинным народолюбием, своим чисто славянским духом» [там же, с. 559–560]⁵³.

Во время своего научного путешествия по славянским землям И. И. Срезневский особое внимание уделил словенским территориям и познакомился со многими видными деятелями культуры того времени — Ф. Прешерном, С. Вразом, А. Мурко, М. Маяром (1809–1892) и многими другими. Вместе со Станко Вразом они отправились из Загреба в Крайну и Горицу в 1841 году⁵⁴. Очевидно, это знакомство в определенной степени повлияло на тот факт, что первым словенцем, переведившим поэзию Хомякова, стал именно Враз.

Приверженец Гая⁵⁵, ратовавшего за сближение южных славян, Враз перевел стихотворения Хомякова на пореформенный, обновленный хорватский язык, в котором видел единый в будущем язык славянского юга. Публикации выдающегося поэта иллиризма были хорошо известны в Словении, связи с которой тот никогда не терял. В 1849 году под заголовком «Букет цветов русских» в журнале «Даница» (*Danica*; ‘Денница’ / ‘Утренняя звезда’) представлены по два стихотворения А. С. Хомякова и Н. М. Языкова. Таким образом, первыми стихотворениями Хомякова в переводе, выполненном словенским поэтом, пусть и не на словенском языке, являются «К***» («Не горюй по летним розам...», 1932; *Vrijeme pjesama*) и «Жаворонок, орел и поэт» (1933; *Ševa, orao i pjesnik*).

⁵³ «Ключ» был опубликован в журнале «Московский Наблюдатель» в 1935 г. (ч. 3., с. 340).

⁵⁴ Подробнее о путешествии Срезневского по словенским землям см.: [Чуркина 1986, 42–50].

⁵⁵ Людевит Гай (1809–1872), хорватский поэт, представитель иллиризма, был в Москве и встречался со славянофилами, в том числе и Хомяковым.

Давней мечтой Враза, зародившейся еще в 1840–1841 годах, было создание антологии мировой поэзии. К 1849 году она трансформировалась в решение создать антологию славянской поэзии «Цветник славянский», в сохранившемся плане которого русский раздел составили стихотворения Языкова, Пушкина и Хомякова. Известны его переводы с русского шести стихотворений Хомякова, девяти — Языкова, четырех — Лермонтова, шести — Пушкина, трех — Веневитинова и одного — Жуковского. К публикации 1849 года Враз приписал несколько слов о том, как выбирал стихотворения для перевода: «где зыграло мое сердце, те я в тот же миг на скорую руку и перевел» [Vraz 1955, s. 12]. Из стихотворений Хомякова — наряду с названными выше — Враз перевел также «Милькееву» (1839; *Milkjejevu*), «России» («Гордись! — тебе льстецы сказали...», 1839; *Rusiji*), «Давид» (1844; *David*) и «Киеву» (1839; *Kijev*). Почти все эти стихотворения, кроме «К***», входили в единственный прижизненный сборник А. С. Хомякова «КД стихотворений» («24 стихотворения»), опубликованный в 1844 году как приложение к журналу «Библиотека для воспитания» — можно предположить, что эта книга была известна в Хорватии, а возможно, и в Словении.

Самое раннее упоминание имени Хомякова в собственно словенской периодической печати, нами обнаруженное, относится к 1859 году: «Гласник словенский» в № 11 от 1 июня 1859 года, сообщая новости из столицы, в частности, пишет: «Библиотекарь чешского музея г-н Вацлав Ганка⁵⁶ был избран почетным членом Московского общества российской словесности⁵⁷, председателем которого является известный писатель русский г-н А. Хомяков» [Slovenski glasnik 1859, s. 181]. Именно этому литературно-образовательному изданию, выходившему в Целовце (город в современной Австрии, немецкое название — Клагенфурт) с 1858

⁵⁶ Поэт и филолог В. Ганка (1791–1861) стал первым библиотекарем Национального музея, основанного в Праге в 1818 году.

⁵⁷ Имеется в виду Общество любителей российской словесности.

по 1868 год, принадлежит заслуга первой публикации стихотворений Хомякова на словенском языке.

В ноябрьском номере за 1863 год журнал публикует стихотворение «К детям» (*Detetom*) [Slovenski glasnik 1863, s. 316], а в февральском за 1864 год — «На сон грядущий» (*Pred spanjem*) [Slovenski glasnik 1864, s. 46–47] в переводе Янеза Веснина (Весела).

В «Русскую антологию в словенских переводах» в его переводе вошло всего четыре стихотворения Хомякова: «На сон грядущий», «Изола Белла» (*Isola bella*), «Орел» (*Orel*) и «Просьба» (*Prošnja*) [Ruska 1901, s. 227–233].

Напомним, что «Летопис Матице Словенске» за 1870 год публикует подборку «Северные цветы»; наряду со стихотворениями Пушкина, Лермонтова, Вяземского, Павловой в нее вошел и «Орел» Хомякова [Letopis 1870, s. 173–174]; а мариборская газета «Зора» в девяти номерах 1873 года — переводы «красивейших стихов лучших русских поэтов» Пушкина, Лермонтова и Хомякова, из произведений последнего: «Просьбу» и «Изолу Беллу», соответственно, в выпусках № 23 и 24 [Prevodi 1873, s. 353–354, 269]. — Всё перечисленное из-под пера Весела.

Переводя стихотворения Хомякова, Весел ни разу не совпал в своем выборе с Вразом, что может служить косвенным свидетельством того, что хорватские переводы последнего были не только известны в Словении, но и приняты и не было смысла их «ословенивать». В качестве источников Весел поначалу также мог использовать сборник «КД стихотворений», но публикации 70-х годов показывают, что у него был доступ или к посмертному сборнику 1861 года, включающему в себя уже 75 произведений (переизд. 1881 и 1888 года), или же к предпринятому И. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариным и другими изданию Полного собрания сочинений А. С. Хомякова в 4 томах (Москва — Прага, 1861–1873). В настоящее время в словенских библиотеках мы фиксируем только 1 экземпляр сборника 1861 года, который хранится в Центральной гуманитарной библиотеке философского факультета Люблянского университета.

То, что стихотворениями А. С. Хомякова интересовались в Словении, доказано как творчеством переводчиков, так и частными фактами, например рекламным объявлением, найденным нами в люблянском издании «Словенец : Политичен лист за словенски народ» (*Slovenec : Političen list za slovenski narod*; название одинаково звучит и по-словенски, и в русской транскрипции, подзаголовок же немного разнится: ‘Политическая газета для словенского народа’). В его № 141 от 18 декабря 1877 года в рубрике «Разное» сообщается о публикации: «“Славянство”. Сборник с портретами А. С. Хомякова и М. Г. Черняева. 1877. Цена 30 коп. Приобрести можно в редакции “Гражданина” в Петербурге. В этом сборнике помещены заметки об известном писателе и любителе славянства — о Хомякове — и стихотворения, касающиеся славянства или первоначального вопроса⁵⁸» [*Slovenec* 1877, s. 3]. Из заметки, приведенной нами целиком, явственно следует, что Хомяков вызывает у автора больший интерес, чем Черняев. В Словении сборник «Славянство» сохранился только в библиотеке Люблянской семинарии, куда доступ ограничен. В Национальной и университетской библиотеке хранится лишь очерк А. В. Васильева (1851–1929) «Хомяков и славянское дело» (СПб., 1877, брошюра 16 стр.), по всей видимости, прилагавшийся к сборнику. Примечательно, что ни сборник «Славянство», ни брошюра Васильева, одного из деятельных членов Петербургского славянского благотворительного общества, не упоминаются ни в одном из доступных нам библиографических списков трудов, посвященных Хомякову, в том числе и в фундаментальной книге В. А. Кошелева [Кошелев 2000].

Всего через три месяца, то есть в феврале 1878 года, в другой люблянской ежедневной газете «Словенски народ» (*Slovenski narod*) появляется большая статья (в двух номерах) о судьбе и творчестве Хомякова, составленная на основании русских источников, автор или переводчик

⁵⁸ Вероятно, речь идет об истории происхождения славян.

не назван. В статье, которая так и называется («Алексей Степанович Хомяков»), во главу угла положена идея сближения/взаимности славян, «которая долгое время тлела лишь в сердцах немногих», но «крепла тем больше, чем дольше ее принижали различные разъединяющие влияния и чем суровее преследовали воодушевленных ею борцов»; «требовалось твердо верить в славную победу великой идеи, чтобы продолжать трудиться на ее развитие с такой преданностью и такой любовью, как это показала партия так называемых славянолюбов» [Slovenski narod 1878, št. 37, s. 1]. Именно в этом ракурсе последовательно показана жизнь Хомякова с самых ранних лет жизни вплоть до «просветленной» его кончины.

Обратило на себя внимание примечательное объявление от 15 июня 1879 года в № 12 люблянского журнала «Учительски товариш» (*Učiteljski tovariš*; 'Товарищ учителя'). Здесь в разделе «Сообщения и новости» приводятся известия от «Хорватского Учителя» — непосредственно на хорватском же языке — из Венгрии о предложении тамошнего министра образования ввести во всех народных школах обязательное изучение венгерского языка и негативной реакции на это, смешанной с чувством безысходности, словацких «Народных Новостей». В связи с этим автор краткого сообщения ссылается на Хомякова, его слова о духовной силе братских славянских племен, заключающейся в прямоте и вере, которые побеждают ложь и насилие. Эта публикация также свидетельствует о глубоком уважении и знании наследия русского мыслителя [Učiteljski 1879, s. 190].

Глубоко верующий христианин Хомяков не мог одобрять никаких проявлений гордыни. В его стихотворных произведениях и историософских работах, как правило, слово «гордость» употребляется в отрицательном значении: «Всей этой силой, этой славой, / Всем этим прахом не гордись!» («России», осень 1839 года). Единственная разновидность этого чувства, которую испытывал Хомяков, — это гордость национальная, заставляющая поработенные народы вос-

ставать против гниющих в своей гордыне и заносчивости хозяев, гордость свободного человека: «И песню гордую свободы», как он писал в «Призвании» (1830), и «гордая душа поэта», что не посвятит своей любви иностранке («Иностранка», 1832), и «гордой воли упоенье» («Жаворонок, орел и поэт», 1833). Вероятно, именно это привлекало к его творчеству деятелей славянского возрождения.

Творчество Хомякова, по всей видимости, приобрело особое значение в Словении того времени, что можно заключить, в частности, из воспоминаний Эвгена Лампе (1874–1918) в его «Письме другу-студенту», опубликованном под псевдонимом в вестнике словенской католической учащейся молодежи «Зора» (*Zora*; ‘Заря’), издававшемся в Вене и Любляне 1895–1921 годов:

«Ты еще помнишь, как мы с каким-то тайным страхом думали о России? Золотыми мечтами нам казалась мысль, что они громадный народ, брат среди братьев, других славянских меньших народов. И слышали мы из сердца России голос:

Не гордись перед Белградом,
Прага, чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом,
Златоглавая Москва!
Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной —
Братьям — братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой!⁵⁹

Мы стали воодушевленными всеславянами. Никаких политических утопий не было в нашем воодушевлении. Наше славянство было поэтической идеей, было идеалом, вокруг которого вращались все наши мысли и желания —

⁵⁹ Хомяков в сборнике «Славянство». Санкт-Петербург 1877, с. 131. — Примечание из источника. Цитата дана на русском языке, но латиницей. Мы сохранили пунктуацию словенского автора, отличающуюся от оригинала, поскольку данный факт может косвенно свидетельствовать о цитировании стихов на память.

всё, всё было у нас, думающих об этом славянстве. Для нас это было так, будто весь мир зачат против этого идеала. Тогда мы в юношеском огне звали всю Европу в бой, в бой честный, святой. Наше сердце горело за Австрию, но это чувство любви к дому не задушило любви к роду; нам снились золотые сны о душевной взаимности любящих друг друга братьев, о великом королевстве всеславянской цивилизации, которое станет бестелесным, идеальным, крепким столпом единственно истинной человеческой цивилизации вопреки влияниям всеуничтожающего западного упадка» [Evgenij 1896, s. 4–5].

Статья-послание, в целом прокатолическая и проавстрийская по своему духу, тем не менее показывает, какое серьезнейшее значение для словенцев последней четверти XIX века имела российская культура — имена Хомякова, Пушкина, Некрасова звучали повсюду, их поэзия вдохновляла.

Действительно, в то время существовали довольно прочные связи между словенскими русофилами и российскими прославянскими общественными организациями. Тема взаимоотношений русских и словенских общественных деятелей, радевших за идею славянской взаимности, глубоко и основательно разработана И. В. Чуркиной в ее статьях и книгах «Словенское национально-освободительное движение в XIX веке и Россия» и «Русские и словенцы» [Чуркина 1978, 1986]. Поэтому нам нет необходимости подробно останавливаться на этом. Заметим только, что периоды всплеска и угасания интереса к Хомякову в Словении непосредственно зависели от насыщенности этих связей и интенсивности общеславянских настроений в целом. Известно, например, что благодаря Петербургскому славянскому благотворительному обществу в 1888 году Фран Подгорник (1846–1904), издатель газеты «Словански свет», получил большую партию русских книг, в том числе и сочинения Хомякова [Чуркина 1978, с. 350]. Вероятно, этим объясняется тот факт, что в выпусках № 2, 6, 9 и 10 за 1891 год «Словански свет» публикует, соответственно, четыре стихотворения

Хомякова в оригинальном виде (кириллицей) — «Заря», «Две песни», «Видение» (больше известное как безымянное «Беззвездная полночь дышала прохладой...») и «Орел» [Slovanski svet 1891].

В 70–90-е годы XIX века имя Хомякова периодически появляется на страницах словенской печати; кроме вышеназванных, это столичные «Люблянски звон», «Дом ин свет» (*Dom in svet*; 'Дом и мир') и целовецкий/клагенфуртский «Крес» (*Kres*; 'Костер накануне Купалы'). Чаще всего это лишь несколько слов в связи с жизнью и деятельностью знаменитых австрийских и российских литераторов и общественных деятелей — С. Враза, Н. А. Некрасова, Л. Гая, И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, М. Мурко, И. Весела, А. С. Пушкина, Ф. Палацкого; более подробно — в редких публикациях о славянофилах вообще. Так, например, в 1890 году в «Слованском свете» Ф. Целестин пересказывает сведения, полученные из петербургской публикации того же года «Поборник вселенской правды. Возражение В. С. Соловьеву на его отзывы о славянофилах 40-х и 50-х годов» Д. Ф. Самарина (1831–1901), в которой Хомякову уделено основное внимание, обильно цитируются его произведения [Slovanski svet 1890].

Столетний юбилей Хомякова словенцы отметили появлением двух статей в центральных столичных журналах «Дом ин свет» и «Люблянски звон». В номере 5 последнего было проанонсированно [Ljubljanski 1904 b, s. 319], а в номерах 6 и 7 вышло «Письмо из Москвы. К столетию Хомякова» Ивана Приятеля, датированное 11 апреля 1904 года [Priatelj 1904]. Статья была написана по просьбе редактора журнала, писателя Франа Збашника (1855–1935). В то время Приятель действительно находился в Москве как стипендиат Венского университета, это была его вторая поездка в Россию.

Чуть раньше в своей переписке с выдающимся словенским лингвистом Райко Нахтигалом (1877–1958), а именно в письме из Петербурга от 23 мая / 5 июня 1903 года, Иван Приятель признавался: «Из истории русской мысли меня

интересует славянофильство, первая целостно-последовательная философская доктрина в России, которая пережила разные этапы, как и общество с ней вместе. Позитивизм 60-х и социализм 90-х значительно менее оригинальны» [Pisma 1937, s. 312].

В статье, посвященной столетию со дня рождения Хомякова, Приятель пишет: «Начало славянофильства означает в России ту эпоху, когда русский народ впервые осознал себя как единый народный организм в духовной деятельности, бывшей наполовину философией, наполовину поэзией, приблизился к Европе и посмотрел ей глаза в глаза» [Priatelj 1904, s. 332].

Не случайно наследие Хомякова привлекло внимание Приятеля, о котором позднее напишут, что его «личность и его труды совершенно точно означали эпоху» в истории словенской литературы [Pisma 1937, s. 534]. Примечательно, что уже в 1906 году в России в этом литературоведении отмечали сочетание «дарования ученого исследователя <...> с поэтическим даром» [Заболотский 1906, с. 349], а в 1910 году в Словении называли настоящим «ученым и поэтом» [Glonar 1910, s. 181]. В этом Приятель с Хомяковым схожи — вспоминается знаменитый исторический принцип Алексея Степановича: «Нужна поэзия, чтобы узнать историю, нужно чувство художественной, т. е. чисто человеческой истины, чтобы угадать могущество односторонней энергии, одушевлявшей миллионы людей» [Хомяков 1900].

«Письмо из Москвы» И. Приятеля от 11 апреля 1904 года начинается с рассказа о посещении могилы Хомякова, куда молодой исследователь отправился, чтобы уточнить дату рождения, которой нигде больше не нашел, даже в новой толстой истории русской литературы, где «этому интересному мыслителю» посвящены всего лишь две строчки. Частично приведем здесь это описание: «Взял я себе извозчика и отправился в нижнее Замоскворечье, в конце долгих, равнинных улиц, за заборами и лужами стоит зеленоглавый Данилов монастырь на пологом берегу Москвы-реки.

Там лежит на теневом склоне, за зубчатой монастырской стеной Гоголь под огромной, исписанной, отшлифованной мраморной плитой рядом с лежащим необтесанным валуном и воткнутым в него православным крестом, напротив Гоголя — болгарин Венелин под белой “славянской колонной”, как ее назвал Хомяков, и сам Хомяков со своей Катенькой; они вдвоем открыто и свободно на божьей земле, Хомяков с женой в оградке из зеленой решетки: оба с остатками металлических венков на памятниках, супруги без следов помнящей современности». Приятель приводит даты жизни и смерти, памятные слова, вырезанные на темном граните. «И потом идет надпись за надписью. Из всех видно, что будто бы хотели с их помощью благочестивые люди извинить умершего мужа перед Богом и людьми. А было бы более к месту, чтобы извинялись они сами, так как не узнали прихода своего человека. Миру не до извинений: он человека взвешивает, постигает умом, принимает от умершего всё способное к жизни, а всё прочее — и большее и лучшее — забывает» [Priatelj 1904, s. 331]. — И снова вспоминаются слова Алексея Степановича из письма к Юрию Фёдоровичу Самарину (1819–1876): «Мы передовые; а вот правило, которого в историях нет, но которое в истории несомненно: *передовые люди не могут быть двигателями своей эпохи*, они движут следующую, потому что современные им люди еще не готовы» [Хомяков 1897] (курсив наш. — Ю. С.).

Личность русского поэта и мыслителя словенский ученый описывает с большой симпатией и глубоким уважением. Приятель хотя и не разделяет многих взглядов Хомякова, но подчеркивает, что «результат этого напряженного умственного труда был необычайным» [Priatelj 1904, s. 411]. Он раскрывает своим современникам определенные противоречия в идеях Хомякова, не может простить ему и авантюры с объявлением собственного труда «Церковь одна» древним текстом [ibidem, s. 409], но восхищается его стойкостью духа и глубиной чувства к родине: «Себя он даровал народу...» [ibidem, s. 411].

В конце статьи Приятель отмечает: «Славянофильство уже давно больше не существует, но всё еще жив его призыв к пробуждению духа и мысли. <...> Перед неученым народом уже больше никто не кланяется, но продолжается от славянофилов начавшееся изучение народа, не во имя национального бахвальства, но с целью быстрейшего и самого оптимального распространения всеобщей культуры» [ibidem]. Таким образом, пожалуй, для Приятеля самым существенным и важным в наследии славянофилов, в том числе и Хомякова, было их рвание за просвещение и равноценность разных национальных культур, в чем он усматривал залог той прогрессивной силы, что смогла зажечь сердца многих славян.

Практически одновременно с «Письмами из Москвы» журнал «Дом ин свет» в 5-м и 6-м номерах за 1904 год публикует работу писателя, драматурга, публициста Ивана Лаха (1881–1938) «Тютчев и Хомяков. К столетию двух русско-славянских поэтов» [Lah 1904]. Вторая (июньская) часть посвящена Алексею Степановичу. Если Приятель в своем сочинении сосредоточивается, главным образом, на общественном и духовном значении наследия Хомякова, то Лох, наряду с этим, подробно останавливается и на его поэтическом творчестве. В частности, словенский публицист пишет: «Хомяков — первый по-настоящему славянский поэт, а кроме того, еще и поэт-философ, глубокий мыслитель»; «Он первый, кто с глубокой братской любовью смотрел на угнетенных западных братьев и хотел им помочь. А в России в это время должно было молчать, и потому лежит его мысль глубоко в стихах, и что-то тяжелое остается у человека на сердце, когда он их прочтет» [ibidem, s. 360].

Лох идеализирует образ Хомякова, основываясь при этом на уже известных ранее фактах биографии русского поэта. Вместе с тем данная статья содержит два весьма любопытных факта. Во-первых, автор упоминает о своей встрече у знаменитого словенского озера Блед с неким русским профессором, «который никуда не ходил без маленькой книж-

ки, название которой было “Стихотворения Хомякова”. Маленькая книжица, но дух в ней велик, и каждое стихотворение в ней — жемчуг. Рассказал мне этот профессор, что Хомяков — самый любимый поэт серьезных людей, и сам он его читал и читал и почти половину стихов знал наизусть» [ibidem], — казалось бы, такой небольшой штрих, однако он весьма даже корректирует наше представление о восприятии поэзии Хомякова в России того времени, существенно отличаясь от современной общепринятой версии. А во-вторых, статья Лаха изобилует стихотворными цитатами. Здесь приведены частично (больше половины строф или почти целиком) шесть стихотворений Хомякова, два из которых — «Просьба» и «Орел» — в представленных выше переводах Ивана Весела⁶⁰ и не встречавшиеся нам прежде переводы стихотворений «Не гордись перед Белградом...», «Ода (На Польский мятеж)», «Исповедь» и «Беззвездная полночь дышала прохладой...» (полностью)⁶¹.

Примечательно, что Лах, как и Лампе (см. его «Письмо другу-студенту», 1896), цитирует вторую строфу стихотворения «Не гордись перед Белградом...» по-русски (прочие даны в словенском переводе), снова немного меняя пунктуацию (несколько по-другому, чем Лампе). Этот факт также подтверждает предположение о знании наизусть и, возможно, относительно частой декламации стихов Хомякова среди словенской интеллигенции.

Окончание статьи столь же эмоционально, сколь поэзия, которой она посвящена. По сути, это призыв:

«“Двадцатый век, славянский век”, — говорили. Хорошо! Так будем же славяне, как нас представлял великий пророк, освободитель славянской мысли Хомяков! В любви

⁶⁰ Заметим, однако, что автор статьи перевод «Орла» ошибочно приписывает Йовану Веселу-Косескому (знаменитому однофамильцу, уже упоминавшемуся выше).

⁶¹ Авторство этих переводов не обозначено, а значит, может принадлежать самому И. Лаху.

друг к другу будем стремиться к одной цели: За свободу и правду любви ко всем! В связи со столетием вспоминает славянство Хомякова как своего первого борца. Хотят издать его славянские стихи на всех славянских языках. Пусть это поможет, чтобы распространилась его братская идея между всеми славянскими народами и показала им путь спасения в единой “мысли благородной”, в “вере одной”, чтобы мы стали:

“Все велики, все свободны!” [ibidem, s. 366].

XX век принес еще большие испытания славянству, чем можно было предположить. С его наступлением изменилось и понимание наследия Хомякова. Заметно убывание интереса к личности и творчеству самого Хомякова, его стихи перестают публиковать и переводить. Можно вспомнить и неприятие австрийских властей всего русского. Только один новый перевод, выполненный Алойзием Бенковичем (1867–1934), был опубликован в 3-м номере за 1912 год журнала «Дом ин свет». Это стихотворение Хомякова «Труженик», название которого Бенкович весьма вольно переводит как *Spokornik*, то есть ‘Кающийся’ [Homjakov 1912].

В словенской периодике нового столетия имя Хомякова упоминается время от времени в связи с именами других деятелей культуры и литераторов — хорвата Л. Гая, болгарина И. Вазова, немца Г. В. Ф. Гегеля, француза А. Л. Бергсона, россиян А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, П. В. Киреевского, А. Н. Пыпина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского и др. Речь идет об уже упоминавшихся ранее изданиях «Словенски народ», «Словенец», «Люблянски звон», «Дом ин свет», к ним также присоединились и «Часопис за език, književnost in zgodovino» (*Časopis za jezik, književnost in zgodovino*; ‘Журнал о языке, литературе и истории’), «Час» (*Čas*; ‘Время’), «Омладина» (*Omladina*; ‘Молодежь’), «Сodobnost» (*Sodobnost*; ‘Современность’), «Нови свет» (*Novi svet*; ‘Новый мир’). Гораздо больше появляется работ общего характера, представляющих развитие

европейской философской мысли [Terseglav 1910, s. 162; Grivec 1925, s. 3; Slovenec 1933, s. 4] и русской литературы [Preobraženski 1915, s. 236, 257–259; Vzhodna 1928], историю и перспективы славянства [Vošnjak 1908, s. 601, 602, 605; Poljanec 1938, s. 323].

Вместе с тем следует особо отметить, что наследие Хомякова уже воспринимается опосредованно, всё сильнее чувствуется дистанция (как временная, так и идейная), наряду с традиционно положительными оценками появляются высказывания, отрицающие его значимость. Последние, собственно, принадлежат одному человеку: весьма, мы бы сказали, «едкому» в выборе выражений критику Леопольду Ленарду⁶² (1876–1962), бывшему «истым» католиком и австрийцем и клеймившему российский «агрессивно-продажный» бюрократизм, зачастую перенося это негативное отношение на Россию целиком. В сложном российско-польском вопросе Ленард, безусловно, поддерживал поляков, что, вероятно, можно объяснить тесными личными связями с краковской интеллигенцией и предвзятым отношением к русской культуре и истории. Всё это нашло отражение непосредственно в статьях, где упоминается Хомяков: «От абсолютизма к конституции в России»⁶³ [Lenard 1907, s. 76], «Немного славянских вопросов» [Lenard 1909 s. 83], — а также и других его публикациях.

Идея славянской взаимности весьма интересовала Ленарда. В своей статье, посвященной деятельности польского ученого М. Здзеховского, он представляет ее новый вариант, развившийся на польской почве, и резко противопоставляет его русскому славянофильству:

⁶² Ленард Леопольд — критик, теолог и философ, доктор теологии, священник (позже отказавшийся от сана), после Первой мировой войны служащий центрального пресс-бюро в Белграде. С 1903 г. пишет для «Дома ин света», «Словенца» и др. периодических изданий. Выражал острое неприятие модерна, особенно творчества Ивана Цанкара. Переводил с русского и польского языков.

⁶³ Рецензия на одноименную фельетонного характера книгу А. Шартовского (Краков, 1906).

«Некоторые называют это польским славянофильством, другие — краковским течением, третьи — австро-славизмом или даже клерикальным панславизмом. <...> Нельзя это называть польским славянофильством в том смысле, в каком могло именоваться славянофильство Аксакова и Каткова русским славянофильством. Его цели не сосредотачиваются на польском народе, но охватывают равномерно и параллельно все славянские народы, а его идейное содержание распространяется даже за границы славянского мира. <...> Совсем иное — русское славянофильство Каткова, Хомякова и Аксакова, чьи цели были сосредоточены на России и который [вероятно, имеется в виду Аксаков. — Ю. С.] лишь искал связей между другими славянскими племенами и русским центром, а все славянские племена подчинял русской народности, современную культуру же вообще отвергал, хотел сотворить некую особую славянскую культуру на развалинах здания, которое строили Иван Грозный, его предшественники и потомки, и это славянство окружить китайской стеной от Запада Нового времени» [Lenard 1913, s. 106].

Приведенные слова показывают огульность в восприятии Ленардом наследия русских славянофилов, чьи идеи пережили серьезные трансформации в ходе истории, хотя и следует признать, что подобный тон высказываний в определенной мере мог быть обусловлен некоторыми фактами современной автору международной политики, в том числе Первая и Вторая Балканские войны и антиросийская направленность дипломатии Австро-Венгрии.

Насмешливо-уничтожительный тон по отношению к русским славянофилам превалирует и в статье о Л. Гае, так как они якобы «приняли его с воодушевлением, повсюду водили его, приглашали на обеды и действительно были уверены, что Гай с их денежной помощью в течение краткого времени объединит южных славян в православии и кириллице» [Lenard 1909 a, s. 568].

В монографии «Предшественники и идейные основатели русского реализма» И. Приятель уделяет особое внимание

роли славянофильства в развитии русской общественной мысли. Специальная, пусть и не большая глава посвящена творчеству Хомякова, которого автор снова — закрепляя свою мысль из предшествующих работ — называет «настоящим жителем Москвы, этой “столицы общественного мнения”, собирательницы России, настоящим сыном исконной русской соборности» (ср.: [Priatelj 1921, s. 264–265; Priatelj 1904, s. 408]. Обобщая итоги деятельности славянофилов, словенский литературовед, в частности, пишет: «Между формально одинаковыми лозунгами “официальной народности” и славянофильства была существенная разница, заключавшаяся в том, что в первом — православие и народность выводились из самодержавия, а в лозунге славянофилов самодержавие и православие проистекало из народности как главного источника, из которого брали свое начало все их (славянофилов. — Ю. С.) размышления и чувствования» [Priatelj 1921, s. 270], «как и о Гоголе, о них можно было сказать, что они были родиной большы...» [ibidem, s. 271].

Работы Ивана Приятеля действительно открыли для широкой словенской публики значение наследия А. С. Хомякова, глубину и широту его взглядов.

Исторические перипетии первой четверти XX века — Русско-японская война 1904–1905 годов, Революция 1905–1907 годов, Балканские войны 1912–1913 годов, Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война и военная интервенция 1917–1922 годов — и последующие судьбоносные события в России отодвинули на задний план славянский вопрос. Отечественная славистика оказалась сведена на нет: кто-то был репрессирован, кто-то покинул родину. Среди последних оказался Владимир Андреевич Францев (1867–1942), российский историк, член-корреспондент, затем академик Российской академии наук (1921), эмигрировавший в Чехию и преподававший в Карловом университете в Праге. Из значимых событий в судьбе этого человека, связанных с именем А. С. Хомякова и Словенией, пожалуй, необходимо упомянуть сле-

дующие. По приглашению «Русской Матицы», созданной эмигрантами в 1924 году в Словении, в 1933 году Францев приехал в Любляну, где 12 апреля в помещениях Французского института читал лекцию о поэзии Хомякова, о чем подробно сообщала газета «Ютро» (*Jutro*; 'Утро') в рубрике «Культурный обзор» [Borko 1933]. Докладчик специально остановился на влиянии поэзии Хомякова среди славян. В то время как многие в России не воспринимали его таланта, другие народы видели в нем, «поэте-гражданине» «далекой матушки России», благовестника славянского объединения. По свидетельству корреспондента, выступление произвело большое впечатление. Неоценимой заслугой Францева стало переиздание стихотворений Хомякова в 1934 году, которые он сопроводил вступительной статьей, краткими научными комментариями и фототипическими копиями рукописей стихов, хранившихся в Праге [Хомяков 1934]. Единственный экземпляр этого издания в Словении находится в столице — в Национальной и университетской библиотеке.

Без А. С. Хомякова не было бы славянофилов, да и российская общественная и научная мысль, скорее всего, развивались бы иначе. Изначально название «славянофиль», как известно, не вполне соответствовало фактической деятельности А. С. Хомякова и его окружения и придумано было их идейными соперниками, однако вопреки или благодаря возникшему противостоянию в российском обществе всё больше и чаще говорят о судьбе зарубежных славян. В 1860 году И. С. Аксаков отмечал: «Мы рады, что успели, кажется, рассеять ложные понятия, какие существовали у нас и у славян о русском панславизме, и убедили наших братьев, что сочувствие наше чуждо посягательства на их самостоятельное развитие» [Аксаков 2002, с. 110]. «Ложные понятия» приходится рассеивать и теперь. Деятельность славянофилов способствовала личным творческим и научным контактам, интересу к славянам в России и взаимному интересу зарубежных славян к России, развитию российского славяноведения, просто реальной взаимопомо-

щи⁶⁴. Возросшие на общечеловеческих, гуманистических ценностях, многие из тех давних идей продолжают свою непростую эволюцию и могут послужить опорой и в наше время.

Месту славянства в судьбе и творчестве А. С. Хомякова посвящен целый ряд работ российских ученых ([Досталь 2007; Лаптева 2007] и др.). В частности, в 2004 году в честь 200-летия русского поэта и мыслителя в Москве, в Литературном институте имени А. М. Горького состоялась Международная научная конференция, объединившая исследователей из России, Германии, Италии, Латвии, Сербии, Украины, Финляндии, Франции и Хорватии.

Символичен факт, что подлинным духовным завещанием Хомякова стало его сочинение «К сербам. Послание из Москвы», написанное в год его кончины и подписанное еще десятью его соратниками ([Къ сербамъ 1860]; см. также репринт: [Србима 2006]). Естественно, что отношение к нему было различным у разных людей, представителей славянства, как и отношение их к самой России. Вместе с тем следует подчеркнуть, что миф об исключительно негативной реакции на этот труд Хомякова среди самих сербов уже опровергнут исследованиями славистов Л. В. Кузьмичевой и А. Л. Шемякина [Кузьмичева 2007; Шемякин 1998, с. 301–308].

Примечательно, что в своей статье Л. В. Кузьмичева, в частности, пишет: «Да, действительно наибольшее неприятие “Послание” вызвало не у сербов княжества и не у демократически настроенной молодежи, а в католических кругах» [Кузьмичева 2007, с. 102]. Причиной чему является проправославная направленность сочинения.

⁶⁴ Достаточно вспомнить благотворительную деятельность Московского Славянского комитета, 1858–1877; Московского Славянского благотворительного общества, 1877–1878; Санкт-Петербургского Славянского комитета, 1868–1877; Санкт-Петербургского/Петроградского Славянского благотворительного общества, 1877–1921 — т. е. целостную систему славянских организаций России, имевших юридическую и содержательную преемственность.

Однако и среди католических славян было немало согласных с идеями славянофилов и воодушевленных ими, ибо многие из этих идей носились в воздухе Европы того времени и творчески перерабатывались умами представителей разных славянских народов, подпитываемые духом «весны народов», духом национального возрождения. Отдельные примеры принятия религиозной направленности славянофилов есть и в истории католических славянских народов: словенцев, хорватов, словаков.

Уместно вспомнить, например, хорватских сторонников российских славянофилов: католического священника Юрия Крижанича и политического деятеля Йосипа Юрая Штросмайера (см. подробнее: [Чуркина 2005]). Благодаря деятельности священника русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевского (1811–1884) в начале 1860-х годов в Россию попала рукопись Людовита Штура (1815–1856), знаменитого словацкого поэта, публициста, философа, патриота, знакомого с идеями славянофилов, — трактат «Славянство и мир будущего», написанный в 1851–1855 годах и опубликованный в России в 1867 году. Условием, необходимым для создания славянского государства, Штур считал освобождение славян от чужеземного ига через падение Австрии и Турции. Россия призвана стать освободительницей и объединительницей славян, для чего она должна уничтожить крепостное право как величайшее зло России и развить местное самоуправление с выборностью чиновников. Прочие славяне должны восстановить у себя православную церковь и принять единый литературный язык, которым мог стать лишь русский⁶⁵. В заключение позволим себе провести следующую историческую параллель, которая отчасти отвечает на вопрос, почему же мироощущение Хомякова близко словенцам XIX — начала XX века.

⁶⁵ Подробнее об этом и деятельности Л. Штура см.: [Чуркина 1978; Штур 1992], а также главы Н. В. Шведовой, посвященные словацкой литературе во втором томе труда «История литератур западных и южных славян» [Шведова 1997].

Сохранилась история о получении семьей Хомяковых богатства, которое было передано им по совету и решению крепостных крестьян⁶⁶. К этой истории Алексей Степанович относился равнодушно, даже гордился ею и, кроме того, делал на ее основании и истории воцарения рода Романовых определенные историософские выводы. И в словенской истории мы находим факт подобного рода. В статье словенского исследователя А. Ленарчика даны следующие сведения (приводим их в своем сокращенном пересказе):

В 1509 году в Париже вышел историко-космографический труд папы Пия II *De Europa* ('Европа'; [Pius II 1509, l. 87–151]), в котором тот описал уникальный, по его словам, и прежде не известный обряд интронизации словенских князей на Господетском поле (на Сватнах). Обычай был традиционен в Карантании, некогда знаменитом древнем славянском государстве, а позднее — одной из австрийских провинций (Каринтии). Еще и сейчас среди лугов рядом с поселком Шентвид стоит мраморный камень. Окруженный толпой, держа десницей повод с черным быком, а левой рукой — пятнистую кобылу, садится на этот камень крестьянин. Это право у него родовое. Тот, кто должен стать князем, подходит с многочисленной свитой. Перед ним несут знамена. Все в праздничной одежде красного цвета, только князь одет, как бедный пастух. В руке он держит пастушью палку. Крестьянин, сидящий на камне, восклицает на словенском языке: «Кто тот, кто приближается так шумно?» Народ отвечает ему, что это князь. Затем крестьянин спрашивает: «Умеет ли он справедливо судить? Знает ли он, что хорошо для страны? Рожден ли он свободным? Истинной ли он веры?» Все ему отвечают: «Он такой и таким останется!» Здесь крестьянин легонько бьет претендента

⁶⁶ Например, см. электронную публикацию: Архимандрит Георгий (Шестун). Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) // Электронный ресурс: Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность. Информационно-аналитическая служба. — 01.06.2012. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2012/06/01/aleksej_stepanovich_homyakov_18041860.

в князи по лицу. Затем, когда тот ручается крестьянину, что у него нет долгов перед обществом, камень освобождается для него, и он поднимается на него, взмахивает мечом и обещает народу, что будет справедливым судьей. Таким образом, крестьянин, пока сидит на камне, не считается с авторитетом будущего князя, пока не заключен договор. Князь должен первым поклясться, что будет справедлив, прежде чем народ пообещает ему свою преданность.

Собственно, и правящая в Австрии династия Габсбургов формально получила права управления словенским народом именно через этот обряд интронизации. Последним из Габсбургов по старинному словенскому обряду на Господском поле был возведен на престол Эрнест Железный в 1414 году. Его наследники соблюдали традицию присяги будущего правителя вплоть до окончания правления Габсбургов в 1918 году, но место ее проведения перенесли в город Клагенфурт. Со временем обряд ограничился формальной церемонией и подтверждением привилегий [Ленарчич 2001].

Такого рода исторические зарисовки могут служить косвенным подтверждением прозорливости историософских идей Хомякова, но главное, как полагал сам Хомяков, — истинная наука сродни поэзии, потому что стремится к истине, поэзия же в высшем понимании и есть выражение этой истины.

Часть 3:

Николай Васильевич ГОГОЛЬ (1809–1852)

Гоголь на страницах словенских литературных журналов «Люблянски звон» и «Дом ин свет» (конец XIX – начало XX века)

Можно предположить, что знакомство словенской интеллигенции с произведениями Н. В. Гоголя состоялось довольно рано. Как уже говорилось выше, многие образованные люди XIX века следили за литературной — и шире культурной — жизнью России, были в курсе актуальных веяний и достижений того времени. Благодаря случайно попавшим в руки отдельным номерам петербургских и московских журналов, переписке и личным контактам реже с русскими, а чаще с другими славянами, австрийскими подданными, видными литераторами и общественными деятелями, благодаря книгам, щедро посылавшимся различными благотворительными обществами, словенцы знали о «малоросском» самородке, великом российском писателе, уже при жизни снискавшем сначала симпатию, а затем и признание многих своих современников за рубежом.

В словенской печати переводы отдельных повестей Н. В. Гоголя публикуются в 80-е годы XIX века. Так, газета «Кметийске ин рокоделске новице» в 1883 году публикует «Портрет», а в следующем, 1884-м — «Ночь перед Рождеством» и «Нос». Уже в 1887 году Словенская матица издает отдельной книгой гоголевскую поэму «Мертвые души» в переводе Лавослава (наст. имя — Леопольд) Горенеца (1840–1886).

Журналы «Люблянски звон» и «Дом ин свет» были первыми полноценными литературными периодическими изданиями, которые выходили на словенском языке, и внесли огромный вклад в развитие национальной литературы.

Журналы представляли собой два своеобразных полюса общественно-интеллектуальной жизни Словении: «Люблянски звон» объединял вокруг себя главным образом приверженцев либерального пути развития, хотя и не имел четко определенной идейно-эстетической направленности; «Дом ин свет» носил ярко выраженный религиозный, морально-дидактический характер. В них нашли свое отражение наиболее значимые события литературной жизни словенцев того времени.

На портале *dLib.si* можно найти все номера журналов «Люблянски звон» и «Дом ин свет» за годы их существования — как в виде сканированных фотокопий, так и электронной машинной расшифровки текстов. Благодаря этому электронному ресурсу мы выявили 152 публикации в журнале «Люблянски звон» и 90 публикаций в журнале «Дом ин свет», в которых упоминается Николай Васильевич Гоголь.

Условно можно выделить следующие периоды публикационной активности: 1) первые годы существования «Люблянского звона» с 1881 по 1887 год, вплоть до выхода «Дома ин света»; 2) с 1888 по 1902 год, когда отмечалось 50-летие со дня смерти Гоголя; 3) 1902–1909 годы, то есть до 100-летнего юбилея со дня рождения великого писателя; 4) от 1910 года через тяготы Первой мировой войны и вплоть до образования 1 декабря 1918 года Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС, будущей Югославии); 5) межвоенный период с 1919 по 1941 год, когда в связи с оккупацией было прекращено издание «Люблянского звона» и 6) время Второй мировой войны, последние годы существования журнала «Дом ин свет».

Особый интерес, на наш взгляд, представляет время с 1881 по 1909 год — то есть до широкого празднования столетнего юбилея писателя [Созина 2012 б].

По публикациям в этих журналах (от юбилейных статей до хроникальных сообщений и объявлений о выходе книг) оказалось возможным проследить, каково было отношение словенцев к наследию Н. В. Гоголя, как оно менялось с течением

нием времени. Зачастую особо ценными в определении значения Гоголя в культурно-общественной жизни словенцев являются как раз отдельные упоминания о нем в работах, напрямую не связанных с его жизнью и деятельностью.

Интерес к российской действительности в большей или меньшей степени характерен для Словении конца XIX — начала XX века. В периодической печати то и дело появляются небольшие сообщения или объявления (хроника), так или иначе связанные с Россией. Собственно, и первое упоминание имени Н. В. Гоголя в «Люблянском звоне» (в шестом номере) появилось в объявлении о намерении публикации в России «Пушкинской библиотеки», то есть полного собрания сочинений поэта, в связи с чем родилась идея издания подобных «библиотек» и других знаменитых русских писателей, среди которых назван Гоголь [Ljubljanski 1881 a, s. 387]. А уже восьмой номер извещает о предстоящем открытии скульптуры Гоголя в Нежине [Ljubljanski 1881 b], где в Гимназии высших наук юноша учился с 1821 по 1828 год. Приводится и описание бюста «славного писателя», действительно установленного в 1881 году и ставшего первым в мире памятником в его честь (скульптор — П. П. Забелло).

За первые семь лет существования «Люблянского звона» Гоголь упоминается в 13 публикациях (большую часть из них можно назвать хроникой). Сообщается о выходе «Тараса Бульбы» на испанском языке (с подзаголовком «русская повесть»; *Tarass Boulba, narracion rusa*; Мадрид, 1880⁶⁷; [Ljubljanski 1883 c]), «Ревизора» на словенском языке в переводе Ивана Весела (Любляна, 1883; [Ljubljanski 1885, s. 443])⁶⁸, а также критических этюдов немца Эвгена Цабеля «Литературные прогулки по России» (Берлин,

⁶⁷ В анонсе год издания ошибочно указан как 1882-й.

⁶⁸ Сообщается, что «знаменитая на весь мир классическая комедия» была опубликована в сборнике второй наряду с еще пятью пьесами С. Г. Мозенталя, Г. фон Мозера и А. Л'Арронжа, В. Фридриха, А. Дюма, М. Кнауф — см.: [Mosenthal 1883].

1885, переизд. 1887; [Zabel 1885]), посвященных творчеству русских писателей, в том числе Николая Васильевича [Ljubljanski 1887 a, s. 61]. В декабре 1887 года «Люблянски звон» извещает о выходе в свет словенского перевода «Мертвых душ», который выполнил Лавослав Горенец (под псевдонимом Л. Подгоришки): «Этим романом, одним из лучших в великой русской литературе, значительно обогатилась повествовательная словесность наша» [Ljubljanski 1887 b, s. 767]. И хотя в тексте автор статьи не указан, его имя есть в каталожной записи на портале *dLib.si*: Виктор Бежек (*Viktor Bežek*)⁶⁹. Забегая немного вперед, сразу скажем, что Виктор Бежек еще раз напомнит своим читателям о выходе поэмы в обзоре деятельности Словенской матицы и в следующем, 1888 году [Ljubljanski 1888, s. 313].

Упоминание гоголевского Ноздрёва в одном ряду с пушкинским Онегиным, лермонтовским Печориным и тургеневским Рудиным как персонажа российской действительности свидетельствует о приобретении героями Гоголя символического и даже архетипического значения и постепенном введении их в ряд вечных образов мировой культуры — как, например, в части статьи Карела Штрекеля «Новейшие писатели русские», посвященной Н. А. Некрасову [Štrekelj 1883–1884: 1883, s. 592]. В этой статье, публиковавшейся в 12 номерах «Люблянского звона» с сентября 1883 года по декабрь 1884 года (с перерывом на два летних месяца), сам Николай Васильевич упоминается девять раз, главным образом в связи с творчеством И. С. Тургенева [ibidem, 1883, s. 592; 1884, s. 106–107, 110, 178, 299, 367] — в последний раз при описании родителей Базарова: «Такую глубокую и нежную любовь прежде обрисовал один единственный раз Гоголь в “Тарасе Бульбе”, где прощается несчастная мать с сыновьями, отправляющимися в воинствующую Сечь» [ibidem, s. 367].

Имя Н. В. Гоголя звучит в связи с творчеством таких писателей, как словенец Йосип Юрчич (1844–1881) и по-

⁶⁹ URL: <https://dlib.si/details/URN:NBN:SI:doc-2YMYQGXXO>.

ляк Владислав Людвик Анчиц, а также русских классиков Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Гончарова и др. [Ljubljanski 1883 a, s. 208; 1883 d, s. 671; 1884 a, b]. Особо подчеркивается сатирический характер произведений Гоголя и их нравственная направленность.

Наиболее полно творчество писателя затрагивается в развернутой статье Франа Целестина, посвященной В. Г. Белинскому [Celestin 1886]. Здесь Гоголь назван более двух десятков раз в связи с различными периодами деятельности своего современника, что и неудивительно, поскольку каждый из них много значил для русской литературы 1830–1840-х годов. В другой своей статье Целестин (возможно, как раз под влиянием Белинского) пишет: «Гоголь <...> подлинного значения и настоящей ценности своих произведений не понимал» [Celestin 1883, s. 321].

С 1888 года вплоть до 50-летия со дня смерти Н. В. Гоголя, то есть в течение последующих пятнадцати лет, в обоих журналах — «Люблянском звоне» и «Доме ин свете» — писатель упоминается в 65 публикациях (примерно поровну, соответственно: 32 и 33 раза).

«Люблянски звон» продолжил хроникальную традицию. Так, при анонсе российских изданий художественной литературы в 1889 году говорится уже о десятом переиздании 5-го тома собрания сочинений Гоголя [Ljubljanski 1889, s. 510], а в 1891 году сообщается, что с 1887 года публикуется «Русская библиотека» во Львове, где наряду со многими другими писателями вышел и Гоголь [Ljubljanski 1891]. Вероятно, подобные анонсы были призваны стимулировать словенского читателя к чтению на русском языке (впрочем, как и на других славянских языках).

В 1895 году в журнале появляется весьма скептическая заметка, подписанная инициалами Р. П. (*R. P.*; возможно, за ними скрывался писатель Райко Перушек, один из частых корреспондентов журнала), о якобы нашедшемся в Калуге втором томе «Мертвых душ» [Ljubljanski 1895, s. 128], а также рассказывается об опубликованной в Хорва-

тии книге Миливоя Шрепела, ставшего лауреатом премии Фонда Адольфа Вебера-Ткалчевица за 1893 год, «Русские повествователи» [ibidem, s. 125]. Автор книги описывает и оценивает творчество Гоголя в ряду других русских классиков.

С ноября 1899 года в Любляне начал свою деятельность «Русский кружок», о чем сообщает во втором номере журнала за следующий год Антон Ашкерц (воспользовавшийся псевдонимом ‘Андрей Андреевич Калашников’, что естественным образом наводит на мысль о Лермонтове), подчеркнувший значение русского языка и литературы во всем мире: «В любой современной книжной лавке и библиотеке найдешь Гоголя, Толстого, Достоевского, Гаршина, Чехова, Потапенко, Пушкина, Лермонтова, Тургенева и др.» [Aškerc 1900, s. 134]⁷⁰. В третьем номере за 1902 год Петер Жमितек (1874–1935) сообщает о выставке в Академии художеств в Петрограде (Петербурге)⁷¹ работ Е. Е. Волкова и В. Е. Маковского, среди которых 50 иллюстраций последнего к поэме «Мертвые души» — впрочем, по мнению автора заметки, они «не заслуживают особой похвалы, ибо, несмотря на свой, хотя и живой юмор, не производят на зрителя впечатления» [Žmitek 1902, s. 213].

В начале 1893 года в обзоре «Словенский театр» упоминается, что 1 декабря (1892 года) играли «славную» гоголевскую комедию «Ревизор» [Ljubljanski 1893, s. 61]; а в начале 1900 года в одноименной подрубке раздела кратких сообщений отмечается, что 16 ноября (1899 года) словенская публика после длительного перерыва вновь увидела «знаменитую гоголевскую сатиру», и рассказывается о пьесе и постановке [Ljubljanski 1900, s. 58]. В это время в Любляне действовало Театральное общество (*Dramatično društvo*), учрежденное в 1867 году. Театральные постанов-

⁷⁰ В имени Игнатия Николаевича Потапенко, одного из популярных писателей 1890-х гг., в словенском тексте допущена опечатка: Потепенко.

⁷¹ В 1902 г. словенцы называли российскую столицу Петроградом, официальным это имя стало лишь в 1914 г., и город носил его до 1924 г.

ки регулярно осуществлялись начиная со второй половины XVII века. Театр в центре Любляны был построен в 1765 году, но сгорел при пожаре 1887 года (на его месте сегодня располагается здание филармонии). С 1892 года постановки были перенесены на сцену Люблянской оперы, строившуюся в течение почти трех лет (1890–1892). Здание современного Театра драмы было построено уже позже (1909–1911).

Театральная тематика актуализируется. Полюбившийся благодаря переводу И. Весела «Ревизор» привлекает особое внимание путешествующих по России корреспондентов журнала. Так, в своих записках «В российской провинции» словенский славист, литературовед и этнолог Матия Мурко⁷² (1861–1952) пишет, что его потрясла сцена подачи челобитной, когда он впервые увидел пьесу в Петрограде (Петербурге), и ему стала понятнее российская действительность. И, наоборот, благодаря путешествию ему «открылось понимание гоголевских картин из добрых старых времен, и вновь стал проясняться смысл русского реализма и его оригинальность» [Murko 1889, s. 591]. С огорчением исследователь упоминает и о «злоупотреблении» именем великого писателя, которое было присвоено пароходу устаревшей конструкции, не похожему вопреки ожиданиям на суда, названные «Лермонтов» и «Пушкин» [ibidem, s. 668].

Однако уже в 1899 году Антон Ашкерц в статье «Два три слова о нашем театре и нашей драме» выражает некоторую «усталость» от «старого» репертуара — Шекспира, Шиллера, Гоголя, Островского, — ведь театр должен постоянно обновляться, впрочем, не отвергая традиций. В связи с этим автор ссылается на гоголевские слова о том, что театр — «это такая кафедра, с которой можно сказать миру много добра» («Выбранные места из переписки с друзьями»): «...и театр становится кафедрой, как его называет Гоголь, с которой нам будут великие писатели проповедо-

⁷² Подробнее об этом замечательном ученом и русофиле см. [Чуркина 2017, с. 459–467 и далее].

вать вечные идеалы правды, доброты и красоты»⁷³ [Aškerc 1899 a, s. 297].

Всё чаще цитаты из произведений Гоголя используются для яркой иллюстрации происходящего в реальной словенской действительности, постепенно превращаясь в крылатые выражения. Так, Матия Мурко в «Мыслях с чешской выставки» вспоминает фразу гоголевского городничего: «Оно, конечно, Александр Македонский — герой, но зачем же стулья ломать?» [Murko 1892, s. 80]. Иван Цанкар (1876–1918) в юбилейной статье об Антоне Ашкерце использует пословицу-эпиграф к «Ревизору»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» [Cankar Iv. 1896, s. 625]; — а Иван Приятель в эссе «Монолог весеннего вечера» обращается к своей родине словами из «Мертвых душ»: «Чего же ты хочешь от меня?» [Priatelj 1901 b, s. 616].

Упоминается Гоголь и в связи с творчеством известных словенских литераторов А. Ашкерца, Ф. Целестина, Ф. Говекара и даже поэта-романтика Ф. Прешерна, французских писателей О. де Бальзака, В. Гюго, немецкого поэта Г. Гейне, шведа А. Йенсена (переводчика произведений Гоголя), а также по ходу изложения творческих биографий Максима Горького, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и других [Svetič 1888, s. 405–406; 1896, s. 667; 1902 a, s. 294; Göstl 1896, s. 295; Ljubljanski 1897, s. 308; 1900, s. 66; 1901, s. 571; Marjanović 1899, s. 537; Priatelj 1900, s. 102; 1901, s. 38; Aškerc 1901, s. 53; Volynskij 1901, s. 544; 1902, s. 31].

Как видно, география литературных параллелей расширяется, что свидетельствует о знакомстве с творчеством Гоголя не только отдельных авторов, профессионально интересующихся Россией, но и исследователей, работающих в смежных областях. В представлении словенских интеллектуалов Гоголь действительно вошел в сокровищницу мировой литературы. Особое внимание обращается на реализм зрелого Гоголя.

⁷³ У Ашкерца гоголевские слова переданы в интерпретации А. С. Склера — одного из авторов журнала «Русская мысль».

Примечателен некролог Эмилю Золя (1840–1902), в котором автор, Фран Светич, говорит о влиянии Гоголя на французского писателя и о том, что всё же Гоголь словенцам оказывается ближе: «В заключение позволю себе высказать еще свое *ceterum censeo*⁷⁴: наш словенский романист, не плетись в хвосте у Золя и его учеников, но <...> лучше бери себе в пример русских реалистов⁷⁵ от Гоголя и Тургенева до Толстого и Горького! Поверьте, это лучше и нашему духу более подходит!» [Svetič 1902 b, s. 758].

«Люблянски звон» традиционно продолжает отслеживать публикации переводов произведений Гоголя. В 1899 году специальная статья А. Ашкерца была посвящена очередному выпуску (№ 84–85) «Славянских библиотек», представляющему повести «Ночь перед Рождеством» и «Шинель» на словенском языке в переводе «неизвестного» Милорадовича (псевдоним Франца Гривеца) с его же предисловием, в котором автор «обоснованно показывает большое значение Гоголя для русской и мировой литературы» [Aškerc 1899 b]. В Италии выходит перевод повести «Тарас Бульба» (Удине, 1902), подготовленный (на итальянском языке) словенцем Иваном Тринко; по мнению автора заметки, остается только пожелать, чтобы переводчик продолжал свою деятельность по ознакомлению итальянцев с жемчужинами славянской литературы, что является настоящим вкладом в продвижение национальной культуры [Ljubljanski 1902].

К 50-летию смерти великого писателя журнал специально публикует небольшую статью «Гоголь. Два портрета». Ее автор, И. Приятель, всматриваясь в портреты работы А. Г. Венецианова (1834 года) и А. А. Иванова (1841 года), пытается разгадать, что скрыто в двух таких разных выражениях лица писателя. Созданные в разное время картины несут в себе тайну и глубину гоголевского мироощущения.

⁷⁴ Впрочем, полагаю (лат.).

⁷⁵ Разрядка авторская.

На ранней картине Венецианова, благодаря которой автор статьи «впервые увидел русского человека», — «в приподнятых изогнутых бровях прелестная, здоровая и необузданная смелость», в «немного диких глазах еще — все фантастические и устрашающие сказки, слышанные мальчишкой на хуторе близ Диканьки», «а блеск глаз уже — отсвет пожаров Запорожской Сечи» [Priatelj 1902, s. 347]. У Иванова, пишет Приятель, — «“Мертвые души” лежат на этом лице. Каждая глава врезалась в него. Некогда такой здоровый и крепкий Гоголь отписан смерти. Как дошло до этого?» [ibidem, s. 350]. Исследователь пишет о великой миссии Гоголя — по отношению к своей родине, ко всему славянству. «В то время, когда еще все славянские силы, неупорядоченные и нераспределенные, кипели и бродили без цели и без направления, Гоголь дерзнул подступить к ним, чтобы упорядочить их и так распределить, чтобы развернуть их все к одной цели, имя которой — славянская культура» [ibidem]. В этих словах выражены и мечты самого исследователя, многое сделавшего для развития добрых связей между словенцами и россиянами. В заключительном абзаце статьи, возможно, с некоторой патетикой выражено восхищение, искренняя симпатия и чувство признательности к Гоголю — гению, оставившему благодатный след в русской, славянской и мировой литературе:

«В Гоголе всё в фантастическом беспорядке. Он некультурный полнокровный славянин. Чувство в нем — это всё, и еще фантазия, а разум — почти ничто. Покуда ему не было дела до того, чтобы упорядочить все эти нескладные силы славянской природы, для того лишь, чтобы придать им полет, чтобы поднять их, окрылить ради чего-то высшего, он был велик; но когда он постарался уложить хаотичные силы славянства в совершенную конструкцию⁷⁶ мощи, он обессилел и впал в мистическую экзальтацию. С новой школой славного поколения сороковых он пришел в противоречие. Но вскоре всем стало ясно, что на самом

⁷⁶ В оригинале дословно ‘завершенный параллелепипед’.

деле у Гоголя есть продолжение — как в лице Тургенева, которого всю жизнь преследовала гоголевская забота и тревога за русский народ, так и чародея Достоевского, над которым беспрестанно кружил гений патологической религиозности, в лице Толстого, сомневающегося и не верящего больше в свое собственное дело, и Салтыкова-Щедрина, единственного, кто в полной мере наследовал гоголевскую желчь, и слезы, и смех. Но весь Гоголь только в — Гоголе» [там же, с. 350–351].

Журнал «Дом ин свет» упоминает Гоголя сразу же в своем дебютном номере в заметке о деятельности Словенской матицы [Dom 1888] в связи с выходом на словенском языке «занимательной книги» «Мертвые души», — и еще раз напоминает о ней в девятом номере ⁷⁷ [Svetina 1888, s. 143]. Как и в либеральном «конкуренте», в католическом журнале чаще всего Гоголь попадает в хронику, благодаря которой можно выявить общую направленность интересов словенского общества.

Так, своим читателям редакция рассказывает о «великой радости» среди чешского народа в связи с публикацией «Русской библиотеки», где будут издаваться чешские переводы русских классиков, среди которых, конечно, и Гоголь [Zagorac 1888, s. 79]. Упоминаются переводы Гоголя на болгарский и греческий языки [Коваџић 1895, s. 572; Dom 1902 a]. В 1900 году сообщается о бесплатном приложении к русскому еженедельнику «Нева» «Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя» [Dom 1900, s. 447], а также о красочном издании во Львове повести «Тарас Бульба» — особо подчеркивается, что ее перевод на словенский язык был опубликован в альманахе «Летопис Матице Словенске» в выпуске за 1872/1873 год, но книга будет полезна желающим познакомиться с русским оригиналом [ibidem, s. 638]. В 1902 году сообщается о положительной оценке «Санкт-Петербургскими ведомостями» прошедших в «Сла-

⁷⁷ Таким образом, вышедшая в 1887 г. книга в центральных словенских литературных журналах была анонсирована четыре раза.

вянском клубе» в Кракове лекции о словенцах и доклада профессора Здзеховского о Гоголе, в связи с чем было отмечено, что «еще десять лет назад лекция подобного содержания была бы невозможна, не то чтобы успешна» [Dom 1902 c].

Рассказывается о выходе книг: в Словении — сборника «При прощании» (Горица, 1898), куда вошла работа Франчишека (Франца) Гривеца «Русский реализм и его основные представители» (Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой); также и в России — сборника В. П. Буренина⁷⁸ «Критические этюды» (СПб., 1888), где представлены статьи о русских литераторах (в том числе Гоголе), публиковавшиеся в газете «Новое время», трудов А. М. Скабичевского «История новейшей русской литературы» (СПб., 1891) и его дополненного переиздания с подзаголовком «1848–1892», то есть с эпохи Гоголя и до последнего времени, и Н. Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы», где собраны статьи 1855–1856 годов, публиковавшиеся в «Современнике». Наряду с этим сообщается о кончине О. Ф. Миллера (1833–1889), автора труда «Русские писатели после Гоголя», а позднее — А. А. Фета (1820–1892), еще в молодости заслужившего похвалу знаменитого писателя... и так далее [Vučar 1888, s. 128; 1891, s. 92, 93; 1893, s. 575; Ošaben 1897, s. 529; Dom 1901 b; Lampe 1901, s. 702; 1902, s. 614].

Редакция журнала не обходит стороной и шероховатости в отношении к писателю, например Янко Барле в статье, посвященной хорватскому литературоведу д-ру М. Шрепелу, особо отмечает, что тот в своей книге «Русские прозаики» «интересно, но критично» описывает русских писателей во главе с Гоголем [Barle 1899, s. 258].

В Словении наследие Гоголя не просто знали, но знали хорошо, о чем свидетельствует цитирование. Так, при публикации перевода для юношества «Одиссеи» Гомера, выполненного и откомментированного Андреем Краге-

⁷⁸ И вновь опечатка в инициалах, автор назван В. Г. Буренин.

лем, упоминаются гоголевские слова о легендарном древнегреческом поэте-сказителе, а именно о том, что якобы «гомеровские люди лучше, чем сегодня» [Dom 1894]. Возможно, автор сопроводительного текста имеет в виду статью «Об Одиссее, переводимой Жуковским» Гоголя, вошедшую в «Выбранные места из переписки с друзьями» [Гоголь 1847].

Гоголевские герои постепенно становятся широко известными и уже служат для описания других литературных явлений. Так, Чичиков помогает при характеристике персонажей романа хорватского писателя Йосипа Козараца «Между светом и тьмой» (Загреб, 1891; [Dom 1892, s. 283]), а герой «Ревизора» — «Лукавого жениха» (Ново-Место, 1899), написанного А. Л. Бистришким (псевдоним Антона Левица), конечно, с опорой на словенские реалии [Šanda 1900].

Несколько раз Гоголь упоминается в статье о творчестве И. Н. Потапенко (1856–1929), иногда через противопоставление, а гоголевский Акакий Акакиевич оттеняет комичность и трагичность положения потапенского героя в рассказе «Шестеро» [Grivec 1901, s. 197].

В связи с выходом хорватского перевода «Записок охотника» (Загреб, 1897) вновь звучит мысль о том, что Тургенев — ученик Гоголя [Lampe 1898, s. 448]. Сходство с Тургеневым и Гоголем усматривается и в творчестве В. Г. Короленко, который умеет «особым способом описания» «в каждую картину из природы вдохнуть жизнь» [Grivec 1902, s. 494].

Примечателен факт использования образа Гоголя и в словенской художественной литературе. Так, «Дом ин свет» публикует повесть Иво Трошта (под псевдонимом Добравец) «Среди волн жизни», где незнание творчества Гоголя служит для характеристики культурного прозябания героев: «...кроме Яромила, никто не знал ни Гоголя, ни русского языка — разве только слышали» [Trošt 1893, s. 122].

Знание классиков русской литературы среди словенских интеллектуалов, вероятно, считалось само собой разумею-

щимся. Так, в 1895 году автор анонса о выходе перевода романа «Белые ночи» Ф. М. Достоевского негодует по поводу того, что издатель А. Г. (Габршчек) допустил на обложке книги приписку, будто автору принадлежат еще и «Мертвые души» (!), уже опубликованные на словенском языке [Dom 1895].

Как и «Люблянски звон», «Дом ин свет» следит за выходом переводов произведений Гоголя в Словении и анонсирует публикацию «Ночи перед Рождеством» и «Шинели» [Dom 1899]. В первом номере за 1901 год в некрологе Ивану Веселу особо отмечаются заслуги литератора на переводческом поприще: благодаря ему издательство «Словенска Матица» познакомила своих читателей с русской поэзией (Пушкин, Лермонтов) и комедией («Ревизор») [Dom 1901 a].

К 50-летию выхода первого тома «Мертвых душ» (как известно, это случилось 21 мая 1842 года) журнал в своем декабрьском выпуске за 1892 год помещает небольшую заметку Виктора Бучара о длительной истории создания, переработки и публикации поэмы [Vučar 1892, s. 575]; здесь же чуть раньше сообщается об издании «Очерков гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского [ibidem, s. 574]. В 1902 году в статье автора, скрытого за криптонимом «-п.», уже подробно рассказывается об итальянском переводе «Тараса Бульбы», выполненном словенцем Иваном (или Джованни на итальянский лад) Тринко. Перевод назван классическим, благодаря чему итальянцы получили возможность узнать одного из величайших русских романистов: «постаревший запад может дивиться молодости и плодовитости восстающей силы русской души» [Dom 1902 b, s. 250].

Тому же перу принадлежит статья к 50-летию смерти русского классика. Наряду с описанием жизненного пути и творческой биографии автор высказывает следующие мысли: «Гоголь своими прославленными произведениями, особенно способом, которым писал свои романы, вспахал в русской словесности глубокую борозду, которая позднейшим самым знаменитым русским писателям стала ука-

зателем направления движения на их поприще» [ibidem, s. 254]; «Мягкий его нрав, к сожалению, слишком рано изнемог в жизненных битвах», он был «основателем современного русского романа» [ibidem, s. 255]. В статье дано изображение Николая Васильевича, графическая копия знаменитого портрета А. А. Иванова, литографию с которого в 1843 году напечатал журнал «Москвитянин».

В период между двумя памятными датами, связанными с Николаем Васильевичем — 50-летием со дня смерти и 100-летием со дня рождения, — то есть в течение шести лет, в словенских центральных литературных журналах появляется 36 публикаций с упоминаниями о Гоголе, однако несомненным лидером становится «Дом ин свет» — 24 статьи.

Гоголя вспоминают в связи с В. А. Жуковским [Dom 1903 a], А. В. Кольцовым [Erjavec 1909, s. 263], Ф. И. Тютчевым и А. С. Хомяковым [Lah 1904, s. 362, 363], А. П. Чеховым [Štifter 1904 a; b, s. 575], В. А. Слепцовым [Dom 1903 d, s. 635], Д. В. Аверкиевым [Dom 1905, s. 254], И. И. Ясинским [Štingl 1906 b, s. 576]; словенским писателем Ф. К. Мешко [Dom 1904, s. 172; Dom 1909 b]; чехом К. Гавличеком-Боровским, который «особенно любил Гоголя» и переводил его [Štingl 1906 b, s. 575]; украинцем П. А. Кулишом, еще в период своего становления обсуждавшим произведения Гоголя со своим лучшим другом [Dom 1909 a]; немецкими писателями [Glazer 1903, s. 303]; чувствуется его влияние в книге Е. Н. Любича «Из жизни. Рассказы и наброски» (Одесса, 1902) [Dom 1903 b].

Примечательно сравнение с Гоголем Максима Горького: «Он изображает и своим изображением пугает. Это Гоголь, лишь менее ясный, менее спокойный: это взбешенный Гоголь. Горький не только революционер, он нигилист» [Dom 1905 b].

Авторы журнала обращают внимание на исследование творчества Гоголя зарубежными славянами, например чехами — Вилемом Мрштиком [Dom 1903 c, s. 507] и д-р, проф. Поливкой [Dom 1908]. В четвертом номере

за 1905 год говорится об украинских переводах Д. Л. Мордовцева [Dom 1905, s. 255].

Как и прежде, периодически появляются отсылки к гоголевским персонажам. Например, Леопольд Ленард в путевых заметках «Рождество на Украине», увидев польского офицера, отмечает его сходство с генералом из «Ревизора» [Lenard 1909 d, s. 36]. В рассказе Изидора Цанкара (скрывшегося под псевдонимом Франц Брегар) «Голуби» герой-рассказчик, повествуя о сдаче тяжелой сессии, свое состояние характеризует следующим образом: «Никогда я не был так ревностен, как тот учитель, о котором рассказывает Гоголь, что из чистого восторга от истории ломал стулья на уроках; но в тот раз мне отказали последние силы» [Cankar Iz. 1909, s. 301].

В связи с развитием издательского дела в России появляются сообщения о том, что только в Петербурге с 1 января по 1 июля 1902 года было опубликовано 1070100 единиц книжной продукции с произведениями Гоголя, который в указанный период, судя по приводимым данным, являлся абсолютным лидером [Dom 1903 d, s. 636]. И уже в следующем номере уточняют, что, так как с 1902 года публиковать наследие Гоголя может каждый, в Санкт-Петербурге вышло уже 1136000 книг с его произведениями, если же добавить другие российские города, то можно говорить почти о двух миллионах [Dom 1903 i, s. 702]. Данная цифра приводится и в последующих выпусках журнала [Dom 1904, s. 185], а в 1906 году даже резюмируется: «Гоголь стал народным» [Dom 1906, s. 384].

В заметке «Что читает русский простой народ» наряду с различными произведениями Пушкина, Толстого, Достоевского, Тургенева и др. называются гоголевские «Мертвые души», «Тарас Бульба», «Вечера на хуторе близ Диканьки» [Stingl 1906 a, s. 319].

Сто лет со дня рождения российского писателя «Дом ин свет» отметил специальной статьей Л. Ленарда «Два славянских юбилея», первая часть которой посвящена Юлиушу Словацкому (1809–1848), а вторая — Николаю Василье-

вичу Гоголю [Lenard 1909 b, s. 235–236], названному здесь «первым демократом в русской словесности и зачинателем русской современной литературы», «защитником пролетариата», «юмористом», смеющимся «не из наивного озорства, а “со слезами”». Автору импонируют гоголевский «демократический дух и его любовь к родной Украине». «Хотя Гоголь так остро бичевал коррупцию российской бюрократии, всё же он не был ни революционером, ни даже поборником конституции в нашем понимании, но присягнувшим “самодержавию” и глубоко верующим русским», — пишет Ленард [ibidem, s. 236].

Особо высоко автор оценивает «Ревизора» и «Мертвые души», в которых «нет ни одной светлой строчки, ни одной радостной черты»: «“Ревизор” и “Мертвые души” начинают в русской литературе этап развития, завершившийся ныне толстовской “Властью тьмы”. Тьма царствует вокруг нас, и люди с полумертвыми душами — наши современники. Повсюду тьма, лишь мертвые души» [ibidem, s. 235]. Второй том поэмы, сожженный русским писателем, словенский священник называет драгоценной жертвой Богу.

Симптоматичным представляется замечание критика о том, что, хотя Гоголь известен словенцам и на словенский язык «уже давно» переведены самые важные его произведения (в связи с этим упоминаются «Мертвые души», «Тарас Бульба», «Ревизор», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»⁷⁹), — он, «конечно, не может вызывать в нас того интереса и не имеет для нас того огромного значения, какое он имеет для России» [ibidem]. Однако сам дух статьи убеждает нас в обратном: важен Гоголь — и словенцам тоже (!).

Обращение к «Люблянскому звону» того же периода, между двумя гоголевскими памятными датами, показывает, что в большинстве своем это лишь упоминания о Гоголе в связи с анонсом различных изданий, в частности — научно-литературного сборника за 1902 год, подготовленно-

⁷⁹ Последнего автор, явно описавшись, «окрестил» Никифороlichem.

го Галицко-русской матицей (2 тома / 4 книги; Львов), где не обойдена вниманием памятная дата смерти писателя [Ljubljanski 1903 a, s. 121]; публикации в Нови-Саде сербского перевода работы В. Н. Кораблева о Гоголе [Ljubljanski 1903 b, s. 185–186]; хроники о состоявшейся в «Русском кружке» 5 февраля 1903 года лекции Г. А. Ильинского о Гоголе и его взаимоотношениях с другими русскими литераторами [ibidem, s. 192].

Хроника за 1903 год дает общее представление о торжествах, проходивших в связи с гоголевской памятной датой как в России, так и в Словении, а иногда в ней упоминаются и другие славянские территории.

В указанный период «Люблянски звон» продолжает публиковать путевые заметки из России, где также присутствует имя Гоголя. А. Ашкерц, рассказывая о двух своих приездах в Россию, в частности, упоминает о посещении Театра Корша⁸⁰: «я наслаждался как-то в воскресенье после обеда классическим “Ревизором” Гоголя. Театр Корша всё же вовсе не примечателен внешне, но иногда в нем играют исключительные мастера. В тот день в “Ревизоре” были заняты лучшие актеры. Само собой разумеется, что у нас никогда не смогут “Ревизора” играть так совершенно, как в России» [Aškerc 1903, s. 531]. И. Приятель посещает могилу Гоголя в Даниловом монастыре [Priatelj 1904, s. 331].

В 1904 году «Люблянски звон» опубликовал результаты опроса «Каких писателей охотнее читает русская учащаяся молодежь?» — из них мы узнаем, что на первом месте оказался Л. Н. Толстой (его «Воскресение» получило 691 голос), за ним следуют Горький (586 голосов), Достоевский, Тургенев, Чехов (немногим меньше 500 голосов) и еще ряд

⁸⁰ На основе разорившегося Пушкинского театра в 1882 г. Ф. А. Корш создает Русский драматический театр, а в 1883 г. становится его полноправным хозяином. Театр открылся 30 августа 1885 г. постановкой отрывков из «Горя от ума» А. С. Грибоедова, «Ревизора» Н. В. Гоголя и «Доходного места» А. Н. Островского. В 1933 г. Театр Корша был закрыт, а в его здании разместился МХТ, куда перешла часть прежней труппы.

писателей, а вот Гоголь, подобно Пушкину и Лермонтову, получил менее 100 голосов [Ljubljanski 1904 a].

Вместе с тем Гоголя продолжают упоминать авторы журнала — его имя есть в ряде заметок о В. Л. Величко [ibidem], М. Шрепеле [Murko 1905, s. 285], А. Н. Пышине [Priatelj 1906 a, s. 104, 106, 154, 217], а также в связи с выходом книги «Русский модерн» Минки Говекар (Любляна, 1905) [Priatelj 1906 b, s. 445].

В год столетнего юбилея Гоголя «Люблянски звон» ограничился лишь небольшим сообщением об открытии памятника «знаменитому русскому юмористу и сатирику», «великому писателю и радетелю славянства» в Москве⁸¹ [Ljubljanski 1909 a, s. 255] и рассказом в рубрике «Книжные новости» о том, что в Целье вышла первая тетрадь библиотечки издательства «Народне založbe», которую составили две повести Николая Васильевича: «Страшная месть» в переводе Й. А. Глонара и «Нос» в переводе Ц. Грегория [Ljubljanski 1909 b, s. 570].

Примечательно, что в период между двумя гоголевскими памятными датами католический журнал «Дом ин свет» всё еще сохраняет интерес к русскому классику, подтверждая тем самым свою бóльшую приверженность традиции. Его «более прогрессивный» конкурент «Люблянски звон», наоборот, возможно, вопреки ожиданиям, практически оставляет без внимания юбилей писателя. Думается, что это свидетельствует о наступающих переменах в настроениях словенской интеллигенции, причины которых можно, вероятно, искать и в изменении общественной ситуации, в том числе — в самой России.

Если говорить о том, как часто центральные словенские литературные журналы обращались к наследию Гоголя в последующие периоды, то картина складывается следующая: если судить по количеству публикаций с упомина-

⁸¹ Речь идет о памятнике на Никитском бульваре в Москве, выполненном в 1906–1909 гг. скульптором Н. А. Андреевым (1873–1932) и архитектором Ф. О. Шехтелем (1859–1926).

нием его имени в двух журналах, то далее — вплоть до образования Королевства СХС, в составе которого словенцы наконец-то получают государствообразующий статус, — имя Гоголя упоминается сравнительно редко обеими редакциями; однако в следующий — межвоенный — период именно «Люблянски звон» проявляет к его наследию несравнимо больший интерес, чем католический «Дом ин свет», который, впрочем, тоже не забывает о классике русской литературы даже в период оккупации во время Второй мировой войны.

Существовавший поэтический и духовный «портрет» Н. В. Гоголя в Словении на рубеже XIX–XX веков, сложившийся, в том числе, под влиянием центральных литературных журналов «Люблянски звон» и «Дом ин свет», в целом более или менее соответствовал российскому «портрету» писателя. На протяжении более полувека существования обоих изданий писатель всегда был признанным авторитетом, своеобразным эталоном для пишущей словенской интеллигенции. Значимость гения Гоголя никогда не подвергалась сомнению, хотя уровень интереса к его творчеству в различные периоды менялся.

Творчество Гоголя привлекает внимание читателей и исследователей славянских стран по сей день. Известный славист-литературовед Л. Н. Будагова (1932–2022) во вступительной статье к коллективному труду «Н. В. Гоголь и славянские литературы» (2012) приводит удивительный на первый взгляд факт: «По числу упоминаний во 2-м и 3-м томах “Истории литератур западных и южных славян” (М., 1997–2001)⁸², охватывающих XIX – первую половину XX века, Гоголь заметно превосходит Шекспира, Байрона, Гёте, Л. Толстого, Достоевского и всех других русских и зарубежных писателей, уступая только Пушкину» [Будагова 2012, с. 13]. Проникая в причины такой популярности Николая Васильевича у славян, Людмила Норайровна особо подчеркивает не только уровень, но и универсальность его таланта: «Совокупность его произведений — это, по сути дела, аналог целой развитой национальной литературы <...> В гоголевской модели представлены разные направления (от романтизма до реализма), жанры (повесть, роман, комедия, публицистика), литературные роды — эпос, лирика, драма; огромный интонационно-стилистический диапазон — от язвительной насмешки до пронзительной лирики; в ней проявляют себя веристическое и фантастическое начала, редкая наблюдательность и буйное воображение автора, его знания истории и мифологии» [там же, с. 15–16]. Всё это было востребовано славянскими национальными литературами, на разных этапах своего развития выбиравшими для себя и постигавшими новые грани феномена Гоголя.

Книга создана на основе материалов одноименной международной научной конференции — «Н. В. Гоголь и

⁸² Этот фундаментальный труд является уникальным в мировой литературоведческой славистике, итог работы российских ученых, почти сразу же ставший библиографической редкостью.

славянские литературы», — состоявшейся в Институте славяноведения РАН в честь его 200-летнего юбилея при грантовой поддержке РГНФ. Это 47 статей 46 авторов, в том числе двенадцати иностранных ученых; в более чем половине работ есть выход на современность, что особенно ценно, поскольку фиксирует живой интерес к писательскому наследию, сохранившему свежесть смыслов — несмотря на смену литературных и исторических эпох в развитии европейской цивилизации, смыслов, проникающих в непреходящую суть вещей, а потому имеющих вневременное значение. Исследования дают широкую панораму восприятия Гоголя у болгар, македонцев, поляков, сербов, словаков, словенцев, украинцев, хорватов и чехов с первых публикаций до начала XX века.

Авторы труда не ставили перед собой специальной задачи представить всю современную славянскую палитру, да и, вероятно, даже в такой объемной книге невозможно было бы охватить все явления, связанные с именем писателя, тем более что, по мнению авторов, рецепция Гоголя у славян еще далеко не закончена.

Так, в Словении в 2010 году вышел том (более шестисот страниц) произведений Гоголя под названием «Пропавшая грамота»⁸³ [Gogolj 2010] в новых переводах видных (хотя и молодых на тот момент) переводчиков Урши Забуковец и Борута Крашевеца. В книгу вошли малая проза «Пропавшая грамота», «Страшная месть», «Иван Фёдорович Шпонька и его тетушка», «Вий», «Петербургские повести» («Невский проспект», «Нос», «Шинель»), «Выбранные места из переписки с друзьями», вторая часть «Мертвых душ». Проект закрыл лакуны в восприятии наследия Гоголя современными словенскими читателями, представив как обновленные переводы краткой прозы, так и произведения, ранее не издававшиеся в Словении.

⁸³ В 2009 г. проект получил поддержку Фонда Михаила Прохорова в рамках международной программы *TRANSCRIPT* по поддержке переводов русской литературы на иностранные языки.

С 1880-х годов до настоящего времени произведения Гоголя выходили в Словении с завидной регулярностью, максимальный перерыв между выходом двух книг составил всего лишь 12 лет (с 1924 года, когда было опубликовано словенское либретто оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь», по 1936 год — «Мертвые души» в переводе Йосипа Видмара). И в XXI веке интерес к гению Гоголя не спадает. Если обратиться к сведениям⁸⁴, предоставляемым словенским Институтом информационных наук (*IZUM*) в рамках проекта, названного *COBISS/OPAK*, в 2021 году обновленного и переименованного в *COBISS+*, представляющего сводный книжный каталог библиотек всей страны, то получаем следующую картину: начиная с 2011 года, то есть после выхода «Пропавшей грамоты», Гоголь в Словении публиковался еще 15 раз, в том числе в виде электронных книг и изданий на Брайле. Для слабовидящих словенцев на Брайле первым вышел «Тарас Бульба» в далеком 1956 году, и теперь, буквально несколько лет назад, вышли «Мертвые души» (2020) и «Ревизор» (2021).

В целом по количеству публикаций лидирует «Ревизор»: только в 1997 году вышли в свет его три версии в переводах Ивана Приятеля, Милана Есиха и Франца Вурника (периздан в 2009 и 2011 году), а в 2011-м — опубликован перевод Борута Крашевеца. За последние годы осуществлен целый ряд постановок этой комедии и «Женитьбы».

Казалось бы, словенцы прекрасно знают Гоголя и любят его, и тем не менее каждое поколение находит в нем нечто новое, важное для себя. Ведь и в книгу «Пропавшая грамота» вошли как ранее не переводившиеся «Выбранные места из переписки с друзьями» и сохранившиеся отрывки второй части «Мертвых душ», так и пришедшие к словенскому читателю еще в XIX веке «Шинель», «Нос»

⁸⁴ URL: https://plus.cobiss.net/cobiss/si/sl/bib/search?q=Gogolj&db=cobib&sort=pyd&mat=allmaterials&laf=slv&auf=gogolj%2C+nikolaj+vasiljevič&auf=gogol'%2C+nikolaj+vasil'evič&auf=gogol%27%2C+nikolaj+vasil%27evič&tyf=0_knj&max=100 [дата обращения: 28.12.2024].

и другие произведения. Это не значит, что переводы, сделанные когда-то, безнадежно устарели, хотя зачастую бывает именно так. Язык, будучи живым организмом, постоянно меняется, развивается, и тот его вариант, что сохранили издания 100–140-летней давности, уже не совсем понятен современным юношам и девушкам, осваивающим сокровищницы национальной и мировой литературы.

Сборник «Пропавшая грамота» завершают две содержательные статьи известных словенских русистов, университетских преподавателей д-ра Михи Яворника и д-ра Блажа Подлесника. Первый начинает свою работу с таких строк:

«Мало тех, кто не слышал бы о Гоголе, и еще меньше тех, кто знает, почему это так.

В начале нашего труда многие ожидают, что сейчас мы всё проясним. Но Гоголь ускользает. Тяжело из него вылепить что-то, на чем предсказуемо улыбался бы его портрет» [Javornik 2010, s. 547].

Блаж Подлесник касается вопросов музеизации Гоголя, вызывающих определенные трудности в российской культуре:

«Не хочет он в учебники, памятники и музейные собрания, но он всегда где-то рядом как живой собеседник для остальных авторов и читателей в моменты, когда вдруг становится не совсем ясно: как выразить в слове то, чем, собственно, мы являемся. А потому не всегда приятен, как пристанет — “что прикажешь делать с эдаким чертом?” (“Мертвые души”), и будоражит, будоражит, будоражит... никогда до конца “не познаваем”. Потому что он — будто совесть культуры <...> Но Гоголь не поддается! Повсюду в русской культуре последнего, уже второго столетия происходит что-то действительно переломное, он — рядом, во всё сует свой нос, и ничто не ускользает от его взгляда» [Podlesnik 2010, s. 614].

Другая статья этого же словенского исследователя вошла и в сборник «Н. В. Гоголь и славянские литературы» и также посвящена проблемам музеизации, и здесь автор ставит вопрос: «почему настоящего Гоголя нет, в то время

как настоящих Пушкиных сколько угодно? <...> Ведь он наш, родной, но не совсем, почти святой, но не совсем, полуживой, полумузейный, любимый, но не всеми, наш (но никогда совсем мой) Николай Васильевич» [Подлесник 2012, с. 144].

Первое переводное издание Гоголя у славян появилось еще при жизни писателя: в 1839 году на чешском языке был опубликован «Тарас Бульба». Однако случилось так, что «покрыть» славянский ареал целиком эта повесть смогла лишь более чем полтора века спустя. Только в начале XXI столетия были опубликованы с небольшим перерывом два перевода на польский язык: в 2001 году в городе Кросно — выполненный Ежи Шопом, а в 2002 году в Варшаве — Александром Земным [Липатов 2012; Хорев 2012]. Около 160 лет потребовалось издателям, чтобы перешагнуть через якобы «антипольскую» направленность повести, огульное, невдумчивое понимание поддерживалось и политическим противостоянием Россия — Польша, Польша — Украина и так далее и тому подобное. Хотя известно, что издание повести на польском языке готовилось еще в 1936 году, но было запрещено цензурой. Фактически только в начале третьего тысячелетия у рядового польского читателя появилась возможность непредвзято вчитаться в повесть и увидеть, что наряду с жестокостью поляков в ней показана и не меньшая жестокость самих казаков: «Не уважили козаки чернобровых панянок <...> не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя» [Гоголь 1994, глава XII].

В отношении сербских переводов «Мертвых душ» Л. К. Гаврюшина подчеркивает, что зачастую им недостает «окололитературного» языкового пласта, и, говоря вслед за Станиславом Винавером о «языковой субъективности» Гоголя, очень метко замечает: «...Работа переводчика над его трудами становится поистине ювелирной, требующей использования различных слоев и “уровней” языка, на который “перелагается” текст. Несомненно, что для Гоголя одним из важнейших источников как вдохновения, так

и художественной образности служила народная речь во всем богатстве ее местных особенностей; именно диалектная лексика в сочетании с другими языковыми “пластами” позволяла ему достичь многообразия “смыслов” [Гаврюшина 2012, с. 439]. Третий перевод поэмы, впервые опубликованный в 1987 году, был осуществлен Радованом и Мирой Лаличами и переиздан в связи с юбилеем писателя. Судьба театральных постановок пьес Гоголя в Сербии, которые постоянно шли на разных сценах страны, в том числе в исполнении гастролирующих трупп (из Польши, Украины, России), практически также оборвалась в середине 1980-х годов [Косанович 2012].

Коснувшись литератур славянских стран, расположенных на Балканском полуострове, мы наблюдаем видимый спад интереса к творчеству Гоголя в 1990-е годы. Все помнят, что это время, когда после распада «социалистического лагеря» Балканы «вспыхнули» в огне межнациональных противоречий, жившие ранее в более-менее спокойном равновесии народы «ощетинились», искренне веря, что «демократизация» и капитализм помогут им дать своим детям лучшее будущее.

И в Болгарии, где интерес к Гоголю был традиционно высок, даже несмотря на то, что наши народы оказывались иногда и по разные стороны баррикад (Первая и Вторая мировые войны). Говоря о конце 1980-х годов, И. И. Калиганов отмечает: «Массовое обнищание болгарского населения во время реформ обрушило книжный рынок — книги просто перестали покупать ради экономии скудных средств, которых зимой не хватает даже на оплату отопления жилых помещений. Произведения болгарских и зарубежных классиков продаются в букинистических магазинах по цене двух-трех автобусных билетов, но их мало кто покупает. Изредка мелькнет среди них Н. В. Гоголь...» [Калиганов 2012, с. 431].

Так и в Македонии в 1990-е годы после выхода ее из состава Югославии также заметно снизился интерес издателей к творчеству Гоголя. Однако здесь был переиздан

«Ревизор» и вышла книга малой прозы в переводе И. Милчина («Нос», «Шинель», «Сорочинская ярмарка» — «Матица Македонска», 2005). Тем не менее в 2009 году в честь юбилея была поставлена «Женитьба» в Македонском национальном театре, в кинотеатрах шел российский «Тарас Бульба», а в периодике появился ряд статей, посвященных писателю [Ристеский 2012]. Вместе с тем, как отмечают и другие исследователи, «для македонской культуры чрезвычайно важен и Гоголь в связи с его интересом к народному творчеству в рамках общего внимания романтизма к фольклору. Его примеру последовали многие авторы, принадлежащие разным балканским и славянским культурам с сильной фольклорной традицией» [Мойсова-Чепишевская 2012, с. 563]. Отраден факт, о котором рассказала О. В. Панькина в своем докладе «Русская классическая литература в переводе на македонский», произнесенном 7 сентября 2012 года на секции «Новые переводы русской классики» II Международного конгресса переводчиков, о том, что в Македонии запущен проект по изданию 500 томов мировой художественной литературы, куда включены и произведения Гоголя.

Впечатляет востребованность наследия Гоголя в Словакии. А. Г. Машкова на основании сведений из библиотеки Матицы словацкой указывает на то, что начиная со второй половины XX века наблюдается «значительная активизация интереса словацкого читателя, зрителя, исследователя, критика к Гоголю» [Машкова 2012, с. 365], это время «массовых изданий его произведений, а также попыток их классического и модернизированного сценического воплощения» [там же]. Уже в XXI веке, еще до гоголевского юбилея, переиздаются «Мертвые души» (2006, пер. Д. Легутовой) и публикуются «Записки сумасшедшего» (2002, пер. Д. Легутовой и В. Марушьяковой), на разных театральных площадках страны ставятся «Ревизор» (2003, 2006, 2007, 2008), «Женитьба» (2002, 2003, 2004, 2006, 2008), «Игроки» (2002) [Машкова 2012, с. 366, 369, 371–372].

«Ревизор» и «Женитьба» оказываются актуальными ныне и для чешских театров, и, судя по всему, следует согласиться с И. А. Герчиковой, считающей Гоголя одним из любимейших драматургов чешского зрителя. Примечательно приведенное исследовательницей в статье высказывание директора Национального театра Праги Ондржея Черного в связи с юбилеем писателя: «Пьесы Гоголя имеют две особенности: они всегда актуальны и всегда забавны и интересны публике. Поэтому он абсолютно современен. Особенной театральной программы в честь 200-летия Николая Васильевича пражские театры не планировали — не потому, что не любят, а потому, что всегда любили. Чехия будто постоянно празднует день рождения Гоголя» [Герчикова 2012, с. 350]. Даже во время исторических событий 1968 года, которые негативно отразились на отношениях между чехами и русскими, «Ревизор» продолжал идти на столичной сцене (с О. П. Табаковым в главной роли) и имел колоссальный успех: «Но, конечно, это была не только сатира на существующий режим, но и высмеивание человеческих пороков и поиск причин, по которым люди ведут себя подобным образом, вне зависимости от времени и места» [там же, с. 346].

Внимание современных славян привлекает и духовная проза Гоголя, в которой наши современники пытаются заново открыть то, что было недопонято предыдущими поколениями, например третий по счету перевод на чешский язык «Размышлений о Божественной литургии», осуществленный Зденкой Выходиловой и опубликованный в 1996 году в Велеграде. Благодаря Гоголю содержание и смысл православной литургии становятся понятнее и доступнее не только католикам, но и любому христианину (подробнее см.: [Жакова 2012]).

Таким образом, перевод как таковой способствует развитию взаимопонимания (в данном случае — представителей различных конфессий), уважения и даже сближения между народами. И дело совсем не только в просвещении (вспоминая крылатую фразу А. С. Пушкина о переводческом

поприще: «Переводчики — почтовые лошади просвещения»⁸⁵ [Пушкин 1978]), — взаимном обогащении знаниями, но и в расширении мировоззрения, в понимании многополюсности и многозначности проявлений человеческого гения, во взаимном уважении и внимании друг к другу, стремлении понять другого, а следовательно, нивелировании конфронтаций, преодолении застарелых исторических обид и открытии возможностей для предотвращения новых. Любовь к Гоголю объединяет не только славян, она распространяется далеко за границы близкородственных славянских культур, преодолевая повседневность и исторические катаклизмы, поднимается над миром и делает его чище.

⁸⁵ Фраза приводится в поздней редакции, получившей большую известность; изначально же она выглядела так: «Переводчики суть подставные лошади просвещения» [Пушкин 1887, с. 30].

Часть 4:

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ (1814–1841)

«Национальное» и «универсальное» в романтических поэмах М. Ю. Лермонтова

Крупнейший русский литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский свою знаменитую статью «Стихотворения Лермонтова», посвященную единственному вышедшему при жизни автора поэтическому сборнику 1840 года, открывает размышлениями о смысле и значении художественного творчества, о глубоких взаимосвязях поэзии и действительности, о том, что такое поэтический гуманизм. По мнению автора статьи, в вошедших в сборник произведениях молодого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова воплотились «все стихии поэзии» [Белинский 1903, с. 22].

Вслед за великим критиком позволим себе высказать мысль о том, что в лермонтовских романтических поэмах получили конкретное воплощение «все стихии» современных ему русских национальных особенностей и европейской романтической поэмы, то есть как раз то, что подразумевается под терминами «национальное» и «универсальное».

Романтическая поэма в творчестве Лермонтова занимает особое положение. Этот стихотворный жанр привлекал внимание будущего великого русского поэта еще тогда, когда юноша только пробовал свое перо (поэмы «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар» были написаны в 1828 году). Именно романтическая поэма сделала имя Лермонтова известным во всем читающем мире. Его гордый и могучий Демон, «печальный <...> дух изгнания», «царь свободы» воплотил в себе всё лучшее, чего достигла в то время европейская литература.

До 1837 года, когда после трагической смерти Пушкина Лермонтов заявил о себе как его полноправный, законный наследник, им уже было написано более двадцати поэм (в том числе пять редакций «Демона»). Из них только одна — «Хаджи Абрек» (1833–1834) — была издана в 1835 году в петербургском журнале «Библиотека для чтения» [Лермонтов 1835], но без разрешения автора (и этот факт, надо отметить, весьма рассердил молодого корнета лейб-гвардии гусарского полка). К счастью, поэма имела некоторый успех, что немного успокоило ее создателя [Шан-Гирей 1989, с. 42].

Лермонтов никогда не ставил перед собой цели издавать свои стихотворения. Это утверждение верно и для романтической поэмы, несмотря на значительное число написанных им произведений этого жанра. Думается, что они для несомненно талантливого, но скромного начинающего поэта были чем-то вроде поэтических упражнений, опытов. На них он учился, перерабатывал попавшие ему в руки литературные сочинения знаменитых классиков и современников. Лермонтов тщательнейшим образом оттачивал свое перо, чтобы самому стать достойным, настоящим мастером художественного слова.

О большинстве ранних лермонтовских поэм можно сказать, что они во многом несамостоятельны, носят подражательный характер, однако именно эти юношеские сочинения являются драгоценным свидетельством того, в каком ключе развивался талант Лермонтова, на чьих произведениях он учился, кто из поэтов стал для него кумиром. Следует особо подчеркнуть, что, несмотря на присущий ранним сочинениям момент подражательности, уже в них отчетливо видна неординарность, душевная сила и выразительность лермонтовского стиха.

Больше всего юноша-поэт любил стихотворения Пушкина, многие из которых знал наизусть; был знаком с творчеством Байрона, Шиллера, Шекспира, которых читал в подлиннике. Уже в ранних произведениях Лермонтов проявил себя прекрасным знатоком европейской литературы.

Одна из ранних романтических поэм «Кавказский пленник» написана Лермонтовым под сильным влиянием одноименной поэмы Пушкина (1820–1821). В ней выразился живой интерес Лермонтова к жизни и быту кавказских горцев. Этому способствовали и детские воспоминания, оставшиеся от посещений Кавказа, куда его бабушка возила трижды для укрепления здоровья, рассказы родственников и знакомых, важную роль сыграли и впечатления от прочитанного.

Сюжет лермонтовского «Кавказского пленника» подобен сюжету пушкинской поэмы: история об одном русском, взятом в плен черкесами; в героя влюбляется молодая черкешенка, которая позже помогает ему бежать. Кроме названия и сюжета юный поэт заимствует у Пушкина и принципы построения поэмы. Она также состоит из двух частей, хотя посвящение и эпилог отсутствуют. Вслед за своим учителем Лермонтов широко использует этнографический материал, вводит в текст поэмы народную песню. Несмотря на практически повторение сюжетной линии произведения Пушкина, характер поэмы Лермонтова иной, совершенно отличны друг от друга и их герои.

Пушкинский Пленник — это человек, равнодушный к прелестям жизни, его душа слишком рано состарилась, он одинок. Ранняя внутренняя опустошенность, «старость» стала отличительным признаком русской дворянской молодежи XIX века. Этот Пленник является, по существу, ярко выраженным представителем своей эпохи. С другой стороны, в нем Пушкин постарался воплотить и черты нового романтического, так называемого байронического героя, переживания которого близки переживаниям самого автора. Эта внутренняя раздвоенность пушкинского образа, видимо, не удовлетворила тонко чувствующего юношу — Лермонтова, и он старается создать свой, более цельный образ.

У Пленника Лермонтова нет признаков разочарованности и пресыщенности жизнью. Он страстно мечтает о своей родине и свободе, ищет опору среди товарищей и нахо-

дит ее. Лермонтов меняет и характер Черкешенки на более решительный, можно даже сказать, требовательный.

Приведем всего лишь по одному примеру, на наш взгляд, наиболее ярко демонстрирующему непохожесть двух героинь. Так, пушкинская девушка покорно принимает отказ любимого:

Прости! Любви благословенья
С тобою будут каждый час.
Прости — забудь мои мученья,
Дай руку мне... в последний раз.

[Пушкин 1986, с. 19]

У Пушкина Черкешенка кончает жизнь самоубийством, Пленнику же удается вернуться в свой лагерь.

Совсем иная ситуация у Лермонтова — его героиня пытается добиться любви Пленника:

Забудь ее, готова я
С тобой бежать на край вселенной!
Забудь ее, люби меня...

[Лермонтов 1988, с. 244]

Лермонтов усиливает и драматичность развязки поэмы: умирают оба — герой и героиня. Виновник их гибели — ее отец, который так никогда и не узнает, что обрек на смерть свою любимую дочь, когда «тщетно потерял патрон» [там же, с. 246].

Начиная на практике осваивать жанр романтической поэмы, молодой поэт экспериментирует с уже существующим поэтическим материалом. Дерзко вносит в свой текст отрывки из произведений других поэтов, и в первую очередь — Пушкина. Не только в «Кавказском пленнике», но и в последующих ранних поэмах Лермонтова можно найти достаточно заимствований и реминисценций из пушкинских «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Братьев разбойников», романа в стихах «Евгений Онегин» и произведений других известных русских писателей (среди них А. А. Бестужев-Марлинский, И. И. Козлов, В. В. Капнист).

Некоторые строфы пушкинского «Кавказского пленника» в немного измененном виде перенесены в лермонтовскую поэму, например:

С улыбкой жалости отрадной
Колена преклонив, она
К его устам кумыс прохладный
Подносит тихою рукой.

[Пушкин 1986, с. 7]

Вдруг видит он перед собою:
С улыбкой жалости немой
Сидит черкешенка младая!
Дает заботливой рукой
Хлеб и кумыс прохладный свой,
Пред ним колена преклоняя.

[Лермонтов 1988, с. 241]

Для большей наглядности приведем и сцены освобождения в обеих поэмах.

В одной руке блестит пила,
В другой кинжал ее булатный;
Казалось, будто дева шла
На тайный бой, на подвиг ратный.
<...>

Пилу дрожащей взяв рукой,
К его ногам она склонилась:
Визжит железо под пилой,
Слеза невольная скатилась —
И цепь распалась и гремит.

[Пушкин 1986, с. 19]

Он замолчал, она рыдала;
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой,
Кинжал другою подавала.
И вот, под острою пилой
Скрыпит железо; распадает,
Блестая, цепь и чуть звенит.
Она его приподнимает...

[Лермонтов 1988, с. 245]

В двух приведенных нами сценах подобны ситуации, движения и жесты героев, даже предметы задействованы одни и те же: пила, кинжал, железо, цепь. И всё же настроение немного другое: у Пушкина — покорность судьбе, как будто вместе с цепью «гремит» и небо; у Лермонтова — готовность встретиться со своей судьбой: цепь, «блестая, <...> чуть звенит».

Вслед за Пушкиным в своей поэме Лермонтов широко использует этнографический материал, вводит в повествование отдельные элементы «национального», пытаясь вос-

создать местный колорит. Это описание быта горцев, дикой природы Кавказа, использование отдельных специфических слов, например: 'сайгак' — разновидность диких коз; 'тулук' — мешок из шкур животных для хранения вина; и других. Вместе с тем, и для нас это является наиболее важным, в «Кавказском пленнике», как и в других ранних поэмах, Лермонтов пока еще не переносит влияние «национального» на общий строй поэмы.

«Кавказский пленник» — это классический пример романтической европейской поэмы. Происходит интересная метаморфоза: участь у Пушкина, во многом подражая ему, молодой поэт стремится к «универсальному» варианту романтической поэмы, образцом которого для русской литературы стали произведения Байрона.

Поэма «Паломничество Чайльд-Гарольда», «восточные» поэмы (в том числе «Гяур», «Корсар», «Абидосская невеста») и другие произведения Джорджа Ноэла Гордона Байрона (1788–1824) завоевали признание во всем мире. «Властитель дум» своего поколения, как назвал его Пушкин, занимает особое место и среди учителей Лермонтова.

Непосредственное участие Байрона в становлении великого русского поэта проявляется не только в появлении байронического типа героя в произведениях Лермонтова, который мог переключаться в них из других источников, но и в частых прямых обращениях к признанному авторитету. Приведем лишь несколько примеров такого прямого обращения к творчеству Байрона. Так, в лермонтовской тетради 1828 года вместе с «Кавказским пленником» (с пометой «Сочинение М. Лермонтова. Москва 1828») была помещена поэма, название которой восходит к одному из произведений Байрона — это «Корсар». Другим, даже более значительным примером может послужить тот факт, что чаще всего в качестве эпиграфа к своим поэмам («Последний сын вольности», 1830–1831; «Калль», 1830–1831; третья часть «Измаил-Бей», 1832; «Боярин Орша», 1835–1837) Лермонтов использует цитаты именно из произведений Байрона, среди них «Гяур», «Абидосская невеста», «Лара» и другие.

К тому же жанр самой значительной своей поэмы «Демон» Лермонтов определяет как «восточную повесть», тем самым подчеркивая продолжение в ней байроновской традиции.

Лермонтов писал неоднократно о своей близости Байрону (стихотворение «К ***») («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»):

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки...

[там же, с. 57]

Вместе с тем русский поэт осознавал и собственную творческую самобытность. Это наиболее ярко выразилось в стихотворении, созданном приблизительно в 1830/1831 году:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или Бог — или никто!

[там же, с. 130]

Байроническая направленность ранних романтических поэм Лермонтова очевидна, что выражается во введении в повествование исключительных событий и необыкновенных героев, которыми бушуют сильнейшие страсти (высшая добродетель, безрассудная храбрость, ужасающее злодейство и др.). Эти герои во многом укладываются в понятие героя байронического типа, но происходит это благодаря тому, что русский поэт осознавал свою близость по духу английскому кумиру. Его герой, как и у Байрона,

молод, красив, изгнан из общества, не терпит никакой тирании, несет в себе какую-то роковую тайну, он странный и чрезвычайно привлекателен. Внутренний строй поэмы подчиняется раскрытию образа главного героя, для чего очень часто включаются эффектные сцены, нарушается хронологическая последовательность событий или даже опускаются связующие моменты в развитии действия, используются резкий контраст, неожиданность, тайна. Отсутствуют обстоятельства, в которых развивались бы характеры героев. Собственно, это тоже повторение байронической композиции поэмы, выдерживаемой в особом стиле, подчеркивающим загадочность происходящего. Язык эмоционально насыщенный, страстный, взволнованный, исполненный пафоса.

Постепенно в своих поэмах Лермонтов усиливает драматичность событий, делает более активными своих героев, привносит психологическое начало.

Уже в поэмах, которые можно отнести к раннему периоду, появляются объективные, можно даже сказать, «реалистические» пейзажные зарисовки и описания переживаний героев. Объективное отображение состояния природы, например описание зимы в поэме «Боярин Орша» или описание зари в поэме «Хаджи Абрек», которое мы позволим себе привести целиком, уже тогда обещали появление настоящего реалиста:

Взошла заря. Из-за туманов
На небосклоне голубом
Главы гранитных великанов
Встают, увенчанные льдом.
В ущелье облако проснулось,
Как парус розовый, надулось
И понеслось по вышине.
Всё дышит утром. За оврагом,
По косогору едет шагом
Черкес на борзом скакуне.
Еще ленивое светило

Росы холмов не осушило.
Со скал высоких, над путем,
Склонился дикий виноградник;
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник;
Небрежно бросив поводья,
Красивой плеткой он махает
И песню дедов иногда,
Склонясь на гриву, запекает.
И дальний отзыв за горой
Уныло вторит песни той.

[там же, с. 420–421]

Поэмы «Сашка» (1835–1836), «Тамбовская казначейша» (1837–1838) и «Сказка для детей» (1840) ознаменовали собой новый период в развитии творчества русского поэта. Идеальные, романтические герои в них уступили место обычным людям. Композиция стала ясной и хронологически обусловленной. В текст вводятся обороты живого разговорного языка. Лермонтов сам открыто признавался, что в этом он следовал за Пушкиным. В «Посвящении», которое открывает поэму «Тамбовская казначейша», он пишет:

Пускай слыву я старовером,
Мне всё равно — я даже рад:
Пишу Онегина размером;
Пою, друзья, на старый лад.

[там же, с. 529]

Лучшей из написанных в реалистическом ключе поэм Лермонтова признана «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»⁸⁶ (1837, публ. 1838).

Поэма была напечатана в «Литературных прибавлениях к “Русскому Инвалиду”» (1838, № 18) без имени опаль-

⁸⁶ Далее будет использоваться сокращенный вариант названия: «Песня про купца Калашникова».

ного поэта лишь за подписью «-въ», что стало возможным благодаря личному участию В. А. Жуковского (цензура выступала против публикации).

Основной идеей «Песни про купца Калашникова» стала защита чести, прав и достоинства человека в условиях самодержавия и тирании, призыв к свободе (выходу в свет текста с содержанием, понятным в таком ключе, как раз и противилась цензура).

Главный герой поэмы русский купец Степан Парамонович Калашников воплотил в себе стойкий, героический русский народный характер (в XVI веке это сословие еще пока не особо отмежевывало себя от простого люда). Это уважаемый всеми, достойный человек, верный муж и хороший отец, оберегающий традиционный семейный уклад и народные обычаи. Защищая правду и честь своей семьи, в справедливом кулачном бою он убивает царского слугу — опричника Кирибеевича, который напал на его красавицу жену Алену Дмитриевну. За свою дерзость Калашников осужден на смерть. Главный герой прямо говорит царю:

Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе.
Скажу только богу единому.

[там же, с. 526]

В этой поэме выразилась сильная любовь Лермонтова к русскому фольклору, народной песне и преданиям. Произведение сохраняет в себе все основные атрибуты песенно-былинной манеры и потому являет собой редчайший пример органического проникновения автора в дух и склад устной народной поэзии. С редким искусством Лермонтов применяет многие традиционные виды устно-поэтического синтаксиса.

Реализм поэмы проявляется в правдивых картинах купеческого быта, царской трапезы, кулачного боя, в строгой мотивировке поведения главных действующих лиц, которых Белинский назвал «колоссальными образами» [Белин-

ский 1903, с. 34]. В качестве примера приведем отрывок из сцены кулачного боя:

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

[там же, с. 525–526]

В таких сценах Лермонтову удалось воссоздать народные обычаи и нравы, которые тесно переплетаются с бытовым укладом и во многом отражают народное понимание добра и зла.

Воздействие фольклорной традиции в значительной мере определило и лермонтовскую концепцию образа Ивана Грозного. В своей поэме Лермонтов подчеркивает противоречивость образа этого исторического лица. Он милостив с братьями, детьми и женой Калашникова. Однако справедливость и доброта не являются характерными для этого человека. Прежде всего он сумасбродный, суровый властелин. В образе грозного царя воплотились представления о нем, долго сохранявшиеся в памяти русского народа.

В «Песне про купца Калашникова», написанной, как уже было показано, в реалистической манере, «национальное» проникает во все уровни произведения. Это и композиция поэмы, повторяющая построение русского героического эпоса. Это и язык поэмы, основывающийся исключительно на народном фольклоре, использующий бытовую разговорную лексику, построение фраз, принятое в русском устном творчестве. Это и подлинно народные образы героев, воплотившие в себе русский характер.

Важнейшее достоинство этого истинно национального произведения заключается в его связи с актуальными проблемами современности, в демонстрации и осмыслении связи времен минувшего и настоящего. Эту особенность «Песни про купца Калашникова» в своей статье и подчеркивал Белинский, указывая: «Здесь поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошлое, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размет его чувства и, как будто современник этой эпохи, принял условия ее грубой и дикой общественности, со всеми их оттенками, как будто бы никогда и не знавал о других, — и вынес из нее вымысленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненное всякой истории» [Белинский 1903, с. 24].

Завершая небольшой анализ так называемого «реалистического» периода в развитии жанра поэмы в творчестве Лермонтова, можно отметить, что в отличие от ранних романтических поэм, в которых имело значительный перевес «универсальное», а «национальное» использовалось лишь на уровне лексическом и бытоописательном, теперь «универсальное» практически совсем уходит на задний план, уступая место именно «национальным» моментам как современной действительности, так и традиции.

Уже после того, как в творчестве М. Ю. Лермонтова во всю силу проявились историзм, народность и реализм, по-

являются его лучшие романтические поэмы «Демон» (замысел 1829 года, с 1829 по 1833 год — первые пять редакций, с 1837-го по 1839-й — 6-я, 7-я и последняя 8-я редакция) и «Мцыри» (1839), ставшие шедеврами мировой литературы.

До сих пор ведутся споры о том, «Демон» или «Мцыри» является последним словом Лермонтова-романтика, какая из двух поэм идейно и художественно выше. Их роднит социальный протест и богоборчество, обе принадлежат к вершинным достижениям мировой романтической поэмы.

Изучение творчества Лермонтова заставляет по-другому взглянуть на известную формулу развития европейской литературы «от романтизма к реализму», как нам известно, до сих пор являющуюся общепринятой и в словенском литературоведении (см., например, работы Янко Коса [Kos 1980]).

В своих поэтических произведениях Лермонтову удалось своеобразно и органично синтезировать лучшие достижения европейской, в том числе и русской, литературы своего времени, благодаря чему романтические традиции у него обогащаются реалистическими. Изменяется сама структура образа романтического героя, развитие которого показано в его сложнейших внутренних противоречиях — в диалектике.

В силу исторических причин, а именно большего отклика со стороны представителей словенской литературы, мы хотели бы подробнее остановиться на первой из двух поэм — «Демоне».

Впервые несколько фрагментов из поэмы были опубликованы в 1842 году в «Отечественных записках». Предполагалась и полная ее публикация. Белинский сам подготовил новый печатный вариант, соединив тексты двух позднейших редакций, но, к сожалению, на этот раз цензура не дала разрешения на публикацию. Полностью «Демон» был напечатан только через 15 лет после смерти автора, в 1856 году в Карлсруэ (Германия) в количестве всего 28 экземпляров, затем в том же году в Берлине, через год — снова в Карлсруэ. В России первая полная публикация была осуществлена лишь в 1860 году.

Тем не менее еще при жизни автора поэма ходила по рукам в списках и производила на современников огромное впечатление. Многие заучивали отрывки из нее наизусть.

В основе сюжета поэмы библейский миф о духе зла, восставшем против бога, потерпевшем поражение и изгнанном из рая. Падший ангел до сих пор является одним из излюбленных образов мировой поэзии. В европейской литературе XVII–XVIII веков эта тема получила широкое распространение, достаточно вспомнить лишь несколько из наиболее известных произведений — поэмы Мильтона, Байрона, Т. Мура, А. де Виньи, трагедия Гёте. Пушкин также предлагал свой вариант библейской легенды и свою интерпретацию ее героя. Однако следует отметить, что во всех перечисленных случаях сохраняется основной, центральный мотив — это враждебность демона небесам и богу, отчужденность дерзкого носителя зла от мира. Постепенно библейский демон как поэтический образ получил устойчивое символическое значение, воплощая идею бунта, неприятия мира, гордого одиночества. Возможно, поэтому и Лермонтов, обращаясь к истории демона, прежде всего имел в виду символический смысл образа и соотносящиеся с ним философско-эстетические идеи.

Идейный пафос поэмы «Демон» — возвеличивание человека в его стремлении к свободе, к неограниченному познанию мира. Как замечательно отметил Белинский: лермонтовский Демон «отрицает для утверждения, разрушает для созидания <...> Это демон движения, вечного обновления, вечного возрождения...» [Белинский 1955, с. 555].

Это глубокое философское и социально-направленное произведение. В нем автор смело ставит сложнейшие и насущнейшие вопросы современности, которые перекликаются с вечными вопросами человеческого бытия о смысле жизни, правах и предназначении человека, бездумной вере и разумном скептицизме, рабстве и свободе, добре и зле.

Несмотря на свое условно «библейское» происхождение, лермонтовский Демон является в полном смысле слова «героем века». В этом образе сконцентрированы основные

противоречия, терзавшие лучшие умы 1830-х годов: действительный скептицизм и критицизм по отношению к существующим общественным отношениям и бессилие их изменить, стремление к бурной общественной деятельности и вынужденная пассивность, мучительно-страстные искания идеала — общественного, морального, эстетического — и горькое осознание обреченности на неудачу этих поисков, ощущение сильнейшего политического гнета и безудержное желание и движение воли.

Отобразив противоречия действительности, предшественники Лермонтова, за исключением, возможно, лишь Шекспира, как правило, представляли добро и зло, истину и ложь, положительное и отрицательное в образах антагонистов (как, например, Каин и Авель у Байрона). Лермонтов, вслед за Пушкиным, превращает шекспировскую тенденцию в принцип изображения, изменяя тем самым структуру «универсального» образа романтического героя, показав диалектику его развития. «Евгений Онегин» Пушкина и «Демон» Лермонтова стали открытиями для всей мировой литературы.

Приведем несколько примеров, дающих, как нам кажется, наиболее ясное представление о том споре, который ведут антагонистические чувства внутри одного героя — Демона:

На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг,
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!

[Лермонтов 1988, т. I, с. 559]

Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкой слетел
И о былом ему пропел,

Чтоб усладить его мученье?..

<...>

Он хочет в страхе удалиться...

Его крыло не шевелится!

И, чудо! из померкших глаз

Слеза тяжелая катится...

[там же, с. 569]

«Кто звал тебя?»

Ему в ответ

Злой дух коварно усмехнулся;

Зарделся ревностью взгляд;

И вновь в душе его проснулся

Старинной ненависти яд.

[там же, с. 570]

Борьба Демона за красавицу Тамару заканчивается его полным поражением. Восторжествовал ангел — олицетворение абсолютного добра. В финале поэмы автор подчеркивает отрицательную сущность своего главного героя:

Он был могущ, как вихорь шумный,

Блистал, как молнии струя,

И гордо в дерзости безумной

Он говорит: «Она моя!»

<...>

Каким смотрел он злобным взглядом,

Как полон был смертельным ядом

Вражды, не знающей конца, —

И веяло могильным хладом

От неподвижного лица.

[там же, с. 582]

Демон осуждается в своем индивидуализме, но утверждает в правоте своих сомнений, в пафосе своего отрицания и познания. Лермонтов, сам переживший гордое одиночество, в конце своего, к сожалению, такого короткого жизненного пути приходил к осознанию и осуждению индивидуалисти-

ческого протеста. Это, вероятно, и обусловило его критику Демона. Герой поэмы обречен на вечное одиночество:

И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви!..

[там же, с. 582–583]

Поэма кончается картиной вечно прекрасной, могучей и величественной природы:

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
<...>
Свидетель тех волшебных дней,
<...>
Земля цветет и зеленеет;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят, нахмурившись, вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых...

[там же, с. 583]

Как уже было сказано, в поздних романтических поэмах «Демон» и «Мцыри» переплетаются романтические и реалистические тенденции.

К первым в анализируемом нами «Демоне» можно отнести самую эмоционально-возвышенную атмосферу повество-

вания. В поэме бушуют титанические страсти. Главный герой — могуч, прекрасен, горд и бесконечно одинок. Он не терпит тирании общепринятых установок и несет в себе роковую тайну, граничащую с преступлением. Конфликты приобретают «космический» масштаб, звучат мотивы мировой, вселенской скорби.

Тем не менее эпическая канва поэмы — история Демона, его любовь к Тамаре и борьба за нее — раскрываются при строгой причинной обусловленности и в хронологической последовательности. Кроме того, в повествование введены объективно-описательные зарисовки природы Кавказа, Грузии, описания красоты Тамары, гибели ее жениха, картины из быта семьи Гудала, приготовлений к свадьбе, вида монастыря, облика сторожа, прощания родных с умершей Тамарой и так далее.

Эмоционально приподнятый, насыщенный язык романтической поэмы вдруг сменяется естественными, обыденными оборотами разговорной речи.

В поэме «Демон» русскому поэту удалось удивительным образом уравновесить «универсальное» и «национальное» начала, что, по нашему глубокому убеждению, и стало залогом вознесения этого произведения на вершину европейского романтического Олимпа.

В причудливой фантастике лермонтовской поэмы явно отображаются сложнейшие противоречия изображаемой эпохи и сущность трагедии ее передовых людей. В своих работах Белинский не раз отмечал, что дух поэта имеет кровное родство с духом народности своего отечества. Именно это родство и свидетельствует о величине его таланта.

М. Ю. Лермонтов своим творчеством сделал после А. С. Пушкина огромный шаг вперед в литературном развитии русской нации и во многом предопределил дальнейшее развитие европейской литературы в целом.

История переводов поэзии Лермонтова в Словении

Случилось так, что первым переводчиком поэзии Лермонтова среди южных славян вновь оказался словенец Станко Враз. Впервые о русском поэте он упомянул в статье «Обзор русской художественной литературы за 1840 г.», в том же году и написанной, то есть еще при жизни самого Михаила Юрьевича Лермонтова. В начале сороковых появились и первые полноценные поэтические переводы «Пророка» (1841, публ. 1844), «Казачьей колыбельной песни» (1838, публ. 1840), «Ангела» (1831, публ. 1840) и «Спора» (1841, публ. того же года), выполненные Вразом. Впрочем, переводы эти осуществлялись на хорватский (илирийский) язык, а потому не могли непосредственно влиять на литературную ситуацию в самой Словении. Хотя не исключено, что видеть эти переводы отдельные представители словенской литературной элиты могли, поскольку живо интересовались положением дел у соседей.

Первый перевод из лермонтовского наследия непосредственно на словенский язык был опубликован лишь через два с лишним десятилетия после безвременной гибели поэта. В 1863 году в Любляне в седьмом выпуске «Словенской липы» (*Slovenska lipa*), распространявшейся в узком кругу богословов, под названием «Сосна»/*Smreka* печатается стихотворение «На севере диком стоит одиноко...», само по себе являющееся мастерским, хотя и несколько вольным лермонтовским переложением стихотворения Генриха Гейне (1797–1856) „*Ein Fichtenbaum steht einsam*“⁸⁷ («Ель стоит одиноко...»). Впрочем, исключительность и самодостаточность переводов Лермонтова позволяет говорить о них

⁸⁷ Под названием «Сосна» и с датой 1840 г. перевод Лермонтова был впервые опубликован во второй редакции в «Отечественных записках» в 1842 г. (т. 20, № 1). — Немецкий оригинал, опубликованный в сборнике 1827 г., повествует о несостоявшейся любви; перевод Лермонтова — об одиночестве.

как о самостоятельных художественных произведениях. Однако уже в следующем, 1864 году там же публикуются и словенские переводы собственно лермонтовских стихотворений: в 22-м номере это «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный...»; 1829) / *Molitev* (»*Ne obdolžuj me, Vsemogočni*»), а в 34-м и 35-м номерах под заголовком «Смерть» / *Smrt*⁸⁸ — «Ночь. II» («Погаснул день! — и тьма ночная своды...»; 1830)⁸⁹.

Эти переводы стихотворений Лермонтова на словенский язык осуществил тогда еще молодой прозаик и поэт Иван Весел, который с 1861 по 1865 год в Любляне изучал богословие. В 1861 году он стал одним из учредителей «Словенской липы», а в 1862–1864 годах являлся ее редактором.

В том же 1864 году и в другом культурном центре словенцев того времени — Клагенфурте — в переводе Янеза Веснина на словенском языке появляются две публикации. Это отрывок из «Демона» (1839, публ. 1842), а именно разговор злого духа с Тамарой из второй части поэмы, в «Словенском гласнике», открывающий выпуск от 1 апреля [Slovenski glasnik 1864, s. 101–103]. Кроме того, целиком, отдельной книжицей (88 страниц, карманного формата) выходит поэма «Измаил-Бей. Восточная повесть» (1831, публ. 1857) — в серии «Цветы из родных и далеких земель» (*Cvetje iz domačih in tujih logov*)⁹⁰, выпускавшейся значительными тиражами и предназначенной для чте-

⁸⁸ Вероятно, переводчику не были известны три стихотворения Лермонтова с точно таким же названием (не считая «На смерть поэта»), в противном случае, пожалуй, он постарался бы избежать возможной путаницы. — Все три «Смерти» по времени создания относятся к 1830–1831 гг. Одно из них («Закат горит огнистой полосой...») было опубликовано в «Отечественных записках» в 1843 г. и могло попасться на глаза переводчику; два же других — лишь в 1889 г., то есть наверняка были ему неизвестны.

⁸⁹ Оба стихотворения впервые были опубликованы «Отечественными записками» в 1859 г. (т. 127, соответственно, № 7 и 11).

⁹⁰ Серия была основана А. Янежичем в 1861 г. и просуществовала до 1868 г. Знаменита она еще и тем, что в 1866 г. в ней был опубликован первый словенский роман — «Десятый брат» Йосипа Юрчица.

ния простым народом (книга 14). Сложно сказать, почему молодой переводчик в первую очередь взялся именно за эту поэму: может быть, его привлекли ее восточный колорит, экзотика, красота описаний, сила духа героя, его смелость — в том числе и гражданская. Впоследствии Весел возвращался к этой поэме и дорабатывал перевод. Именно эти две клагенфуртские публикации представили Лермонтова словенской публике, и долгое время летоисчисление переводов поэзии Лермонтова на словенский язык велось именно с 1864 года.

Только в конце 70-х годов XX столетия 1863 год был признан словенской наукой переломным в освоении творчества Лермонтова благодаря публикации исследований, проведенных поэтом, переводчиком и литературоведом Лойзе Кракар (1925–1995). Его труд «Лермонтов и словенцы» [Krakar 1978] является ценным источником информации, подкрепленной глубокими изысканиями, и содержит в себе, кроме всего прочего, наиболее полную на сегодняшний день библиографию переводов произведений М. Ю. Лермонтова на словенский язык, хотя и не без лакун, которые мы закрываем своим исследованием.

Спустя несколько лет после первых лермонтовских публикаций Иван Весел завершает полный перевод поэмы «Демон». В 1870 году в Любляне поэму — «повесть о мятежном духе» — публикует «Летопис Матице Словенске». По этому поводу Лойзе Кракар резонно замечает: «Это был важный для культуры поступок, а для священника Весела еще и храбрый, поскольку узость литературных пристрастий религиозных деятелей, известная и во времена Прешерна, в Словении всё еще здравствовала» [Krakar 1978, s. 212].

Заслугой Ивана Весела на закате его жизни стало и то, что уже к концу XIX века им была подготовлена первая у словенцев «Русская антология в словенских переводах». Завершивший этот проект Ашкерц публиковать в антологии собственные переводы Лермонтова не стал, хотя известен его перевод стихотворения «Выхожу один я на

дорогу...»⁹¹ (1841, публ. 1843), увидевший свет 25 ноября 1894 года в Триесте в газете «Словански свет» с сохранением русского названия и начинающийся так: *Sam na pot odpravljam se temôtni*⁹² [Lermontov 1894]. Словенскому поэту особенно была близка поэма «Песня про купца Калашникова», которую тот считал лучшим эпическим произведением не только в русской, но, возможно, и во всей славянской поэзии [Рыжова 1979, с. 156].

В сопроводительной статье к русской поэтической антологии Ашкерц подчеркнул то, что, как нам кажется, было тем самым магнитом, который притягивал словенских переводчиков второй половины XIX – начала XX века к поэзии Лермонтова: «Гордая, свободолюбивая душа Лермонтова борется до последнего вздоха против окружающего деспотизма, его муза стоит в вечной оппозиции духовному ничтожеству своего времени» [Ruska 1901, s. 424; Рыжова 2012, с. 31].

Начиная со 101-й страницы антологии даны 37 переводов произведений Лермонтова. Наряду с уже упоминавшимися «Молитвой», «Демоном» (целиком) и переработанными пятью начальными строфами «Измаил-Бей» из переводов автора идеи антологии в книгу вошли уже публиковавшиеся в 1870–1873 годах в Любляне («Летопис Матице словенске») и Мариборе («Зора») «Дары Терека», «Любовь мертвеца», «Желанье» («Отворите мне темницу...»), «Казачья колыбельная песня» и «Соседка»; а также новые: «Тамара», «Спор» и еще одна поэма — «Песня про купца Калашникова». Наряду с Веселом поэзию Лермонтова в антологии представили каждый одним переводом: священнослужитель, писатель, переводчик Йосип (Йожеф) Мария Кржишник (1865–1929) и признанный лирик Симон Грегорчич (1844–1906), — шестью — начи-

⁹¹ В антологию был включен перевод Ивана Менцингера »*Sam ro cesti šetam*« [Ruska 1901, s. 159].

⁹² В публикации есть отсылка к источнику: «Сочиненія Лермонтова, изданіе Глазунова, Сктп. 1887; Том I. pag. 181.»

нающий поэт Радивой Петерлин (Петрушка; 1879–1938) и восемнадцатью — известный прозаик Иван (Янез) Менцингер (1838–1912). Причем в антологии оказалось по два перевода одних и тех же стихотворений: «Не плачь, не плачь, мое дитя...» (1839–1841) и «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (1841). И то, и другое произведение впервые были опубликованы в 1843 году в «Отечественных записках». Оба раза в мастерстве друг с другом как бы соревнуются Менцингер и Петерлин, создавая действительно разные переводы. Впрочем, эти лермонтовские тексты переводились в Словении по несколько раз и до антологии, и после нее, оказавшись в числе наиболее полюбившихся словенскому читателю. В конце 2014 года в Словении вышло двуязычное русско-словенское издание избранных произведений М. Ю. Лермонтова, в нем стихотворение «Нет, не тебя так пылко я люблю...» представлено новым (шестым) переводом Альяжа Гласера »*Ne, nisi, kogar ljubim z uso strastjo*« [Лермонтов 2014, с. 249]. Седьмой перевод стихотворения «Не плачь, не плачь, мое дитя...» появился уже в 2015 году в двуязычном, иллюстрированном издании в книжной серии «Заря» (*Zora*), выпуск 104 [Lermontov 2015, с. 146–147]. Выполнен он студентами философского факультета Мариборского университета Матеей Посниц и Кариной Соршак-Куковец. Особенностью мариборского проекта стало то, что к нему были привлечены не русисты, как можно было бы ожидать, и перевод зачастую осуществлялся не напрямую, а через языки-посредники.

К моменту публикации русской поэтической антологии на словенском языке уже существовали переводы произведений Лермонтова и других, в том числе и весьма ярких, словенских литераторов. Хотя бы вскользь следует упомянуть о выходе в 1883 году сначала в газете «Словенски народ»⁹³, затем отдельной книгой и переиздании уже

⁹³ Роман выходит частями практически ежедневно, начиная с 18 января 1883 года (№ 14).

в следующем, 1884 году первого перевода⁹⁴ романа «Герой нашего времени», выполненного Иваном Пинтаром (1854–1897), который скромно подписался инициалами *J. P.* В 1880–1890-е годы в Любляне свои переводы Лермонтова представляют: в «Словане» (*Slovan*; ‘Славянин’; Любляна, 1884–1887) — поэт и переводчик преимущественно русской прозы Фран Гестрин (1865–1893) и ранее упоминавшийся Йосип Кржишник, опубликовавший, в том числе, и свой первый перевод «Песни про купца Калашникова» в номерах 17, 19, 20 и 24 (соответственно, с. 248–249, 281, 305 и 378–380); в газете люблянских семинаристов «Домаче вае» (*Domače vaje*; ‘Домашние упражнения’) — Иван Херхар и Иван Приятель; в приложении к газете «Словенски народ» выходит перевод незавершенного романа Лермонтова «Княгиня Лиговская» (1836–1837, опубл. в 1882 году с изменениями в «Русском вестнике», т. 157, № 1, с. 120–181) неизвестного переводчика. В Триесте в отдельных номерах «Слованского света» за 1893 и 1895 год публикуются двадцать переводов произведений Лермонтова, выполненные видным писателем и литературоведом, русофилом Франом Целестином. Особенностью этих публикаций было и то, что текст оригинала давался параллельно: словенский перевод и транслитерация последнего на кириллицу (церковно-славянский вариант). Переводчик скрылся под псевдонимом «Ламурский». Лойзе Кракар упоминает и переводы Даворина (Мартина) Матвеевича Хостника, «чей язык был странной смесью словенского и русского» [Кракар 1978, s. 223]. Также в Триесте, но уже на исходе столетия на страницах женского периодического издания «Словенка» (*Slovenka*) свои переводы из Лермонтова публикуют: А. Бенкович, Вида (по всей вероятности, Вида Ерай; 1875–1932) и Антон Медвед (1869–1910).

⁹⁴ Всего на словенском существует три перевода этого романа Лермонтова. Второй, опубликованный в 1921 г., принадлежит Владимиру Борштнику. Третий, выдержавший ряд переизданий, 1961 г. — Миле Клопчичу.

Говоря об исторической эпохе конца XIX – начала XX века, нельзя обойти вниманием подъем настроений, связанных с идеей славянской взаимности. Об этом свидетельствуют уже сами названия некоторых журналов, приведенные выше: «Слован», «Словански свет». В те времена многие славяне специально изучали языки друг друга — в том числе и русский; возникла даже тенденция языкового сближения. Многие словенские поэты обращались и к переводам поэзии Лермонтова. К сожалению, большинство из этих поэтических попыток сегодня уже устарели, с трудом соотносимы с языком словенцев первой четверти XXI века. Хотя отдельные жемчужины до сих пор достойны внимания.

В свое время, в апреле 2012 года, на Российско-словенском семинаре переводчиков, состоявшемся в Институте славяноведения РАН и Библиотеке иностранной литературы в Москве, во время одного из семинаров участникам было предложено провести сравнение некоторых стихотворений Лермонтова, наиболее часто переводимых на словенский язык, с их переводами и переводы между собой. Несмотря на то, что на тот момент далеко не всё лермонтовское наследие было переведено на словенский язык, неоднократные переводы одних и тех же текстов оказались неизбежными и показательными: зависело это от силы воздействия того или иного произведения на публику, от степени его проникновения в инациональную среду, культурный код народа. Сравнение переводов отдельных произведений, выполненных разными людьми в разные периоды развития культуры (и языка, и литературы), оказалось весьма плодотворным. В частности, для анализа были взяты: «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «Молитва» («В минуту жизни трудную...»; 1839, публ. 1839), «Казачья колыбельная песня», «И скучно и грустно» (1840, публ. в том же году), «Парус» (1832, публ. 1841), «Выхожу один я на дорогу...», «Не плачь, не плачь, мое дитя...» — все они переводились на словенский язык по пять и более раз.

Сравнивались по несколько переводов, приходившихся на каждое стихотворение, которые были опубликованы

в «Русской антологии в словенских переводах» (1901), журнала «Словенка» (1898–1899), «Дом ин свет» (1939 — Северин Шали, Тине Дебеляк), «Нови свет» (1948 — Лео Беблер / *Leo Baebler*) и в книге «Избранные произведения Михаила Юрьевича Лермонтова» [Lermontov 1961], являющейся результатом многолетней работы знаменитого поэта Миле Клопчича (1905–1984), начавшего публиковать свои лермонтовские переводческие опыты еще в 1939 и 1940 году («Люблянски звон»)⁹⁵.

Участникам семинара было предложено вначале не прочесть перевод, а прослушать соответствующий романс на стихи Лермонтова — имея на руках тексты оригинала и переводов. На наш взгляд, важным критерием качества перевода в случае с Лермонтовым является проверка того, ложится ли текст перевода на музыку так же, как ложится на нее оригинал. Стихи поэта вдохновили многих русских композиторов, и многие романсы получили широчайшую известность.

В Малом зале Библиотеки иностранной литературы на том практическом занятии наряду с русскими студентами и экспертами присутствовали и словенские коллеги, молодые филологи, стажировавшиеся в то время в Москве. Ничего удивительного, что словенцы и русские по-разному воспринимали звучащие переводы. Последним импонировали тексты, созданные именно в период расцвета идей славянской взаимности. Некоторые из них оказались более точными, то есть верными оригиналу (Иван Менцингер), близкими мелодике русского языка, «поющими» (Радивой Петерлин). Однако словенские участники категорично отвергли их, поскольку переводы того времени, при всех достоинствах, чужды молодому словенскому уху, да-

⁹⁵ В те годы Клопчич успел опубликовать в «Люблянском звоне» шесть переводов Лермонтова: «Отчего», «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «Выхожу один я на дорогу...» и «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») [Lermontov 1939]; «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный...») и «Парус» [Lermontov 1940].

леки от современного словенского языка. Сразу скажем, что победителем нашего «конкурса» стал Миле Клопчич: его результат — шесть из семи. Только для «Молитвы» («В минуту жизни трудную...») лучшим переводчиком был признан литературовед, переводчик и поэт Тине Дебеляк (1903–1989).

Возвращаясь к достижениям рубежа XIX–XX веков, хочется отметить, что внешне, казалось бы, «слабые» переводы того времени всё же отвечают главной задаче: они дают представление о глубине мысли великого русского поэта и музыкальности его стиха.

В начале XX века словенскими переводчиками был достигнут еще один — на этот раз количественный — успех. В течение 1905–1906 годов критик и журналист, доктор теологии (1908) и философии (1916), славянофил Леопольд Ленард осуществил публикацию «Избранные лирические стихотворения М. Ю. Лермонтова в словенском переводе» — в двенадцати книжечках, ставших приложением к ежемесячному журналу «Пишчалка за абстиненте, пивце ин пијанце» (*Piščalka za abstinente, pivce in pijance*; ‘Свисток для трезвенников, выпивох и запойных пьяниц’), ответственным редактором которого был сам переводчик [Lermontov 1909]. Ежемесячник предназначался для поддержки антиалкогольного движения в Словении, выходил в Целье: в 1905 году с июля вышло шесть номеров, а в 1906 году — десять⁹⁶. В публикацию вошло более 180 произведений великого русского поэта в переводах Л. Ленарда. В целом они заслуживают внимания, хотя очевидно, что выполнены были в спешке. Л. Кракар не особо высоко оценивает эти переводы, называя их «скорее, рутинной работой, чем творческим императивом» [Krakar 1978, s. 212].

⁹⁶ Словенский национальный книжный онлайн-каталог представляет карточку с одноименным изданием 1908 г.; возможно, была предпринята отдельная книжная публикация. — URL: <https://plus.cobiss.net/cobiss/si/sl/bib/6220547#full> (дата обращения: 02.02.2025).

Ныне как курьез воспринимается тот факт, что именно лирика Лермонтова была избрана для сопровождения антиалкогольной кампании. Конечно, это могло быть простым стечением обстоятельств. Вполне правдоподобным выглядит предположение, что, возможно, оказались востребованными особенности лермонтовского характера: воля, стойкость, готовность к любому повороту судьбы... — однако с примесью скептицизма и внутренней опустошенности, с обличением нравственных пороков современного общества. Лермонтов привлекал как сильная личность, как гениальный поэт и боевой офицер и, не в последнюю очередь, как славянин, а значит — близкий по духу. Вспомним про терапевтическое воздействие искусства на здоровье человека; чтение поэзии Лермонтова вполне может быть признано одним из методов психологической коррекции личности.

Л. Н. Будагова, подводя итоги международной научной конференции «М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян» (Москва, ИСл РАН, 5–6 ноября 2013 года), отметила, что особый интерес к наследию Лермонтова среди западных и южных славян проявился с некоторой задержкой: «Его [Лермонтова. — Ю. С.] опыт потребовался литературам западных и южных славян не в разгар, а на исходе эпохи национального возрождения. И способствовал он не столько зарождению в них романтического и реалистического направлений, сколько их развитию, совершенствованию» [Будагова 2014, с. 222]. В этой, а также другой своей работе, вошедшей в сборник материалов названной конференции, Людмила Норайровна показывает и роль Лермонтова в формировании славянского модерна рубежа XIX–XX веков, утверждавшего как раз те принципы жизни и творчества, которым задолго до этого движения стихийно следовал русский поэт. Родство творчества Лермонтова и славянских «модернистов», как подчеркивает исследовательница, проявилось, в частности, в позитивном отношении к индивидуализму, понимаемому не как эгоцентризм, а как доступная личности борьба за свою духовную свободу

и как борьба искусства за свободу самовыражений [Будагова 2016].

Неслучайно на развитие словенской поэзии наследие Лермонтова оказало наибольшее влияние именно во времена становления словенского модерна — как на самих представителей направления, так и на писателей, близких им, — и, таким образом, через оригинальное творчество молодых словенских поэтов осталось в сокровищнице национальной культуры словенцев.

Внимание одного из ярчайших поэтов словенского модерна Драготина Кетте (1876–1899) на Лермонтова, возможно, обратил лично знакомый с молодым литератором Иван Весел. В любом случае специально для антологии русской поэзии Кетте перевел два стихотворения: «Молитва» («В минуту жизни трудную...») и «Парус», — хотя в антологию они не попали (названные стихи там даны в переводе Менцингера). Позже, в 1903 году, оба перевода были опубликованы в календаре просветительского общества свв. Кирилла и Мефодия в Любляне вместе с двумя переводами из Пушкина «Ангел» и «Роза» [Koledar 1903, s. 36–38]. Кетте заинтересовала и лермонтовская «Грузинская песня» (1829, публ. 1859). Долгое время перевод первых двенадцати строк этого стихотворения не был широко известен, их публикация состоялась лишь в 1943 году в журнале «Дом ин свет», первый номер [Dom 1943].

Лермонтова знали, любили и другие представители словенского модерна, которые живо интересовались русской литературой, что даже нашло отражение в выборе ими псевдонимов: Драготин Кетте писал под псевдонимами Михайлов и Силушка, Йосип Мурн (1879–1901) — Александров, Отон Жупанчич (1878–1949) — Алексей Николаев, Иван Цанкар — Иван Савельев. Обнаруживаются явные переклички с Лермонтовым в творчестве первых трех перечисленных словенских поэтов (прямого воздействия, пожалуй, избежал только Цанкар). Хотя известен всего лишь один перевод Лермонтова («Парус»), выполненный Жупанчичем в 1913 году, это был текст к музыке Беньями-

на Ипавеца (1829–1909), первоначально использовавшего немецкий перевод лермонтовского стихотворения, выполненный Ф. Боденштедтом. По всей видимости, при переводе Жупанчич использовал русский оригинал⁹⁷.

В своей содержательной работе «Лермонтов и словенцы» Лойзе Кракар отводит особое место рубежу XIX–XX веков — в разделе «Лермонтов и словенский модерн» [Krakar 1978, s. 228–241]. Так или иначе этой темы касались исследователи, занимавшиеся творчеством отдельных поэтов модерна. В частности, большое внимание воздействию Лермонтова на поэзию Мурна уделяется в работе Йоже Сноя (1934–2021) «Символизм Йосипа Мурна» [Snoj 1968].

Из российских словенистов данную тему специально разрабатывала М. И. Рыжова, автор многих работ, в том числе посвященных русско-словенским связям. Для Майи Ильиничны характерны глубокое проникновение в материал, скрупулезный анализ. В 1979 году в журнале «Русская литература», выходящем при Пушкинском Доме с 1958 года, появилась ее работа, посвященная Лермонтову и восприятию его наследия ведущими словенскими поэтами — еще до появления первых переводов его стихотворений, начиная с Симона Енко (1835–1869), который именно Лермонтова считал крупнейшим славянским поэтом. При этом исследовательница ссылается на работу Ф. Левеца [Leves 1965], но, к сожалению, в то время был ей неизвестен (или недоступен) труд Л. Кракара [Krakar 1978]. Данная тема подробно раскрывается и в итоговой работе Рыжовой, результате исследований многих лет, вышедшей в 2012 году в Санкт-Петербурге и получившей название «Словенская поэзия конца XIX – начала XX века и русская литература» [Рыжова 2012].

Первая мировая война стала своеобразным водоразделом в процессе восприятия и перевода наследия велико-

⁹⁷ Подробнее об этом см. у М. И. Рыжовой, которая считает, что из переводов Менцингера, Кетте и Жупанчича последний является наиболее удачным [Рыжова 2012, с. 196–197].

го русского поэта в Словении. Это почувствовал и Кракар, озаглавив раздел, посвященный соответствующему периоду времени, «Лермонтов нашего времени». Это нашло отражение и в результатах практической работы по сравнению переводов на первом Российско-словенском семинаре переводчиков в 2012 году, показавшей, что теперь язык переводов становится близок современному словенскому читателю.

В межвоенный период к переводам поэзии Лермонтова обращалось не так уж много литераторов Словении. К ранее названным Тине Дебеляку, Северину Шали и Миле Клопчичу можно добавить лишь Ивана Мателича (1887–1967), Штефана Тонкли (1908–1987) и Виктора Смолея (1910–1992). Мателич в начале 1920-х годов опубликовал два своих перевода: «Казачью колыбельную песню» в 1921 году в Горице в иллюстрированном журнале для всей семьи, выпускаемом Обществом св. Мохора «Младика» (*Mladika*; ‘Росток’) [Lermontov 1921] и «Тамару» в 1923 году в Триесте в вестнике женских обществ в Юлийской Крайне «Женски свет» (*Ženski svet*; ‘Женский мир’) [Lermontov 1923]. Через семь лет, также в Горице, в мастерстве перевода «Казачьей колыбельной песни» с ним решил поспорить Тонкли, опубликовав (под псевдонимом Венцеслав Сеявец) свою версию в католическом вестнике для просветительских обществ: «Наш чолнич» (*Naš čolnič*; ‘Наша лодка’) [Lermontov 1928]. Эти переводы оказались, соответственно, четвертым и пятым в длинной словенской истории этого лермонтовского произведения. Шестым стал вскользь нами упомянутый перевод Северина Шали (1911–1992) в Любляне в журнале «Дом ин свет» [Dom 1939], опубликованный к 125-летию со дня рождения русского поэта вместе с переводом «Молитвы», выполненным Тине Дебеляком.

В 1935 году в Горице в «Младике» появился и новый (третий) перевод «Песни про купца Калашникова», который представил Виктор Смолей [Lermontov 1935].

После окончания Второй мировой войны Лермонтов появляется на страницах нового (центрального) литера-

турного журнала «Нови свет»⁹⁸, выходившего в Словении с 1946 года в качестве проводника официальной культурной политики, и до переломных в отношениях между Советским Союзом и Югославией событий 1948 года в нем чувствовалось влияние социалистической парадигмы. Далее наблюдается разворот в сторону русской классики. Вопреки всем усилиям властей и редакции журнал не был успешным, но сыграл свою позитивную роль в развитии взаимоотношений культур народов наших стран (подробнее об этом: [Созина 2011]). Как бы то ни было, в 1948 году здесь публикуются четыре стихотворения Лермонтова: в переводе Тита Видмара «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»; 1840?, публ. 1841; № 1/2, с. 109–110); Лео Беблера «Парус» (№ 11, с. 464); Миле Клопчича «И скучно и грустно...» и «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»; 1838, публ. 1839; № 5, с. 359–360).

В 1950-е годы в Словении о Лермонтове будто бы забывают. Вместе с тем в течение этого времени была проведена титаническая работа по переводу его наследия Миле Клопчичем. В 1960 году одна за другой в Любляне отдельными изданиями выходят две поэмы: «Демон» и «Мцыри»; а в 1961-м — итоговый труд «Избранные произведения Михаила Юрьевича Лермонтова», приуроченный к 120-летию со дня смерти поэта, куда вошли 56 стихотворений, три поэмы (названные и новый, четвертый у словенцев, перевод «Песни про купца Калашникова»), роман «Герой нашего времени», сопровождаемые комментарием. В качестве популяризатора поэзии Лермонтова у словенцев с фигурой Ивана Весела в XIX веке — в веке XX может сравниться лишь Миле Клопчич, еще до Второй мировой войны обратившийся к наследию русского гения. Язык его переводов до сих пор звучит современно (а кроме того, заметим, что и его поэтический талант, несомненно, силен).

⁹⁸ Напомним, что журнал-прообраз — советский «Новый мир» — публикуется в Москве с 1925 г.

Кракар справедливо называет период после Второй мировой войны принадлежащим почти исключительно Клопчичу [Krakar 1978, s. 244]. Это было действительно так и в 1978 году, когда Кракар издал свой основательный труд, и значительное время спустя. Некоторые переводы Клопчича исследователь называет не просто хорошими, но конгениальными (как и переводы Весела в предшествующий период) [Krakar 1978, s. 212].

В течение долгих лет ситуация практически не менялась. Для нынешних словенских читателей оказались приемлемыми именно переводы Клопчича, написанные достаточно современным, понятным языком и ставшие классическими.

Спустя 38 лет, в 1999 году, на словенском языке появляется еще только одно произведение Лермонтова, прежде не переводившееся, — «Беглец. Горская легенда» (1838?, публ. 1846) — в люблянском журнале «Ревия СРП» (*Revija SRP*; ‘Журнал СПМ’), аббревиатура расшифровывается как *Svoboda. Resnica. Pogum*, то есть ‘Свобода. Правда. Мужество’ (№ 29/30, февр. 1999, с. 23–26). Авторство принадлежит переводчику Богдану Гьюду (*Bogdan Gjud*).

Сам факт того, что из богатейшего наследия Михаила Юрьевича Лермонтова на современном словенском языке до недавнего времени существовало всего лишь около 60 произведений, заставил задуматься об исправлении сложившейся ситуации. По большей части это действительно хорошие переводы основных произведений русского гения. Однако были пропущены и значимые для дальнейшего развития литературы, такие как, например, драма «Маскарад», которая в других славянских странах получила настоящее признание, стала популярной и даже была поставлена в уже оккупированной Чехословакии весной 1941 года — к 100-й годовщине гибели поэта [Герчикова 2016].

Вместе с тем Лермонтов действительно остается на слуху у словенцев — о чем свидетельствует периодика: так, одна из статей, опубликованных в 1993 году в журнале

«Содобност»⁹⁹ и отвечающих на вопрос, поставленный Цирилом Злобцем (1925–2018): «Насколько язык еще определяет нас как народ?» [Sodobnost 1993], — озаглавлена «Лермонтов: он презирал язык, нравы». Это прямая отсылка к стихотворению «Смерть поэта», в котором есть строки: «Смеясь, он дерзко презирал / Земли чужой язык и нравы», — и дальше:

Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

[Лермонтов 1988, с. 157]

Вместе с тем автор этой статьи Саша Вуга (1930–2016), словенский писатель, драматург, сценарист, редактор, говорит совсем не о Лермонтове, а о насущных проблемах современности [Vuga 1993].

Поэтому родилась идея двуязычного издания поэтического наследия Лермонтова в подлиннике и на словенском языке, поддержанная Роспечатью в связи с 200-летним юбилеем поэта, объявленным памятной датой ЮНЕСКО. Это издание вышло в свет осенью 2014 года. Благодаря усилиям замечательных поэтов и переводчиков — как маститых, так и начинающих: Андрея и Антона Арко, Аляжа Гласера, Антона Зебры (псевдоним), Милана Есиха и Залы Павшич — лермонтовские шедевры звучат по-новому, на современном словенском языке, в соответствии с нынешним этапом развития национальной поэзии. Руководитель проекта со словенской стороны — д-р Миха Яворник, в то время руководитель кафедры русской литературы философского факультета Люблянского университета; с российской — к. ф. н. Ю. А. Созина, в то время научный сотрудник Института славяноведения РАН и по совместительству научный редактор Всероссийской госу-

⁹⁹ Одноименный журнал упоминался нами в статье об А. С. Хомякове — выходивший в 1933–1941 гг. Его тезка, о котором идет речь, выходит с 1963 г. и до настоящего времени. Оба в Любляне.

дарственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино.

В книгу вошли не только новые переводы, но и некоторые лучшие, ставшие классическими, а потому не устаревающие переводы Миле Клопчича. Впервые по-словенски заиграли поэма «Тамбовская казначейша» и даже два юнкерских сочинения — «Гошпиталь» и «Монго» (без купюр). Солидный том озаглавлен строкой из Лермонтова: «Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...» («*Verjemi, ničevost je v naši družbi blagor*») [Лермонтов 2014].

Примечательно, что подобная идея возникла и была параллельно осуществлена и в Мариборе, где в 2015 году был опубликован упоминавшийся выше студенческий двуязычный проект. Вдохновителем и руководителем данного проекта явилась д-р Наталья Калох-Вид. Сборник содержит 36 поэтических переводов, осуществленных студентами либо в одиночку (таких было четверо), либо парами (11 дуэтов), либо втроем (при переводе прозы), и прозаический отрывок из «Героя нашего времени». Проект, несомненно, кроме просветительской, сыграл и важную воспитательную роль в выстраивании культурных мостов между нашими народами [Lermontov 2015].

Благодаря этим двуязычным проектам восприятие Лермонтова среди словенцев стало еще более многогранным, позволяющим ближе подойти к постижению его гения.

Вместо заключения: несколько слов о современности, итоги

Славянские народы в наши дни невозможно мерить какой-либо общей меркой — слишком они несхожи. Они отличаются друг от друга своими характерами, историческими судьбами, политическими пристрастиями, уровнем социального, экономического и культурного развития, возможностями, реальными перспективами и национальными задачами, мечтами... Соседние славянские страны, к сожалению, довольно часто конфликтуют между собой. Вместе с тем существует нечто, что их сближает. Возможно, это так называемая «генетическая память» или загадочная «славянская душа», а может, и что-то иное. Знаменитый словенский поэт, переводчик и публицист Вено Тауфер (полное имя — Венчеслав; 1933–2023) сравнил идею «славянской взаимности» с ощущением «крепких тылов»: «...как будто у тебя за спиной нет никого, кто бы мог тебе угрожать, что можно, напротив, ожидать оттуда какого-то понимания, кого-то, кто тебе не совсем чужд, может быть, даже в чем-то близок, ожидать бескорыстной симпатии, любопытства или даже интереса... (хотя здесь, конечно, не дай бог, если интерес будет слишком большим!)» [Тауфер 2001, с. 155]¹⁰⁰. В этих словах выражена и парадоксальность взаимоотношений славян.

Россия объективно выделяется из славянского мира по многим параметрам, однако, на наш взгляд, одно из самых важных ее отличий — в отношении к самой идее «славянской консолидации». Если русские в большинстве своем тяготели и тяготеют к интеграции славян (под эгидой Рос-

¹⁰⁰ Первоначально статья была опубликована в Словении в сборнике: *Slovenija–Rusija: (pogled v preteklost in sedanjost)* = Словения и Россия: минувшее и современность / отв. ред. А. Сказа. — Ljubljana: Društvo Slovenija–Rusija, 1998. — 197 s.

сии), то другие славянские народы (были) ориентированы в первую очередь на достижение собственной политической независимости и культурно-языковой самостоятельности, обращаясь к общеславянской идее в отдельные периоды своего развития лишь в той мере, в какой эта идея способствовала достижению их главной историко-культурной задачи. Такое отличие принципиально.

В связи с этим примечательны рассуждения, а также теоретические выкладки И. В. Кондакова, опубликованные в Перми (2007) в статьях «Глобалитет русской культуры в контексте славянских культур» и «“Русская идея” в диалоге славянских культур». В частности, он пишет: «“Русская идея” и другие “славянские идеи” “смотрели” в разные стороны, а славянство, на протяжении последних веков и десятилетий, представляло собой, скорее, “разбегающуюся галактику”, нежели “сходящуюся”; скорее, “ризому”, нежели организованную систему» [Кондаков 2007, с. 93].

Таким образом, всегда следует помнить о том, что любые действия, направленные на достижение славянской консолидации, могут протекать лишь в русле безусловного признания уникальности и ценности каждой из культур и стремления к познанию их внутренней сути.

На международной научной конференции «Славянский мир в глазах России», состоявшейся в Институте славяноведения РАН в январе 2008 года, ныне уже ушедший от нас замечательный ученый-славист Ю. В. Богданов (1932–2010) в своем докладе «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в художественной публицистике России (Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин)» [Богданов 2011]¹⁰¹ обратил особое внимание и проанализировал с позиций современности провидческие мысли Ф. М. Достоевского о развитии взаимоотношений России и остального славянского мира, отраженные в ряде выпусков ежемесячного журнала «Днев-

¹⁰¹ Позже (посмертно) его одноименная статья была опубликована в сборнике научных трудов «Славянский мир в глазах России», который авторский коллектив посвятил памяти ученого.

ник писателя» за 1877 год. В ноябрьском выпуске журнала можно найти очень точный (хотя и нелицеприятный) диагноз о причинах возникновения, а зачастую и намеренного культивирования «страхов» других славян по отношению к России, данный писателем в заметке «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать». Достоевский со всей своей крайностью и категоричностью суждений и оценок говорит о том, что величие России и несоразмерность ее с остальными славянскими народами исподволь заставят последние «беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами...» [Достоевский 1984, с. 79] (и так далее). Какой же выход для России видит Достоевский? «Но выказав полнейшее бескорыстие, тем самым Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян» [там же, с. 81]. И в этом его полностью поддерживает Богданов. О сходном чувстве «полной откровенности любви» в своем послании «К сербам» писал и Хомяков [Хомяков 1860, с. 14, 16].

Словенский публицист, профессор русского языка и литературы в Триестском университете (Италия) Иван Верч (р. 1950) пишет в статье «“Моя” Россия»:

«Я давно убежден в том, что для приморских¹⁰² словенцев Россия всегда значила нечто большее, чем для остальных словенцев. Русский “миф” был связан больше с культурологическим или даже психологическим восприятием мира, колеблющимся в амплитуде от воодушевления и надежды до разочарования и гнева, нежели с политической направленностью того или иного рода.

<...> Когда на нас нападали фашисты, силой пытались нам внушить второсортность нас, славян (по-итал. *Slavi*),

¹⁰² Словенское приморье (области Истрии и Бенешской/Венецианской Словении) испытали сильное влияние итальянцев и фриулов, среди них распространено двуязычие. Территория вокруг итальянского города Триеста, где живет и работает автор приводимого высказывания, преимущественно заселена словенцами.

русская культура была для нас (наряду со словенской, конечно) тем ориентиром, что придавал нам самоуважение...

<...> в нас слишком глубоко засела идея о “славянской взаимности”, чтобы наши убеждения могло пошатнуть очередное прочтение исторических событий в соответствии с данным политическим моментом» [Верч 2001].

Однако подобное отношение к русскому народу при-
суще далеко не всем словенцам и тем более славянам
в целом, для которых образ России омрачен тенью-призра-
ком тоталитаризма и «великодержавных посягательств»,
застлан обидами за многие исторические ошибки, за не
проявленную вовремя чуткость, за неоправданные на-
дежды, за забывчивость... Таким образом, практически
в качестве единственного возможного пути видится путь
взаимного уважения и открытости культур — как «боль-
ших», так и «малых», — сопряженный с умением встать
на чужую, пусть даже исторически далекую точку зре-
ния.

«...Альтернативная версия глобализации, гуманисти-
ческая глобализация, исходит из убеждения, что основой
действительных, качественно новых изменений, разреша-
ющих накопившиеся роковые проблемы глобального мира,
может быть только культура», — констатирует Александр
Сказа (р. 1934), профессор Люблянского университета, ру-
сист [Сказа 2007, с. 18].

Важно, что для многих интеллектуалов Словении в ка-
честве одного из гарантов сохранения культурного поли-
центризма в мире выступает именно сильная Россия с ду-
ховной широтой ее культуры.

Хотя стороннему наблюдателю будет казаться очевид-
ной словенская прозападная направленность — о чем сви-
детельствуют многие факты истории, культуры и реалии
нынешнего дня, — вместе с тем многим словенцам дей-
ствительно важно ощущать «крепкие тылы», в своем стрем-
лении на Запад им необходимо чувствовать внутреннюю
связь с родственными (славянскими) народами, а потому
им небезразлична и судьба России.

Вено Тауфер сформулировал осознание того, что словенцы развили свою национальную специфику и представляют «собой органичную часть Европы». Однако тут же добавляет: «Но точно так же мы являемся славянами лишь в качестве центральноевропейского народа, и только в этом качестве мы сохранили свою словенскую специфику и ее славянскую направленность» [Тауфер 2001, с. 156].

Отсюда, вероятно, проистекает обращенность многих словенских литераторов к русской (российской) культуре, а иногда и прямая апелляция к ней — как противовесу всё нарастающей бездушной «массовке», валом накрывающей культурно-информационное пространство.

Важно то, что многое из культурного российского контекста воспринимается словенским читателем настолько органично, что не требует какой-либо дополнительной расшифровки.

Образ России в современной словенской литературе — явление неоднозначное и многогранное. Тем более что появляется он у писателей, придерживающихся самых разных политических взглядов. Вместе с тем для большинства из них значение российской культуры непреложно. Так, в стихотворении «Поэт» из поэтического сборника «Дом, печаль: *curriculum vitae* в стихах» (1994) Йоже Сной, обращаясь к послевоенному времени, когда политические связи между Югославией и Советским Союзом были особенно сильными, и, называя это время «наши от звезды опаленные / подмосковные годы», признается, что, кроме «лагерных огней» (или «зимы сибирского тюремного меридиана», как он пишет в другом стихотворении «Сомкнемся, сплетемся» из сборника «Плачи по отцу и отчизне», 1983), для многих продолжала жить и другая Россия:

naš	наш
pod peplom tleči	под пеплом тлеющий
antilenin —	антиленин —
Lermontov Tjutčev Pasternak	Лермонтов Тютчев Пастернак
Jesenin	Есенин

[Snoj 1994, s. 39]

Русская культура так или иначе проникает в словенскую прозу, поэзию и драму, находит свое отражение в них. И отношение к ней всегда осознанное, зачастую критичное, поскольку — наряду с факторами историко-политического момента — всегда присутствует фактор необходимости защищать «малую» культуру от родственников, особенно если она (возвращаясь к «словцу» Достоевского из «Дневника писателя») чрезмерно «велика». Вместе с тем именно «родственный» материал легче ложится в парадигму иной национальной культуры и находит больший отклик.

Русистика в Словении и сегодня сильна. Целая плеяда талантливых переводчиков продолжает работать над тем, чтобы русская литература доходила до словенских читателей. В 2022 году выходят два издания с переводами Пушкина для слабовидящих на языке Брайля: «Пиковая дама» и «Евгений Онегин». В 2024 году опубликованы «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Белая гвардия» и «Театральный роман» М. А. Булгакова, «Джан» А. П. Платонова, «Записки охотника» И. С. Тургенева, рассказы А. Р. Беляева о профессоре Вагнере и др. В 2025 году планируются к печати «Идиот» и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Собачье сердце» М. А. Булгакова и т. д. Это свидетельствует о высокой востребованности русской литературы. В кризисные времена — прежде всего классической. Значит, связи между нашими народами продолжают развиваться.

Подводя итоги своего труда, сложившегося, как по крупицам, из наработок разных лет, их переосмысления, расширения, новых находок, отметим, что нам удалось решить несколько задач. Восприятие русской литературы в Словении представлено с различных сторон: история возникновения интереса, первых переводов и публикаций, восприятие литературной критикой, общие источники, влияния и литературные реминисценции, что обогащает понимание

культурного взаимодействия двух славянских народов. Специальное внимание уделено широкому историческому, социальному, культурному контекстам.

Пожалуй, самое главное — обнаружены новые, ранее неизвестные факты, в том числе, например, неизвестный перевод стихотворения Пушкина на немецкий язык, выполненный словенским литератором (см. главу «Ворон к ворону летит...»). Перевод сказки «О рыбаке и рыбке», вышедший в Вене в 1853 году и являющийся первым переводом Пушкина на словенском языке, впервые публикуется в России.

Интересно было работать над раскрытием процессов, связанных с интерпретацией оригинальных поэтических произведений разными поколениями словенских переводчиков — при сохранении или изменении исходных смыслов, что имеет значение для понимания культурных трансформаций. Отдельные примеры наглядно демонстрируют, как идеи и образы, заложенные в произведениях русских авторов, так или иначе влияют на формирование национального самосознания и литературного процесса в Словении.

В целом книга помогает понять, как русская литература продолжает влиять на мировую культуру и какие вызовы стоят перед переводчиками и исследователями сегодня.

Неоспоримым достоинством монографии является полнота и максимальная проработка фактографического материала.

Необходимо сказать и о том, что настоящая книга — это, во-первых, наш дар уважения и любви русским поэтам Золотого века, творившим во имя великих идеалов и заложившим основы современной культуры России; и во-вторых, оживление памяти тех, кто работал на развитие межславянских культурных связей, находя то сущностное, что сближает наши народы — переводчиков, издателей, исследователей литературы.

Спасибо всем тем, кто на разных этапах помогал с решением частных вопросов, обеспечивая доступ к отдельным материалам, готовя подстрочники и др.

Особую благодарность хочу выразить ответственному редактору Надежде Николаевне Стариковой, благодаря опыту, острому глазу и доброжелательности которой эта монография, несомненно, улучшилась, а также коллеге и другу Татьяне Ивановне Чепелевской и супругу Дмитрию Николаевичу Анохину за неизменную поддержку и искреннюю заинтересованность в том, чтобы эта книга увидела свет.

Библиография

А

- Азадовский 1936: Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы — Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. — Вып. 1. — С. 134–163. — <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/vr1/vr12134-.htm?cmd=p>
- Аксаков 2002: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? — Москва : Росспэн, 2002. — 1008 с. — (Приложение к журналу «Вопросы философии».) — https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004487418/?ysclid=m5tf9lfvsa88386751
- Алексеев 1937: Алексеев М. П. Пушкин на Западе // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. — Вып. 3. — С. 104–151. — <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v37/v372104-.htm>
- Ашкерц 1987: Ашкерц А. Избранное: Пер. со словенск. / сост., предисл., примеч. М. Рыжовой. — Ленинград : Худож. лит., 1987. — 256 с.

Б

- Бахтин 1975: Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Худож. лит., 1975. — С. 234–407.
- Белинский 1903: Бѣлинскій В. Г. Стихотворенія М. Лермонтова // Полное собраніе сочиненій В.Г. Бѣлинскаго: в 12 томахъ / под ред. и с примѣч. С. А. Венгерова. — Т. VI: «Отечественныя Записки» 1841 года; Статьи, примыкающія къ «Критической Исторіи русской литературы». — Санкт-Петербург : Типографія Товарище-

- ства «Общественная польза», 1903. — С. 1–62. — https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005405864_64427/
- Белинский 1953: Белинский В. Г. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. — Москва : Гос. издат. худож. лит. — 1953. — С. 133–142. — <https://feb-web.ru/feb/gogol/critics/grk/grk2133-.htm>
- Белинский 1955: Белинский В. Г. Статьи о Пушкине. Статья одиннадцатая и последняя // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1953–1959. — Т. VII. — 1955. — 535–579 с. — <https://vgbelinsky.ru/texts/books/13-7/Pushkin/11/>
- Бердяев 1912: Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. — Москва : Путь, 1912. — VIII, 250 с. — <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/kritika/berdyayev/znachenie-homyakova.htm>
- Бершадская 1997: [Бершадская М. Л.] Словенская литература // История литератур западных и южных славян. В 3-х тт. — Т. II: Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX века. — Москва : Издательство «Индрик», 1997. — С. 570–599. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/1997_Istorija_literatur_zapadnyx_i_juzhnyx_slav%27an_2.pdf
- Бершадская 2010: [Бершадская М. Л.] Литература между романтизмом и реализмом (50-е – 80-е гг. XIX в.) // Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков) / отв. ред. Н. Н. Старикова. — Москва : «Индрик», 2010. — С. 153–184. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2010_Slovenskaja_literatura.pdf
- Бершадская 2012: [Бершадская М. Л.] Левстик Фран // Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. — Москва : Индрик, 2012. — С. 220–222. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Lexicon_literatur.pdf
- Библиография 2011: Библиография российской словенистики (1990–2010) / авторы-сост. Ю. А. Созина

и Т. И. Чепелевская. — Москва : ИСл РАН, 2011. — 92 с. — (Серия *Slavica et Rossica.*) — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2011_Bibliografija_slovenistiki.pdf

Богданов 2011: Богданов Ю. В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в художественной публицистике России (Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин) // Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в творчестве, документальной и научной литературе / Л. Н. Будагова (отв. ред.), И. И. Калиганов, Н. С. Осипова, Ю. А. Созина, Н. В. Шведова. — Москва : ИСл РАН, 2011. — С. 138–148. — (Серия *Slavica et Rossica.*) — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2011_Slav_mir_v_glazax_Rossii.pdf

Бонди 1949: Бонди С. М., Зенгер Т. Г., Измайлов Н. В., Слонимский А. Л., Цявловский М. А. Примечания // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 3: Стихотворения, 1826–1836. Сказки. — Кн. 2. — 1949. — С. 1123–1307. — <https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol03/y32-b23-.htm?cmd=0&hash=1828>. ВОРОН

Брокгауз 1903: [П. Щ.]¹⁰³ Хомяков // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. — Петербург, 1890–1907. — Т. XXXVIIа: Ходский – Цензура. — 1903. — С. 543–547. — https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Хомяков,_Алексей_Степанович

Будагова 2012: Будагова Л. Н. Перечитывая Гоголя и Белинского. Вместо предисловия // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 9–21. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanskije_literatury.pdf

Будагова 2014: Будагова Л. Н. Международная конференция «М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян» (Москва, 5–6 ноября 2013 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2014. —

¹⁰³ Павел Елисеевич Щёголев (1877–1931).

№ 1(74). — С. 219–225. — <https://elibrary.ru/item.asp?id=23872881>

Будагова 2016: Будагова Л. Н. О специфике восприятия творчества Лермонтова западными и южными славянами // М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян : Сборник статей / отв. ред. Л. Н. Будагова. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2016. — С. 361–379. — https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2016_lermontov.pdf

В

Верч 2001: Верч И. «Моя» Россия / пер. со словен. Т. Комаровой // Словенско-русский альманах: История, языкознание, публицистика, художественная литература Словении. — Москва : Общество содействия развитию связей между Словенией и Россией «Д-р Франце Прешерн», 2001. — С. 148–150.

Г

Гаврюшина 2012: Гаврюшина Л. К. Переводы «Мертвых душ» на сербский язык: фрагменты истории и мнение критики // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 433–439. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanskije_literatury.pdf

Герчикова 2012: Герчикова И. А. Н. В. Гоголь на чешской сцене // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 343–350. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanskije_literatury.pdf

Герчикова 2016: Герчикова И. А. Сценическая судьба «Маскарада» М. Ю. Лермонтова в Чехии // М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2016. — С. 328–337. — https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2016_lermontov.pdf

Гоголь 1847: Гоголь Н. В. Об Одиссее, переводимой Жуковским (Письмо к Н. М. Я....ву) // Гоголь Н. В. Выбранные

места из переписки с друзьями. — Электронный ресурс: <https://azbyka.ru/fiction/vybrannye-mesta-iz-perepiski-s-druzyami/9/>

Гоголь 1994: Гоголь Н. В. Тарас Бульба [Миргород] // Гоголь Н. В. Собрание сочинений в девяти томах. — Т. 1/2: Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. — Москва : «Русская книга», 1994. — 496 с. — <https://ilibrary.ru/text/1070/index.html>

Гоголь 2012: Н. В. Гоголь и славянские литературы / отв. ред.: Л. Н. Будагова. — Москва : Издательство «Ин-дрик», 2012. — 568 с. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanskije_literatury.pdf

Д

Десницкий 1958: Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. — 402 с.

Досталь 2007: Досталь М. Ю. Славянство в историософии и политических воззрениях А. С. Хомякова // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист : Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., состоявшейся 14–17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А. М. Горького. — Т. 2. — Москва : Языки славянских культур, 2007. — С. 136–146.

Достоевский 1984: Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год. Сентябрь – декабрь // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. — Ленинград : Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1971–1990. — Т. 26: Дневник писателя. — 1984. — С. 77–82. — <https://djvu.online/file/Qf9OMx7JDpM3E>

Е

Егоров 1979: [Егоров Б. Ф.] ХОМЯКОВ Алексей Степанович // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь / отв. ред. В. А. Дьяков. — Москва : Издательство «Наука», 1979. — С. 354–355.

Ж

Жакова 2000: Жакова Н. К. Челаковский и Пушкин: (К 200-летию со дня рождения двух великих представителей славянской культуры) // Санкт-Петербург — Прага. 1999–2000 : Ежегодник Общества братьев Чапек в Санкт-Петербурге. — Санкт-Петербург : ООО «НПО «ОМЕГА», 2000. — С. 42–45.

Жакова 2012: Жакова Н. К. Духовные искания Н. В. Гоголя и их чешское восприятие // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 297–305. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanskije_literatury.pdf

З

Заболотский 1906: Заболотский П. А. Словинский ученый об А. П. Чехове (Dr. I. Prijatelj. Momenti iz spisov A. P. Čehova. Ljubljana, 1901) // Русский филологический вестник. — Т. 55. — 1906. — № 1/2. — С. 349–352. — https://rusneb.ru/catalog/005664_000048_RuPRLIB12053262/

Зупан 2013: Зупан В. Левитан. Роман, а может, и нет / пер. со словен. Ю. Созиной. — Москва : ООО «Лингвистика», 2013. — 352 с. — (Серия «Словенский Глагол».)

Зупанчич 1985: Зупанчич Б. Набат: Роман; Рассказы / пер. со словенского Н. Травиной. — Москва : Радуга, 1985. — С. 373–375.

И

История 1997–2001: История литератур западных и южных славян. В 3-х тт. — Т. I: От истоков до середины XVIII века. — Москва : Издательство «Индрик», 1997. — 888 с.; — Т. II: Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX века. — 1997. — 672 с.; — Т. III: Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). — 2001. — 992 с. — <https://inslav.ru/publication/istoriya-literatur-zapadnyh-i-yuzhnyh-slavyan-v-3-h-tt-m-1997-2001-t-1-3>

К

- Къ сербамъ 1860: [Хомяков А., Погодин М., Кошелев А. и др.] Къ сербамъ. Посланіе изъ Москвы. (Aux Serbes, Epitre de Moscou.) — Лейпцигъ: У Франца Вагнера, 1860. — 100 с.
- Калиганов 2012: Калиганов И. И. Гоголь и развитие болгарской культуры во второй половине XIX – начале XXI в. // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 417–432. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanskije_literatury.pdf
- Кишкин 1999: Кишкин Л. С. Пушкин в переводах Челакковского и других чешских современников // Славянский альманах 1999. — Москва : Издательство «Индрик», 2000. — С. 264–269. — <https://web.archive.org/web/20200222235233/https://cyberleninka.ru/article/n/pushkin-v-perevodah-chelakovskogo-i-drugih-cheshskih-sovremennikov/viewer>
- Кишкин 2005: Кишкин Л. С. Пушкин и Чехия. — Москва : Институт славяноведения, 2005. — 135 с. — https://catalog.libfl.ru/Record/BJVVV_1201644
- Коллар 1993: Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения / редкол. С. В. Никольский (отв. ред.), Л. Н. Смирнов, Н. В. Шведова. — Москва : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. — 148 с. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/1993_Jan_Kollar_poet_patriot_gumanist.pdf
- Кондаков 2007: Кондаков И. В. Глобалитет русской культуры в контексте славянских культур; «Русская идея» в диалоге славянских культур // Традиционная и современная Россия глазами славянских народов. — Выпуск I. — Пермь, 2007. — С. 6–17; 91–94.
- Корш 1905: Корш Ф. Е. Происхождение десятисложного стиха южных и западных славян. — Санкт-Петербург : тип. Имп. акад. наук, 1905. — 16 с. — <https://viewer.>

- Косанович 2012: Косанович Б. Н. В. Гоголь на сербской сцене // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 440–448. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanskie_literatury.pdf
- Кошелев 2000: Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 512 с. — <https://djvu.online/file/NuZjxjSMg2CUF>
- Кошелев 2005: [Кошелев А. В.] Комментарии // Хомяков А. С. Стихотворения / сост., вступ. ст. и коммент. А. В. Кошелева. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2005. — С. 542–604.
- Кузнецов 1979: Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения (Наука XIV–XVI вв. в свете современной науки). — Москва : Издательство «Наука», 1979. — 280 с.
- Кузьмичева 2007: Кузьмичева Л. В. А. С. Хомяков и сербский вопрос // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. — Т. 1. — Москва : Языки славянских культур, 2007. — С. 89–105.

Л

- Лаптева 2007: Лаптева Л. П. А. С. Хомяков и его связи с чешскими учеными // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. — Т. 1 — Москва : Языки славянских культур, 2007. — С. 106–113.
- Ленарчич 2001: Ленарчич А. 585-я годовщина интронизации словенского князя на Господсветском поле / пер. со словенск. М. Ругел // Словенско-русский альманах. История, языкознание, публицистика, художественная литература Словении. Справочные материалы по Словении, карты / автор замысла, составит. и отв. ред. Ю. Ругел; ред. и консультант О. Плотникова. — Москва — Зеленоград — Люберцы, 2001. — С. 36–40.

- Лермонтов 1835: Лермонтов М. Ю. Хаджи Абрекъ // Библиотека для чтения. — Т. XI. — Отд. I: Русская Словесность. — С. 81–94. — <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nc01.ark:/13960/t5p85m16t&seq=20>
- Лермонтов 1988: Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. — Т. I: Стихотворения, поэмы / сост. и комм. И. С. Чистовой; вступ. ст. И. Л. Андроникова. — Москва : Правда, 1988. — 720 с.
- Лермонтов 2014: Лермонтов М. Ю. = Lermontov M. J. «Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...»: стихотворения и поэмы = »Verjemi, ničevost je v naši družbi blagor ...« : pesmi in pesnitve / prevod Andrej Arko ... [et al.]. — Radovljica: Didakta, 2014. — 387 s.
- Лещиловская 1968: Лещиловская И. И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. — Москва : Наука, 1968. — 340 с. — https://inslav.ru/sites/default/files/editions/1968_leschilovskaja.pdf
- Липатов 2012: Липатов А. В. Универсальное и национальное. Казус Гоголя // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 25–43. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanske_literatury.pdf

М

- Машкова 2012: Машкова А. Г. Особенности восприятия творчества Н. В. Гоголя в Словакии // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 351–377. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanske_literatury.pdf
- Мойсова-Чепишевская 2012: Мойсова-Чепишевская В. Читается ли (и как) Гоголь сегодня? // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 560–567. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanske_literatury.pdf
- Мусин-Пушкин 1810: Мусин-Пушкин А. И. Историческое замечание о начале и местоположении древняго рос-

сийского, так называемого Холопья города. — Москва : В типографии Платона Бекетова, 1810. — 25 с., ил.

Н

Никольский 2000: Никольский С. В. А. С. Пушкин — источник оптимизма для славянских писателей (А. С. Пушкин и Ф. Л. Челаковский) // А. С. Пушкин и мир славянской культуры (К 200-летию со дня рождения поэта). — Москва : Институт славяноведения РАН, 2000. — С. 7–16. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2000_Pushkin_i_mir_slavjanskoj_kultury.pdf

П

Петрарка 1963: Петрарка Ф. Книга песен / ред. О. Лозовецкий; пер. с итал. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1963. — 168 с.

Подлесник 2012: Подлесник Б. Олицетворение в Гоголя. К вопросу о роли авторского голоса в процессе музеизации // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 136–145. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanskije_literatury.pdf

Преображенский 1937: Преображенский Ф. Н. Пушкин у словенцев // Белградский Пушкинский сборник / с предисловием Академика А. И. Белича; под ред. Е. В. Аничкова. — Белград : Издание Русского пушкинского комитета в Югославии, 1937. — С. 119–148. — <https://djvu.online/file/CowsSvJzdszlz>

Прешерн 1901: Стихотворения Франца Прешерна / со словен. и нем. подлинников пер. [и снабдил предисл.] Ф. Корш. — Москва : тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901. — 244 с. — https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B8%D1%80%D0

%BD%D0%B0_%D1%81%D0%BE_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B8_%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2

Прешерн 1948: Прешерн Ф. Избранное / под ред. Н. Тихонова; пер. со словен. — Москва : ОГИЗ, 1948. — 122 с.

Прешерн 1987: Прешерн Ф. Лирика / ред. О. Кутасова; пер. со словен. — Москва : Художественная литература, 1987. — 288 с.

Приятель 1901: Приятель И. А. С. Пушкин у словенцев // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. — Т. LXX. — № 2: А. С. Пушкин в южнославянских литературах / под ред. И. В. Ягича. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1901. — С. 367–395.

Против 2011: Против часовой стрелки : Словенская новелла : Избранное. — Москва : Центр книги Рудомино, 2011. — 320 с.

Пуришев 1976: Зарубежная литература. Эпоха Возрождения: Учеб. пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / сост. Б. И. Пуришев. — Москва : Просвещение, 1976. — 638 с.

Пушкин 1828: Пушкин А. С. Два ворона // Северные цветы на 1829 год. — Санкт-Петербург : В типографии Департамента народного просвещения, 1828. — С. 31–32. — <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9017>

Пушкин 1829: Стихотворения Александра Пушкина. Вторая Часть. — Санкт-Петербург : В типографии Департамента народного просвещения, 1829. — 176 с. — <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=iuGiuiOjMPU%3d&tabid=8723&mid=11804>

Пушкин 1887: Пушкин А. С. Сочинения. Съ биографіей А. С. Пушкина.— С.-Петербургъ : Типографія А. С. Су-

ворина, 1887. — Т. IX: Дневникъ. Записки. Историческія статьи и разныя замѣтки. — 597 + V с.

Пушкин 1892: Пушкин А. С. Шотландская песня // *Slovanski svet*. — V Trstu: F. Podgornik, 1888–1899. — L. V. — Št. 9. — 10.05.1892. — S. 129. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-YGZSO7O8/c14f46f7-ef9b-4c98-85afa9746869308d/PDF>

Пушкин 1952: Пушкин в неизданной переписке современников // *Литературное наследство*. — Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / публикации К. Богаевской, Л. Добровольского и др.; вступ. статья Д. Благого. — Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1952. — С. 3–154. — <https://feb-web.ru/feb/litnas/default.asp?feb/litnas/texts/158/158.html>

Пушкин 1978: Пушкин А. С. Переводчики — почтовые лошади просвещения... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1977–1979. — Т. 7: Критика и публицистика. — 1978. — С. 354. — <https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-3543.htm>

Пушкин 1985: Пушкин А. С. Сочинения в трех томах. — Т. 1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. — Москва : Художественная литература, 1985. — 735 с.

Пушкин 1986: Пушкин А. С. Сочинения в трех томах. — Т. 2: Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. — Москва : Художественная литература, 1986. — 528 с.

Пушкин — Прешерн 2000: Пушкин — Прешерн. К 200-летию со дня рождения двух великих поэтов. — Москва : Исл РАН, 2000. — 72 с.

Р

Ристеский 2012: Ристеский Д. Творчество Н. В. Гоголя в македонской литературной и культурной среде // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 514–519. — <https://>

inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanske_literatury.pdf

Роль 2019: Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю. А. Созина. — Москва : Лингвистика, 2019. — 312 с. — https://inslav.ru/sites/default/files/editions/book_rus_s.pdf

Руски 1937: Руски архив : Часопис за политику, културу и привреду Русије. — Београд : Земгор, 1928–1937. — № 40–42: Пушкин : 1799–1837. — 1937. — 240 с. — <https://elibrary.domrz.ru/absopac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:265096/Source:default#>

Рыжова 1978: Рыжова М. И. Русская литература в словенском журнале «Люблянский звон» (1881–1918) // Зарубежные славяне и русская культура. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 106–155.

Рыжова 1979: Рыжова М. И. Творчество М. Ю. Лермонтова в восприятии словенских поэтов XIX – начала XX в. // Русская литература. — Ленинград : «Наука», 1979. — № 3. — С. 149–163. — <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/RL-1979-3.pdf>

Рыжова 1981: Рыжова М. И. Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.) // Многоязычие и литературное творчество. — Ленинград : «Наука», 1981. — С. 240–289.

Рыжова 2012: Рыжова М. И. Словенская поэзия конца XIX – начала XX вв. и русская литература. — Санкт-Петербург : НППЛ «Родные просторы», 2012. — 222 с. — (Библиотека журнала «Невский альманах».)

С

Сальников 1901: Русские поэты за сто лѣтъ (Съ Пушкинской эпохи до нашихъ дней). Въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Сборникъ лучшихъ лиръ, произведеній русской поэзіи / составилъ А. Н. Сальниковъ. — С.-Петербургъ : Изданіе В. И. Губинскаго. 1901. — XIV, 600, II с.

- Сидяков 1997: Сидяков Л. С. Прижизненный свод пушкинской поэзии // Пушкин А. С. Стихотворения. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — (Литературные памятники.) — С. 397–457. — <https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/sid/sid-397-.htm>
- Сказа 2007: Сказа А. А. Функция культурологии в области преподавания русской литературы за рубежом в состоянии глобализации // Традиционная и современная Россия глазами славянских народов. — Выпуск I. — Пермь, 2007. — С. 18–24.
- Славянские 1996: Славянские матицы: XIX век. Ч. 1–2. Москва : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. — 198 с. — <https://inslav.ru/publication/slavyanskije-maticy-xix-vek-ch-1-2-m-1996>
- Словенская 2010: Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков) / отв. ред. Н. Н. Старикова. — Москва : Индрик, 2010. — 248 с. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2010_Slovenskaja_literatura.pdf
- Сонькин 1998: Сонькин В. В. Сонет в сербской, хорватской и словенской литературах эпохи модерна. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Москва : Институт славяноведения РАН, 1998. — 19 с.
- *¹⁰⁴⁾Созина 2000: Созина Ю. А. А. С. Пушкин в словенской литературной критике XX в. // А. С. Пушкин и мир славянской культуры (К 200-летию со дня рождения поэта). — Москва : Институт славяноведения РАН, 2000. — С. 84–89. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2000_Pushkin_i_mir_slavjanskoj_kultury.pdf
- *Созина 2001: Созина Ю. А. Образ поэта в лирике А. С. Пушкина и Ф. Прешерна // F. Prešeren — A. S. Puškin (ob 200-letnici njunega rojstva) = Ф. Прешерн — А. С. Пушкин (к 200-летию их рождения). — Ljubljana : Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2001. — С. 99–111.

¹⁰⁴⁾ Звездочкой (*) обозначены наши статьи, легшие в основу глав настоящей монографии.

- *Созина 2002: Созина Ю. А. Национальное и «универсальное» в романтических поэмах М. Ю. Лермонтова // *Romantična pesnitev. Ob 200. obletnici rojstva Franceta Prešerna. Mednarodni simpozij Obdobja 19 — Metode in zvrsti*: Ljubljana, 4.–6. december 2000. — Ljubljana : Center za slovenščino kot drugi/tuj jezik pri Oddelku za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 2002. — S. 385–403.
- Созина 2006: Созина Ю. А. Словенские поэты Божо Водушек (1905–1978) и Миле Клопчич (1905–1984) // *Славянский альманах 2005*. — Москва : Индрик, 2006. — С. 346–355.
- Созина 2007: Созина Ю. А. Словенский писатель и ученый Братко Крефт и его Россия // *Россия в глазах славянского мира / редкол.: А. В. Липатов (отв. ред.), Н. С. Осипова, Ю. А. Созина*. — Москва : ИСл, 2007. — С. 252–263. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2007_Rossija_v_glazax_slav_mira.pdf
- *Созина 2009: Созина Ю. А. Поэтическое и духовное наследие А. С. Хомякова в словенской периодике второй половины XIX – первой половины XX в. // *Славянский альманах*, 2008. — Москва : Издательство «Индрик», 2009. — С. 275–287. — <https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2009almanah2008.pdf>
- Созина 2011: Созина Ю. А. Слово из советской России в журнале «Нови свет» (1946–1952) // *Slovenica II. Словенский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. К юбилею И. В. Чуркиной*. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2011. — С. 275–284. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2011_Slovenica_II.pdf
- Созина 2012 а: Созина Ю. А. ВРАЗ Станко // *Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина*. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 79–80. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Lexicon_literatur.pdf
- *Созина 2012 б: Созина Ю. А. Гоголь на страницах словенских литературных журналов «Люблянский звон» и

«Дом ин свет» (конец XIX – начало XX в.) // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Ин-дрик», 2012. — С. 478–493. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanske_literatury.pdf

Созина 2013: Созина Ю. А. К эволюции переводов поэзии Лермонтова на словенский язык // М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян : Тезисы и материалы международной научной конференции. 5–6 ноября 2013 г. — Москва : ИСл РАН, 2016. — С. 80–82. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2013_Lermontov_v_kulture_tezisy.pdf

Созина 2014: Созина Ю. А. Поэзия Лермонтова у словенцев // Лермонтов М. Ю. = Lermontov M. J. «Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...»: стихотворения и поэмы = »Verjemi, ničevost je v naši družbi blagor ...« : pesmi in pesnitve / prevod Andrej Arko ... [et al.]. — Radovljica: Didakta, 2014. — S. 5–17.

*Созина 2016: Созина Ю. А. История переводов поэзии Лермонтова в Словении // М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян: Сборник статей / отв. ред. Л. Н. Будагова. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2016. — С. 60–74. — https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2016_lermontov.pdf

Созина 2018: Созина Ю. А. Словенский роман последней трети XX века как исследование человека и его «арены жизни». — Москва : ИСл РАН, 2028. — 288 с. — https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2018_sozina.pdf

*Созина 2020: Созина Ю. А. Золотой век русской поэзии: Словения // Маршрути на книжново общуване между източните и южните славяни (XI–XX век). Международна научна конференция, 21–22 ноември 2019 г., София. — София, 2020. — С. 279–288.

Созина 2021 а: Созина Ю. А. Новые страницы словенской Пушкинианы — онлайн // Межславянские культурные связи: результаты и перспективы исследований. — Мо-

сква : ИСл РАН, 2021. — С. 312–324. — <https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2021mks.pdf>

*Созина 2021 б: Созина Ю. А. Открытый доступ в действии: Словенская Пушкиниана — онлайн // Открытый доступ : альманах. — Москва : Библиотека иностранной литературы, 2021– . — 2021/1. — С. 41–53.

*Созина 2024: Созина Ю. А. А. С. Пушкин среди словенцев и первые немецкоязычные переводы. К 225-летию поэта // Открытый доступ : альманах. — 2024/2. — С. 142–156.

Србима 2006: Србима посланица из Москве / (адаптация текста В. К.) — Београд : Златоусти, 2006. — 42, 100 с. — (Нови Сад: Будущность.)

Старикова 1999: Старикова Н. Н. А. С. Пушкин в словенских переводах и литературной критике (XIX в.) // Славянский альманах 1998. — Москва : Индрик, 1999. — С. 228–234. — <https://inslav.ru/sites/default/files/editions/1999almanah1998.pdf>

Старикова 2000: Старикова Н. Н. Словенские переводы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина // А. С. Пушкин и мир славянской культуры (К 200-летию со дня рождения поэта). — Москва : Институт славяноведения РАН, 2000. — С. 90–98. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2000_Pushkin_i_mir_slavjanskoj_kultury.pdf

Старикова 2004: Старикова Н. Н. Ф. Прешерн и Ф. Л. Челаковский (к проблеме словенско-чешских литературных связей) // Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ Р. Р. Кузнецовой и А. Г. Широковой. — Москва, 2004. — 67–69 с. — <https://textarchive.ru/c-2905802-p10.html>

Старикова 2014: Словенская литература XX века / отв. ред. Н. Н. Старикова. — Москва : Индрик, 2014. — 325 с. — https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2014_slovenskaja_literatura.pdf

Старикова 2024: Старикова Н. Н. Полифония словенского художественного перевода: история, теория, практика //

Славянский альманах. — Москва : Индрик, 2024. — № 3–4. — С. 535–546. — <https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/article/view/310/341>

Степанова 2017: Степанова Е. В. Франце Прешерн. Жизнь и творчество. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 712 с.

Степанова 2021 а: Степанова Е. В. Фран Левстик — друг русского народа // Портал «Проза.ру» — Электронный ресурс: <https://proza.ru/2021/05/08/1502>

Степанова 2021 б: Степанова Е. В. Родоначальник реализма и критики в словенской литературе Фран Левстик. — Москва : ЛЕНАНД, 2021. — 410 с.

Т

Тауфер 2001: Тауфер В. Из опыта жизни «на границе» / пер. со словен. Т. Комаровой // Словенско-русский альманах: История, языкознание, публицистика, художественная литература Словении. — Москва : Общество содействия развитию связей между Словенией и Россией «Д-р Франце Прешерн», 2001. — С. 153–160.

Трубецкой 1937: Трубецкой Н. С. Къ вопросу о стихѣ «Пѣсень западныхъ славянъ» Пушкина // Белградский Пушкинский сборник / с предисловием Академика А. И. Белича; под ред. Е. В. Аничкова. — Белград : Издание Русского пушкинского комитета в Югославии, 1937. — С. 31–44. — <https://djvu.online/file/CowsSvJzdszlz>

Х

Хомяков 1860: Хомяков А. С. К сербам : Послание из Москвы. (*Aux Serbes, Épitre de Moscou.*) = Србљима : Послание изъ Москве. — Лейпциг : У Франца Вагнера, 1860. — [4], 100 с. — https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003574580?page=22&rotate=0&theme=white

Хомяков 1897: Алексей Степанович Хомяков : Его жизнь и соч. / [соч.] Валерия Ляковского. — Москва : Унив. тип., 1897. — VIII, [2], 176, II с. — <https://azbyka.ru/otechnik/>

Aleksej_Homyakov/aleksej-stepanovich-homjakov-ego-zhizn-i-sochinenija/

- Хомяков 1900: Хомяков А. С. Записки о всемирной истории // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. — 3-е изд., доп. — В 8 томах. — Москва : Унив. тип., 1886–1990. — Т. 5. — 1900. — V, 588 с. — https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-5/1
- Хомяков 1934: Хомяков А. С. Стихотворения = Poésies / вступ. ст. и примеч. В. А. Францева. — Praha: Orbis, 1934. — LXXIV, 163 с. — (Knihovna Slovanského ústavu v Praze.)
- Хорев 2012: Хорев В. А. «Тарас Бульба» в Польше // Н. В. Гоголь и славянские литературы. — Москва : Издательство «Индрик», 2012. — С. 239–247. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Gogolj_i_slavjanskije_literatury.pdf

Ч

- Чепелевская 1997: Чепелевская Т. И. Словенская литература // История литератур западных и южных славян: В 3 томах. — Т. 2: Формирование и развитие литератур Нового времени: Вторая половина XVIII века – 80-е годы XIX века. — Москва : Индрик, 1997. — С. 299–332. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/1997_Istorija_literatur_zapadnyx_i_juzhnyx_slav%27an_2.pdf
- Чепелевская 2012: [Чепелевская Т. И.] Трдина Янез // Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. — Москва : Индрик, 2012. — С. 474–475. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/2012_Lexicon_literatur.pdf
- Чуркина 1978: Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия / отв. ред. С. А. Никитин. — Москва : Издательство «Наука», 1978. — 392 с. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/1978_Churkina.pdf
- Чуркина 1986: Чуркина И. В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. / отв. ред. В. А. Дьяков. — Москва : Наука, 1986. — 224 с. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/1986_Churkina.pdf

Чуркина 2005: Чуркина И. В. Попытка словенцев и хорватов создать национальную церковь. — Электронная публикация в рамках Российско-болгарского научного проекта «Церковь и государство на Балканах» / науч. рук. проекта И. И. Калиганов. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2003–2005. — www.inslav.ru/konf_rubg.html ; <https://textarchive.ru/c-2099725.html> ; <https://uchebana5.ru/cont/1560761-p2.html>

Чуркина 2017: Чуркина И. В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2017. — 576 с.: ил. — https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2017_churkina.pdf

III

Шан-Гирей 1989: Шан-Гирей А. П. М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. — Москва : Худож. лит., 1989. — С. 33–55. — (Литературные мемуары.)

Шведова 1997: Шведова Н. В. Словацкая литература // История литератур западных и южных славян: В 3 томах. — Т. 2: Формирование и развитие литератур Нового времени: Вторая половина XVIII века – 80-е годы XIX века. — Москва : Индрик, 1997. — С. 169–200; 439–471. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/1997_Istorija_literatur_zapadnyx_i_juzhnyx_slav%27an_2.pdf

Шемякин 1998: Шемякин А. Л. Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1869–1891). — Москва : Издательство «Индрик», 1998. — 448 с. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/1998_Shemiakin.pdf

Штур 1992: Людовит Штур и его время. (К 175-летию со дня рождения). — Москва : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. — 120 с. — https://inslav.ru/images/stories/pdf/1992_Ljudovit_Shtur_i_jego_vremya.pdf

A

- Adelung 1818: Adelung F. Siegmund Freiherr von Herberstein : mit besonderer Ruecksicht auf seine Reisen in Russland. — St. Petersburg, 1818. — S. 450–460. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-0PIKZCLN/3ac65e20-3e4c-404d-b281-ea95fd1c2fad/PDF>
- Antologie 1860: Antologie Russischer Dichter / Metrisch ins Deutsche übersetzt von A. Wald. — Odessa : L. Rudolph's Buchhandlung, 1860. — 104 S. — https://www.google.ru/books/edition/Anthologie_Russischer_Dichter_Metrisch_i/UQleAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=Anthologie+Russischer+Dichter&printsec=frontcover
- Aškerc 1899 a: Aškerc A. Dve tri o našem gledališču in naši drami // Ljubljanski zvon. — Ljubljana : "Narodna Tiskarna", 1881–1941. — L. 19. — 1899. — Št. 2. — S. 290–301. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-KU72ZC5S/b7a105d3-ac2a-4cf4-8167-d07d08e0a2e9/PDF>
- Aškerc 1899 b: Aškerc A. »Slovanske knjižnice« snopič 84.–85. [Listek] // Ljubljanski zvon. — L. 19. — 1899. — Št. 6. — S. 388. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-MDDGQ4W3/5442529e-c968-4ae7-a66a-f518c6cb23a0/PDF>
- Aškerc 1900: [Andrej Andrejevič Kalašnikov] Русский кружокъ — Russkij kružók [Listek] // Ljubljanski zvon. — L. 20. — 1900. — Št. 2. — S. 133–136. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-POUUUU9L/987c6427-6378-4109-90b6-1baf19979e06/PDF>
- Aškerc 1901: Ves Prešeren v ruskem prevodu / poroča A. Aškerc // Ljubljanski zvon. — L. 21. — 1901. — Št. 1. — S. 53–59. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-PSTVNFFR/1c5d61bb-1244-44ca-9836-4f8e38996357/PDF>
- Aškerc 1903: Aškerc A. Dva izleta na Rusko. Črtice s potovanja // Ljubljanski zvon. — L. 23. — 1903. — Št. 8. — S. 473–483; — Št. 9. — S. 527–540; — Št. 10. — S. 586–599; — Št. 11. — S. 651–665; — Št. 12. — S. 714–730. — <https://>

dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-15ZCKPJ6/3cfc6be0-8967-45b7-a752-781f41a8b2f8/PDF

Aufmerksame, der 1837: Der Aufmerksame. — Graz: Andreas Leykam's Erben, 1814–1858. — 1837. — <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=afm&datum=1837&zoom=33>

B

Barle 1899: Barle J. Dr. Milivoj Šrepel // Dom in svet. — Ljubljana, 1888–1944. — L. 12. — Št. 9. — 01.05.1899. — S. 257–260. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-EHXVL0TB/cbf645a5-f027-4f12-bd82-8807eeb8969f/PDF>

Beiträge 1854: Beiträge zur Kenntniß der poetischen und wissenschaftlichen Literatur Rußlands. — Berlin : Druck und Verlag von E. S. Mittler und Sohn, 1854. — 204 s. — https://www.google.ru/books/edition/Beiträge_zur_Kenntniss_der_poetischen_u/4VsAAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=Beiträge+zur+Kenntniß+der+poetischen+und+wissenschaftlichen+Literatur+Rußlands.+—+Berlin,+1854&pg=PR1&printsec=frontcover

Biographisches 1891: Zusner, Vincenz // Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. — B. 60. — Wien, 1891. — S. 321–324. — <https://austria-forum.org/web-books/wurzbach60de1891kfu/000379>

Blätter 1830: Blätter für literarische Unterhaltung. — Leipzig: F. A. Brockhaus, 1826–1898. — 28.02.1830. — Nr. 59. — S. 233–236. — https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/90030/273?tx_dlf%5Bpagegrid%5D=0&cHash=9dfdbc0be1f7342c999475fe8cca21bf

Borko 1933: [Borko B.] O slovanofilskem pesniku Homjakovu // Jutro. — Ljubljana, 1931–1943. — L. 3. — Št. 88. — 14.04.1933. — S. 3.

Bučar 1888: Bučar V. Rusko slovstvo [Slovstvo] // Dom in svet. — L. 1. — Št. 8. — 20.08.1888. — S. 127–128. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-DQTUJWXG/c15d7106-2fde-4745-8f9a-4412d252d3a7/PDF>

Bučar 1891: V. B-r Rusko slovstvo [Slovstvo] // Dom in svet. — L. 4. — Št. 2. — 01.02.1891. — S. 92–93. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-RCN0IGSV/8119f352-df28-42be-b5ed-e6308ce01952/PDF>

Bučar 1892: Bučar V. Rusko slovstvo [Slovstvo] // Dom in svet. — L. 5. — Št. 12. — 01.12.1892. — S. 574–575. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-RCDKM3MH/43b6b79c-2d7e-4805-b1be-2e23a28278ad/PDF>

Bučar 1893: V. B-r Rusko slovstvo [Slovstvo] // Dom in svet. — L. 6. — Št. 12. — 01.12.1893. — S. 575–576. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-QN1SFCBK/057f1dc4-f8fb-49fa-a380-1d08651996af/PDF>

C

Cankar Iz. 1909: Bregar F. Golobje. Pripovedovanje // Dom in svet. — L. 22. — Št. 6. — 01.06.1909. — S. 268–272; — Št. 7. — 01.07.1909. — S. 299–303. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-3ZO0V3K7/879fcffd-0700-4b63-8613-25cd86d39315/PDF>

Cankar Iv. 1896: Cankar I. Anton Aškerc // Ljubljanski zvon. — L. 16. — 1896. — Št. 10. — S. 623–627. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-DJICTFVS/dc992982-aa04-4e1d-a5a9-2a31b14ca38f/PDF> ; — Št. 12. — S. 747–751. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-OBXKB8H9/bf968387-6515-49f1-a4bb-93cf9ecce831/PDF>

Celestin 1883: Celestin F. J. Naše obzorje // Ljubljanski zvon. — L. 3. — 1883. — Št. 1. — S. 45–52; — Št. 2. — S. 113–119; — Št. 3. — S. 169–172; — Št. 4. — S. 236–243; — Št. 5. — S. 320–327; — Št. 6. — S. 394–398; — Št. 7. — S. 454–457. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-IBBYUKWN/d1208abe-16c4-4ead-9c4c-82065b1338af/PDF>

Celestin 1886: Celestin F. J. Vissárion Grigórjevič Bêlinskij // Ljubljanski zvon. — L. 6. — 1886. — Št. 1. — S. 36–42. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-H6A793AI/fc0303f4-46c7-454e-bb77-1900aba70a4e/PDF>; — Št. 2. —

S. 100–105. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-V2FDZTBQ/031ae2cc-3ea6-41a2-bab3-8bf96526c4c9/PDF>; — Št. 3. — S. 164–169. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-1MMFKUHC/12f4d184-40d3-41e2-8358-dcabf142d1d3/PDF>; — Št. 4. — S. 223–226. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-KWOS80ZU/0917f0e6-b3d6-4ffb-a735-863f1021278f/PDF>; — Št. 5. — S. 278–281. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-J5UIJDQI/17c41bc2-c7cd-408f-a092-577ce545e567/PDF>

Cernetic 1968: Cernetic D. M. Slovenian translations of Pushkin's poetry and prose (1853–1901) : A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of arts / In the Department of Slavonic Studies. — Canada, Vancouver : The University of British Columbia, 1968. — 147 p. — <https://open.library.ubc.ca/soa/cIRcle/collections/ubctheses/831/items/1.0104614?o=0>

Č

Čelakovský 1833: Z Anthologie Ruské / od Fr. L. Čelakowského // Časopis Českého museum. — R. b. 7. — Zv. 4. — W Praze : Nakladem Českého museum, 1833. — S. 359–370. — <https://books.google.ca/books?id=Wq8DAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Čelakovský 1892: Čelakovský F. L. Vseslovanské počatečtení čtení. — Č. II: Z pisemnictví ruského. — V Praze, 1892. — 240 s.

Čelakovský 1950: Čelakovský F. L. Básnické spisy / k vydání připravil K. Dvořák. — Praha : Nakladatelství Vyšehrad, 1950. — 586 s.

D

Deutscher 1938: Deutscher Musenalmanach für das Jahr 1839. — Leipzig : Weidmannsche Buchhandlung, 1838. 262 s. — https://www.google.ru/books/edition/Deutscher_Musalmanach/T8s6AAAACAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=D+eutscher+Musenalmanach+für+das+Jahr+1839&printsec=frontcover

- Dom 1888: Slovenska Matica [Slovstvo] // Dom in svet. — Ljubljana, 1888–1944. — L. 1. — Št. 1. — 20.01.1888. — S. 15. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-LJBQHNZT/cf80d1cd-8830-48ce-b54e-8776d2deed80/PDF>
- Dom 1892: Severus. Hrvaško slovstvo. Knjige »Matice Hrvatske« za leto 1891 [Slovstvo] // Dom in svet. — L. 5. — Št. 6. — 01.06.1892. — S. 283–284. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-QCAAY2WR/1b7655c6-4073-4af9-897f-a8593b8cd664/PDF>
- Dom 1894: Slovanska knjižnica [Književnost] // Dom in svet. — L. 7. — Št. 10. — 15.05.1894. — S. 318. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-ZYAWF7YL/fbc90e6a-29e6-4404-8740-8f2037d04dc8/PDF>
- Dom 1895: Bele noči [Slovenska književnost. Književnost] // Dom in svet. — L. 8. — 1895. — Št. 19. — S. 605. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-NJD04C95/e9c53c30-4399-4104-bc43-21522cc77178/PDF>
- Dom 1899: Božična noč [Slovenska književnost. Književnost] // Dom in svet. — L. 12. — Št. 14. — 15.07.1899. — S. 448. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-L3JOWUDS/a864cec3-15b8-4ae8-84d4-43ff5159c84b/PDF>
- Dom 1900: i + a. Ruska književnost [Književnost] // Dom in svet. — L. 13. — Št. 14. — 15.07.1900. — S. 447–448. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-QIPV49YB/76eee7ad-0d8b-4b7d-8ed4-ba9d39cc0461/PDF>; Št. 20. — 15.10.1900. — S. 638–639. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-FXWKOQ53/cb79905f-5f35-4977-833b-f07cb6d9066c/PDF>
- Dom 1901 a: † Janez Vesel [To in ono] // Dom in svet. — L. 14. — Št. 1. — 01.01.1901. — S. 63. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-UMFXQN2U/9e014106-a020-4dd6-8956-dfc2e9603a7b/PDF>
- Dom 1901 b: Reforma srednjega šolstva v Rusiji [To in ono] // Dom in svet. — L. 14. — Št. 10. — 01.10.1901. — S. 642. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-YNRJZGR7/d85591b1-9fa5-43a1-85db-efc626e6dc36/PDF>

- Dom 1902 a: Gogolj v grščini [To in ono] // Dom in svet. — L. 15. — Št. 2. — 01.02.1902. — S. 126. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-CS4FP7SJ/5cbb72ca-769a-486f-8bf2-96ae76d2eb3e/PDF>
- Dom 1902 b: –n. Iz drugih književnosti [Književnost]; Nikolaj Vasiljevič Gogolj [To in ono] // Dom in svet. — L. 15. — Št. 4. — 01.04.1902. — S. 250; 254–255. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-KAGLHXT2/b2933b51-3743-4ca4-b7f2-4e28e44ca7db/PDF>
- Dom 1902 c: Poljaki in Rusi [To in ono] // Dom in svet. — L. 15. — Št. 9. — 01.09.1902. — S. 574. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-MJFF7SB5/3c590297-d0a6-47ac-be5c-f91bab168474/PDF>
- Dom 1903 a: –n. Vasilij Andrejevič Žukovskij [To in ono] // Dom in svet. — L. 16. — Št. 3. — 01.03.1903. — S. 190–191. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-TUQ9UAA5/0c100001-639f-4024-a62b-1eb4f0cbfdd5/PDF>
- Dom 1903 b: Ruska [Književnost] // Dom in svet. — L. 16. — Št. 5. — 01.05.1903. — S. 311. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-UTF13CGH/872f9941-c88c-4077-a942-95a4cccd18ca/PDF>
- Dom 1903 c: Vilém Mrštík: Babetta, Verunka a drobné povídky. Náklad. družstvo Máje, Praha. Cena K 320. — Alois Mrštík: Rok na vsi. Kronika moravské Dědiny. Románová knihovna Máje. Pořádá dr. R. I. Kronbauer. Svasek I [Književnost: Česka] // Dom in svet. — L. 16. — Št. 8. — 01.08.1903. — S. 507–508. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-CPQKB6RI/66bd93f5-315c-4097-b0c9-166fe9497b0e/PDF>
- Dom 1903 d: V. A. Slêpcov; Število izdanih knjig v Petrogradu Ruska [To in ono: Naše slike] // Dom in svet. — L. 16. — Št. 10. — 01.10.1903. — S. 635; 636. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-G04WXTIE/080e97c9-55d8-467b-9e4a-1f272a758a53/PDF>

- Dom 1903 i: Gogolj [Književnost: Iz drugih književnosti] // Dom in svet. — L. 16. — Št. 11. — 01.11.1903. — S. 702. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-HDJRAS4E/0f61136c-e511-404b-9900-e6ddcddfc3ae/PDF>
- Dom 1904: A. M. Ksaver Meško: Ob tistih večerih [Književnost: Slovenska]; I. D. Gogoljevi spisi [To in ono] // Dom in svet. — L. 17. — Št. 3. — 01.03.1904. — S. 172–173; 185. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-JZCYQFOH/d3fa0abc-3d4c-4cdc-a03e-c1eda2885e6c/PDF>
- Dom 1905 a: Dmitriji Vasiljevič Averkijev; Daniel Lukič Mordovcev [To in ono: Naše slike] // Dom in svet. — L. 18. — Št. 4. — 01.04.1905. — S. 254; 255. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-X2FX46JU/c4921f6b-95c7-4348-bc62-efe4e0e19a50/PDF>
- Dom 1905 b: C. O Maksimu Gorkem [To in ono: Naše slike] // Dom in svet. — L. 18. — Št. 9. — 01.09.1905. — S. 575. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-9VJN943M/7f87025f-da72-40d2-8e48-45c279178bea/PDF>
- Dom 1906: Gogoljeva dela [To in ono: Naše slike] // Dom in svet. — L. 19. — Št. 6. — 01.06.1906. — S. 384. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-IKIHXLB6/f08fe9f5-0291-49a5-a317-d60f4711bdd6/PDF>
- Dom 1908: Slavistika [To in ono: Naše slike] // Dom in svet. — L. 21. — 1908. — Št. 1. — S. 47. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-MZNXCKSY/39210341-f2da-4a0f-a3fc-5d4302061fd0/PDF>
- Dom 1909 a: Dela P. A. Kuliša [Književnost: Rusinska: Iz novejše rusinske književnosti] // Dom in svet. — L. 22. — Št. 6. — 01.06.1909. — S. 285. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-EMD7NXDL/20525cb1-73c1-4212-a904-0aa08575b014/PDF>
- Dom 1909 b: Fr. Ks. Meško: Obrázky a povídky [Književnost: Slovenska] // Dom in svet. — L. 22. — Št. 9. — 01.09.1909. — S. 429. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-MAJQ3M1F/d0d7d17e-19d7-4856-b375-21f77e4664e1/PDF>

Dom 1939: Dve pesmi Mihajla J. Lermontova. Ob 125 letnici rojstva: Kazaška uspavanka / S. Šali; Molitev / T. Debeljak // Dom in svet. — L. 51. — 1939. — Št. 9. — S. 532–533. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-O1JWZRII/7fcb6988-dca7-42fd-9e4a-f03161dd167c/PDF>

Dom 1943: Gruzinska pesem. Od Lermontova — Prevedel Drag. Kette // Dom in svet. — L. 55. — 1943. — Št. 1. — S. 158. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-YAKYYKSS/d97ddb1d-41d2-48a4-af3a-a1eeef2d5ea6/PDF>

E

Erjavec 1909: Erjavec A. Aleksej Vasiljevič Koljcov. Kritiško-biografska črtica // Dom in svet. — L. 22. — Št. 5. — 01.05.1909. — S. 213–215; — Št. 6. — 01.06.1909. — S. 263–267. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-WMVFKJJ5/47dd83e6-2475-487b-a0a3-9582d0e86012/PDF>

Evgenij 1896: Evgenij. Pisma prijatelju visokošolcu // Zora : Glasilo slovenskega katoliškega dijaštva. — Dunaj–Zagreb–Ljubljana, 1895–1921. — L. 2. — Dunaj, 1896. — Št. 1. — S. 2–8. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-OKJJHWMN/8ae8a578-839e-4484-bad3-3803dcb5e3dc/PDF>

G

Glazer 1903: Glazer K. Nemška »moderna«. Iz novejšje nemške književnosti // Dom in svet. — L. 16. — Št. 5. — 01.05.1903. — S. 303–305. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-UTF13CGH/872f9941-c88c-4077-a942-95a4cccd18ca/PDF> ; — Št. 6. — 01.06.1903. — S. 367–371; — Št. 8. — 01.08.1903. — S. 491–497. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-QVT4SKIX/ad6640c2-31ca-42ae-83c6-d1fd991632b7/PDF>

Glonar 1910: Glonar J. A. S. Puškin : Jevgenij Onegin // Ljubljanski zvon. — L. 30. — 1910. — Št. 3. — S. 181–183. —

<https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-ERB4YYAU/d09d42a5-beef-4ff5-9589-31e260095897/PDF>

Gogolj 2010: Gogolj N. Izginulo pismo: Gogoljeva kratka proza, korespondenca in ohranjeno besedilo drugega dela Mrtvih duš / prev. U. Zabukovec, B. Kraševac; spremna beseda M. Javornik, B. Podlesnik. — Ljubljana : Študentska založba, 2010. — 617 s. — (Knj. Zbirka Beletrina.)

Göstl 1896: Göstl F. Dr. Fran Celestin // Ljubljanski zvon. — L. 16. — 1896. — Št. 2. — S. 99–104. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-ACFGCCKG/2a6818a9-2d3e-4d30-9cc7-6d23c9054e0a/PDF> ; — Št. 3. — S. 145–147. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-A7TNZU1F/f43c5e72-391d-4330-b55e-69a3f84331a4/PDF> ; — Št. 5. — S. 292–297. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-ZS3TIIUY/5aeb4e9f-280a-4775-a6d9-d150302eddbbe/PDF>

Grivec 1901: F. Ks. G. Ignacij Nikolaevič Potapenko // Dom in svet. — L. 14. — Št. 4. — 01.04.1901. — S. 193–199. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-V408XPOF/56ae720e-728f-4d78-8d6d-93300fea206f/PDF>

Grivec 1902: F. Ks. G. Vladimir Galaktionovič Korolenko // Dom in svet. — L. 15. — Št. 8. — 01.08.1902. — S. 492–495. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-2HDBKVE9/da7bbba9-0236-448a-a3be-f1457c392388/PDF>

Grivec 1925: Grivec F. Iz ruske verske književnosti // Slovenec. — Ljubljana : Ljudska tiskarna, 1873–1945. — L. 53. — Št. 259. — 14.11.1925. — S. 3–4. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-IPSRSTNI/00809002-f9d9-4c4d-9514-9d048c6b140e/PDF>

H

Haxthausen 1847–1852: Haxthausen A. v. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. — Berlin–Hannover: B. Behr's Buchhandlung — der Hahn'schen Buchhandlung, 1847–1852. — Th. 1. — XX, 492 S. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-ACJXHZKT/>

c5b86e73-4461-482d-a6ab-b6275f1f0751/PDF ; — Th. 2. — VII, 584 s. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-ACJXHZKT/d5eef6d6-ebcd-49dc-94cf-dd5a60aaf2ad/PDF> ; — Th. 3. — VIII, 640 s. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-ACJXHZKT/41dce7d6-ff94-4e47-bcad-85ef1c669ad5/PDF>

Hart 1885: Hart J. Orient und Occident: eine Blütenlese aus den vorzüglichsten Gedichten der Weltliteratur : in deutschen Übersetzungen : nebst einem biografisch-kritischen Anhang. — Minden i., Westf : J. C. C. Bruns' verlag, 1885. — 587 S. — <https://play.google.com/books/reader?id=ohaeD6n8xjC&pg=GBS.PA407&hl=ru>

Hofman 1957: Hofman A. Die Prager Zeitschrift "Ost und West". Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-slawischen Verständigung im Vormärz. — Berlin : Akademie-Verlag, 1957. — 360 S. — (Veröffentlichung des Instituts für Slawistik / Deutsche Akademie der Wissenschaften, Berlin; № 13.)

Homjakov 1912: Homjakov A. S. Spokornik // Dom in svet. — Ljubljana, 1888–1944. — L. 25. — 1912. — Št. 3. — 25.03.1912. — S. 94. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-YLK2NF51/dc33ec7a-e209-4b52-9e30-b6200f76b7f3/PDF>

Hribar 1881: Aleksander Sergejevič Puškin in njegove poezije (Predavanje g. Ivana Hribarja) // Slovenski narod. — Maribor–Ljubljana, 1868–1943. — L. 15. — Št. 94. — 25.04.1882. — S. 1–3. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-XX54OH2U/67839fa8-5f33-4071-8dde-0f992eb2fce3/PDF> ; — Št. 95. — 26.04.1882. — S. 1–3. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-PM2F4R9A/8e83cce3-ddb6-46de-b5ca-36ee577d2781/PDF> ; — Št. 96. — 27.04.1882. — S. 1–2. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-QXEQ3F7R/834e6e96-2f01-48ba-812a-a946697c490a/PDF> ; — Št. 97. — 28.04.1882. — S. 1–3. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-O3XDRB7J/d6655227-0018-4efd-8b55-6e3019db3d86/>

PDF ; — Št. 98. — 29.04.1882. — S. 1–3. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-YIP0IU6W/b026cc87-c8fb-4ed5-9dad-006ea614d1ea/PDF>; — Št. 99. — 01.05.1882. — S. 1–3. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-9DF2EPDP/f5ab94f3-d2e0-449f-bb6b-d2f2bceff2e03/PDF>

I

Illyrisches 1838 a: Illyrisches Blatt : Zeitschrift für vaterländisches Interesse, Wissenschaft, Unterhaltung und Belehrung. — Laibach : Ignaz Alois Edler v. Kleinmayr, 1819–1849. — 27.10.1838. — Nr. 43. — 169–172 S. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-W8MW4XTB/5e31236d-6ec3-4ae7-ad80-94cadea121da/PDF>

Illyrisches 1838 b: Illyrisches Blatt. — 08.12.1838. — Nr. 49. — 193–196 S. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-2D8B7HVB/eb4dfe5d-5660-4aa3-b538-bf012cd3d929/PDF>

Illyrisches 1840: Illyrisches Blatt. — 27.02.1840. — Nr. 9. — 41–44 S. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FRZAZZY1/564ec450-b6ea-4de9-b920-319517032f0f/PDF>

J

Javornik 2010: Javornik M. Gogoljeve maske in njihov lišp // Gogolj N. Izginulo pismo: Gogoljeva kratka proza, korespondenca in ohranjeno besedilo drugega dela Mrtvih duš. — Ljubljana : Študentska založba, 2010. — S. 547–579.

Javornik 2023: Javornik M. Prevajanje Aleksandra Sergejeviča Puškina // Zgodovina slovenskega literarnega prevoda II: slovenska literatura v dialogu s tujino. — Ljubljana : Založba Univerze – Cankarjeva založba, 2023. — S. 1039–1049.

K

Klopčič 1946: Klopčič M. Predgovor // Puškin A. S. Izbrani pesmi. Prvi zvezek. — Ljubljana : Slovenski knjižni zavod, 1946. — S. 5–12.

Kmetijske 1852: Kmetijske in rokodelske novice. — Ljubljana : Jožef Blaznik – Rajko Perkovič, 1843–1902. — L. 10. — Št. 102. — 22.12.1852. — S. 405–408. — <https://dlib.si/>

stream/URN:NBN:SI:doc-EM8H1Z8N/cd0b5209-9406-43da-8af9-e96999fe127a/PDF

Kmetijske 1853: Kmetijske in rokodelske novice. — L. 11. — Št. 73. — 10.09.1853. — S. 289–292. — <http://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-2H9MNR4W/cdf6c406-ed0b-4ac8-be86-a4b4578794b7/PDF>

Kmetijske 1855: Kmetijske in rokodelske novice. — L. 13. — Št. 81. — 10.10.1855. — S. 321–324. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-8GCO0YIQ/3f9feb74-3a1b-4b56-9622-55d650d5ff09/PDF>

Kohl 1845–1846: Kohl J. G. Petersburg in Bildern und Skizzen. — Dresden–Leipzig: in der Arnoldischen Buchhandlung, 1845–1846. — T. 1. — XII + 372 S.; — T. 2. — VI + 436 s.; — T. 3. — XII + 462 + 6 S. — <https://dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-R0MHF2VI?euapi=1&query=%27keywords%3dpuschkin%40OR%40fts%3dpuschkin%27%27&sortDir=ASC&sort=date&pageSize=25&year=1845-1846>

Koledar 1903: Koledar Družbe sv. Cirila in Metoda v Ljubljani za prestopno leto 1904. — Ljubljana : Narodne tiskarne, 1903. — 124 s. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-VJDTMYQC/531e0382-3407-4ae3-ab67-1ab67baccae1/PDF>

Kollar 1843: Cestopis obsahující cestu do Horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Bavorsko se zvláštním ohledem na slavjanské živly roku 1841 konanou a sepsanou od Jana Kollára. — W Pešti, 1843. — 363 s.

Kos 1980: Kos J. Romantika. — Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1980. — 87 s. — (Literarni leksikon. — Zv. 6.)

Kovačič 1895: Kovačič F. Ogled po bolgarski književnosti // Dom in svet. — L. 8. — 1895. — Št. 8. — S. 254–255; — Št. 11. — S. 350–351; — Št. 12. — S. 380–383; — Št. 17. — S. 542–543; — Št. 18. — S. 571–574; — Št. 19. — S. 605–608; — Št. 24. — S. 767–768. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-ZNJQI81R/b2e08128-5cb0-4b8e-9cfd-ffa6a820b0c2/PDF>

Krakar 1978: Krakar L. Lermontov in Slovenci // Krakar L. Prepletanja. — Ljubljana : Cankarjeva založba, 1978. — S. 201–285.

Kreft 1937: Kreft B. Puškin kot dramatik // Ljubljanski zvon. — L. 57. — Ljubljana, 1937. — Št. 1/2. — S. 19–26. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-DBATAR0C/0aacdb0f-f2c8-4262-b569-260ef9cc73ad/PDF> ; Št. 3/4. — S. 113–119. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-KDVS2EN5/0c00fc6d-e791-4738-b75c-f4bf5781439f/PDF>

Kreft 1952: Kreft B. Puškin in Shakespeare. — Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1952. — 112 s.

Kreft 1956: Kreft B. Portreti. — Ljubljana, 1956. — 423 s.

Kreft 1958: Kreft B. Fragmenti o slovensko-ruskih stikih // Slavistična revija: časopis za jezikoslovje in literarne vede. — Ljubljana, 1948– . — L. XI. — 1958. — Št. 1/2. — S. 90–108. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-2XFQWBX5/6bbf5e0d-ef87-4d7c-8ed1-592464a622d5/PDF>

L

Lah 1904: Lah I. Tjutčev in Homjakov // Dom in svet. — L. 17. — 1904. — Št. 5. — 01.05.1904. — S. 273–279. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-DHJVYSIV/b9001c4d-9bee-4c00-9189-2b1d74476f4b/PDF> ; Št. 6. — 01.06.1904. — S. 360–366. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-9HL05GBT/2f916285-e0fa-4246-8a74-97837960e5ed/PDF>

Laibacher 1789 a: Laibacher Zeitung. — Laibach (Ljubljana) : Ignaz Alois Edler v. Kleinmayr, 1784–1918. — Nr. 23. — 04.06.1789. — 4 s. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-67983XPE/23355372-fe68-4921-9319-820d64a4bcc5/PDF>

Laibacher 1789 b: Laibacher Zeitung. — Nr. 44. — 27.10.1789. — 4 S. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-P4775RJG/7c865ba3-74dd-4723-a950-b330ba3b6fdd/PDF>

- Laibacher 1842: Laibacher Zeitung. — Nr. 89. — 05.11.1842. — 8 S. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-QTH6WN6R/c3243a90-8d37-4827-a89f-13d4f197076b/PDF>
- Laibacher 1846: Anhang zur Laibacher Zeitung. — Nr. 156. — 31.12.1846. — 783–784 S. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-3JJESV59/901470ac-b50e-4355-8f46-10ae20a8094f/PDF>
- Lampe 1898: E. L. Hrvaška književnost [Književnost] // Dom in svet. — L. 11. — Št. 14. — 15.07.1898. — S. 447–448. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-4B5I9ZKH/1f3a1491-608a-4c17-ade9-682a0fc9a2f9/PDF>
- Lampe 1901: Dr. E. L. Ruska književnost [Književnost] // Dom in svet. — L. 14. — Št. 11. — 01.11.1901. — S. 702–703. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-IPNLW8MS/e75c6a8e-ef82-4030-b397-681c6a5064bd/PDF>
- Lampe 1902: Dr. E. L. Petdesetletnica pisateljevanja grofa Tolstega // Dom in svet. — L. 15. — Št. 10. — 01.10.1902. — S. 614–617. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-E92JSOAQ/3ea27ef6-ff6e-4a34-b776-7ecf8d309b14/PDF>
- Legiša 1959: Legiša L. Romantika // Zgodovina slovenskega slovstva. — Ljubljana : Slovenska matica, 1956–1971. — Zv. II: Romantika in realizem I. — 1959. — S. 3–176.
- Lenard 1907: Lenard L. Od absolutizma do konstitucije v Rusiji // Čas : Znanstvena revija »Leonove družbe«. — Ljubljana, 1907–1942. — L. 1. — 1907. — Št. 2. — S. 74–80. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-IV3UFWBQ/dec3f8d0-c3aa-4d73-8597-d6b1f358e4a1/PDF>
- Lenard 1909a: Lenard L. Dr. Ljudevit Gaj. Knjegovi stoletnici // Dom in svet. — L. 22. — Št. 9. — 01.09.1909. — S. 427–428. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-MAJQ3M1F/d0d7d17e-19d7-4856-b375-21f77e4664e1/PDF>; — Št. 10. — 01.10.1909. — S. 472–475. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-CU37T2QG/9c1bd5cf-6439-4b9a-b377-f03f1abfffa4/PDF> ; — Št. 11. — 01.11.1909. — S. 517–519. — <https://www.dlib.si/stream/>

URN:NBN:SI:doc-SEMOIHG8/06d96f63-cea8-4b91-8ee0-2c75971ba673/PDF;—Št.12.—01.12.1909.—S.558–569.—
<https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-8OZSKDE6/00a4b882-fa3c-4bc7-b543-54f3d0857d0f/PDF>

Lenard 1909 b: Dr. L. L. Dva slovanska jubileja [To in ono] // Dom in svet. — L. 22. — Št. 5. — 01.05.1909. — S. 234–236. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-CFSBQQB5/2ab25903-5261-420e-8415-cd0373cfe5b1/PDF>

Lenard 1909 c: Lenard L. Nekaj slovanskih vprašanj // Čas : Znanstvena revija »Leonove družbe«. — Ljubljana : Leonova družba, 1907–1942. — L. 3. — 1909. — Št. 1/2. — S. 80–86. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-ZKVKOCZH/fed1e101-e5c5-459d-877a-a0dcdabc66cb/PDF>

Lenard 1909 d: Lenard L. Sveti večer na Ukrajini // Dom in svet. — L. 22. — Št. 1. — 01.01.1909. — S. 34–40. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-Z2FF7LFO/43fc77cd-11de-485b-9bc8-ebefda8eb5e0/PDF>

Lenard 1913: Lenard L. Profesor dr. Maryan Zdziechowski // Dom in svet. — L. 26. — Št. 3. — 25.03.1913. — S. 106–110. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-PG1GFM9D/6cf02fe9-d17b-4608-83ca-72186e4d8c7c/PDF>

Lermontov 1894: Lermontov M. J. „Выхожу одинъ я на доро-ry...” // Slovanski svet. — Ljubljana–Trst–Dunaj, 1888–1899. — L. VII. — Trst, 1894. — Št. 22. — 25.11.1894. — S. 428. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-IHFBDUEP/a5ff7342-c029-487a-a8ff-110bf9464199/PDF>

Lermontov 1909: M. J. Lermontova izbrane lirične pesmi v slovenskem prevodu / prev. L. Lénard. — V 12 zv. — Celje : Zvezne tiskarne, 1905–1906. — 384 s.

Lermontov 1921: Lermontov M. J. Kazaška uspavanka / prev. Iv. Matelič // Mladika. — Gorica : Družba sv. Mahorja, 1920–1941. — L. 2. — 1921. — Št. 9/10. — S. 145. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-YMMPSTGC/3cfab402-89d7-4104-898c-9a514b9a93f2/PDF>

- Lermontov 1923: Lermontov M. J. Tamara / iz ruščine Ivan Matelič // *Ženski svet*. — Trst : Konzorcij Ženski svet, 1923–1941. — L. 1. — 1923. — Št. 11. — S. 259. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-AUI9MU1T/92e90e3a-c938-4fca-a3ef-86f4b8fef610/PDF>
- Lermontov 1928: Lermontov M. J. — Venceslav Sejavec. Kazaška uspavanka // *Naš čolnič*. — Gorica : Konzorcij Našega čolnica, 1923–1929. — L. 6. — 1928. — Št. 2. — S. 36. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-AUI9MU1T/92e90e3a-c938-4fca-a3ef-86f4b8fef610/PDF>
- Lermontov 1935: Lermontov M. J. Pesem o carju Ivanu Vasiljeviču, mladem opričniku in pogumnem trgovcu Kalašnikovu / V. Smolej // *Mladika*. — L. 16. — 1935. — Št. 16. — S. 262–267. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-IJRXYF2U/a0a4d04e-0a7c-436d-8a3d-b1c604bdbf4e/PDF>
- Lermontov 1939: Pesmi M. J. Lermontova / prevedel M. Klopčič // *Ljubljanski zvon*. — L. 59. — 1939. — Št. 11/12. — S. 557–558. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-SDK1XF10/5314e055-3bd6-4631-964e-6be79171c88e/PDF>
- Lermontov 1940: Dve pesmi M. J. Lermontova / prevedel M. Klopčič // *Ljubljanski zvon*. — L. 60. — 1940. — Št. 5/6. — S. 238–239. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-W9ZTDVM4/34d8fe52-8aa0-4c40-b6fb-288bf20d3f16/PDF>
- Lermontov 1961: Izbrano delo Mihaila Jurjeviča Lermontova / prevedel M. Klopčič. — Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1961. — 472 s.
- Lermontov 2015: Sanje: Izbrano delo Lermontova. — Maribor : Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, 2015. — 264 s. — (Mednarodna knjižna zbirka Zora. — Zv. 104.)
- Letopis 1870: Letopis Matice Slovenske za 1870. — Ljubljana : Jožef Blaznik, 1870. — 372 s. + 2 podobi. — <https://dlib.si/>

stream/URN:NBN:SI:DOC-QCHINZ9Q/d8c47323-14be-4cdc-99ba-83d8f5368fdb/PDF

- Levec 1965: Levec F. Odlični slovenski pesniki in pisatelji. Simon Jenko // Levec F. Eseji, študije in potopisi. — Ljubljana : Slovenska matica, 1965. — 537 s.
- Levstikovi 1891: Levstikovi zbrani spisi. — V 5 zv. — Ljubljana : l. pl. Kleinmayr & F. Bamberg, 1891–1895. — Zv. I: Poezije I. — 1891. — 306 s. — <http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:doc-LVLWF6H1>
- Ljubljanski 1881 a: [Slovenski glasnik] // Ljubljanski zvon. — Ljubljana : “Narodna Tiskarna”, 1881–1941. — L. 1. — 1881. — Št. 6. — S. 385–387. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-REZHNUUE/b8865a49-9a80-44db-b495-dc0b91d9bbf5/PDF>
- Ljubljanski 1881 b: Spomenik Gogolju [Slovenski glasnik] // Ljubljanski zvon. — L. 1. — 1881. — Št. 8. — S. 514. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-GC1JMOCR/16e5179b-386d-4130-aa2f-f867f73e44ed/PDF>
- Ljubljanski 1883 a: Ruska književnost [Slovenski glasnik] // Ljubljanski zvon. — L. 3. — 1883. — Št. 3. — S. 207–208. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-STKLVPWH/9be117e1-123c-41c2-a1bb-27163328b2c9/PDF>
- Ljubljanski 1883 b: Ljubljanski zvon. — L. 3. — 1883. — Št. 8. — S. 481–544. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-SS7265IH/e443bae4-9b9e-48a6-92e5-1259ef77dc75/PDF>
- Ljubljanski 1883 c: Ruska književnost pri romanskih narodih [Slovenski glasnik] // Ljubljanski zvon. — L. 3. — 1883. — Št. 9. — S. 608. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-VCLPGPR9/9bd5d42f-1982-4214-9ee2-57e11ec2cb28/PDF>
- Ljubljanski 1883 d: Slovenski glasnik // Ljubljanski zvon. — L. 3. — 1883. — Št. 10. — S. 667–672. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-7IPKWGCK/181760b9-b8bf-4d5a-a805-c37c1987968b/PDF>
- Ljubljanski 1884 a: Ruska književnost [Slovenski glasnik] // Ljubljanski zvon. — L. 4. — 1884. — Št. 1. — S. 64. —

<https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-CVCCA0MM/c0db4ec5-0cf2-478e-b254-16bd224d7765/PDF>

Ljubljanski 1884 b: Ruska književnost [Slovenski glasnik] // Ljubljanski zvon. — L. 4. — 1884. — Št. 3. — S. 191. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-BERIBTCC/5bd2cceb-741d-4919-a343-f383e5918716/PDF>

Ljubljanski 1885: [Slovenski glasnik] // Ljubljanski zvon. — L. 5. — 1885. — Št. 7. — S. 441–447. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-SFC5PYZA/09d7ffef-e2cb-48dc-bb37-48c1f934b282/PDF>

Ljubljanski 1887 a: Slovani v nemški književnosti [Listek] // Ljubljanski zvon. — L. 7. — 1887. — Št. 1. — S. 61–62. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-67OQLYDP/b24bb29d-b5da-4bc9-8859-31dce35a08b1/PDF>

Ljubljanski 1887 b: »Matica Slovenska« [Listek] // Ljubljanski zvon. — L. 7. — 1887. — Št. 12. — S. 766–767. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-2YMYQGXO/a1268353-09f7-4d4c-bd55-fa32463bea2f/PDF>

Ljubljanski 1888: Občni zbor »Matice Slovenske« [Listek] // Ljubljanski zvon. — L. 8. — 1888. — Št. 5. — S. 313–314. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-XE6TLZS7/9cdddbb7-0dd7-496d-b5a0-a844f8d78993/PDF>

Ljubljanski 1889: Ruska književnost [Listek] // Ljubljanski zvon. — L. 9. — 1889. — Št. 8. — S. 509–510. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-YHCCRVR2/d894c9b2-0239-4d6e-a506-86e2ac4b389c/PDF>

Ljubljanski 1891: »Russkaja biblioteka« [Listek] // Ljubljanski zvon. — L. 11. — 1891. — Št. 12. — S. 767. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-CO7SCV6L/99faa497-9c77-47c4-9ce8-aba7e9014e96/PDF>

Ljubljanski 1893: Slovensko gledališče [Listek] // Ljubljanski zvon. — L. 13. — 1893. — Št. 1. — S. 61. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-KFQQPHX9/380e09d6-31dc-4b79-930d-293c3e09c155/PDF>

- Ljubljanski 1895: Listek // Ljubljanski zvon. — L. 15. — 1895. — Št. 2. — S. 118–128. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-YIBIKWO7/f905f59d-2a0a-4dbd-9155-bd221c7b6b32/PDF>
- Ljubljanski 1897: Listek // Ljubljanski zvon. — L. 17. — 1897. — Št. 5. — S. 305–324. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-GZK91JTN/aeb59dd8-01db-4615-ba63-46b88c21cc27/PDF>
- Ljubljanski 1900: Slovensko gledališče; Listek // Ljubljanski zvon. — L. 20. — 1900. — Št. 1. — S. 57–61; 65–68. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-D62M7ZMA/d414b135-84ed-4718-9738-4e70ed713589/PDF>
- Ljubljanski 1901: Književne novosti // Ljubljanski zvon. — L. 21. — 1901. — Št. 8. — S. 566–575. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-BVVM1CVO/14e3f019-1cf1-4331-849d-04a26fddcf12/PDF>
- Ljubljanski 1902: Književne novosti // Ljubljanski zvon. — L. 22. — 1902. — Št. 4. — S. 280. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-MHTONUAS/dfe61193-0427-40ec-9057-d521a1d87720/PDF>
- Ljubljanski 1903 a: Галицко-русская Матица, Научно-литературный сборник [Knjižni novosti] // Ljubljanski zvon. — L. 23. — 1903. — Št. 2. — S. 121. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-ZYWVNH5F/0a2f63c3-e05b-4927-91fb-81006c87499c/PDF>
- Ljubljanski 1903 b: V. N. Korabljev [Knjižni novosti] ; Rusko predavanje [Splošni pregled] // Ljubljanski zvon. — L. 23. — 1903. — Št. 3. — S. 185–186; 192. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-F7KPYEDD/86acfb06-9b14-4f7b-a261-ae9a74d78f83/PDF>
- Ljubljanski 1904 a: Janko P. Vasilij L. Veličko; Katere pisatelje čita najraje učeča se ruska mladina [Splošni pregled] // Ljubljanski zvon. — L. 24. — 1904. — Št. 3. — S. 192. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-1E9I4XMZ/d9580035-fbf3-4746-98ba-6281bd5f657c/PDF>

Ljubljanski 1904 b: Ljubljanski zvon. — L. 24. — 1904. — Št. 5. — S. 257–320. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-TXHJJOZF/79d9d1f2-e78a-497a-8c39-8171dae76bed/PDF>

Ljubljanski 1909 a: Gogoljev spomenik v Moskvi [Splošni pregled] // Ljubljanski zvon. — L. 29. — 1909. — Št. 5. — S. 255. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-KYL0RC5W/77f7c12f-f26d-40ef-810c-2107153efd5b/PDF>

Logar 1955: [J. Lr.] Aufmerksam, der // Enciklopedija Jugoslavije. — Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ : Jugoslavenski leksikografski zavod, 1955–1971. — Knj. 1: A–Bosk. — 1955. — S. 235. — https://catalog.libfl.ru/Record/BJVVV_707632

M

Macun 1849 a: Macun I. Oglas Jugoslovanske Krestomanije // Slavjanski rodoljub. Mesečni časopis na svitlobo dan od Slavjanskiga društva v Terstu. — Terst : Tiskarnica Austrianskega Lloydja, 1848. — L. I. — Št. 4. — 29.06.1849. — S. 35–36 [16–20 + pril. 35–37]. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-2RUUFGHU/a4c210e5-a381-4158-b94f-e80cb3670b48/PDF>

Macun 1849 b: Macun I. Oglas Jugoslovanske Krestomanije // Sloveninja. — Ljubljana : Jožef Blaznik, 1848–1850. — L. II. — Št. 58. — 20.07.1849. — S. 232 [229–232]. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-I1FFG6KI/5be4afe0-8406-48b3-886b-36061e10dd5d/PDF>

Macun 1849 c: Macun I. Oglas Jugoslovanske Krestomanije // Slovenske novine. — Celje : J. K. Jeretin, 1848–1849. — L. II. — Št. 29. — 19.07.1849. — S. 119–120 [119–122]. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-21UVJ86A/2cc58816-4a31-4f8b-84d5-e4e9a18d39d4/PDF>

Macun 1850: Macun I. Cvetje jugoslavjansko s dodanimi cveti drugih slavjanskih vertov. — I : Cvetje slovenskiga pesništva. — U Terstu : Tiskarnica Austrianskega Lloydja,

1850. — 270 s. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-TZWJKXHW/f39ff886-a3b5-4dc5-967b-8f5d499a8755/PDF>
- Macun 1852: *Kratko krasoslovje o pèsniètvu sa dodanim pregledom najglasovitih pèsnikah gèrèkih, rimskih, romanskih, englezkih, nèmaèkih i slavenskih / složeno po J. Macunu.* — U Zagrebu : Narodna tiskarna L. Gaja, 1852. — 35 s.
- Marjanović 1899: Marjanović M. »Moderna« v hrvaški umetnosti // *Ljubljanski zvon.* — L. 19. — 1899. — Št. 9. — S. 536–548. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-YADEJZPE/65e3aa20-ce8e-4ef5-81d5-df0f0dd9489c/PDF>
- Miklošič 1853: *Slovensko berilo za peti gimnazijalni razred / izdal Franc Miklošič.* — Na Dunaju : C. K. Zaloga Bukev Za Šole Pri Sv. Ani, 1853. — 190 s. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-S1U3FRQQ/3c3067e7-518b-4779-b18b-ba32299e29b2/PDF>
- Mosenthal 1883: Mosenthal S. H. *Deborah: narodna igra v štirih dejanjih.* — Ljubljana : Dramatično društvo, 1883. — 416 (119+135+50+43+39+30+7) s. — (Slovenske Talijske : zbirka dramatiènih del in iger. Zv. 52.) — https://www.europeana.eu/et/item/2020127/URN_NBN_SI_DOC_1PT4INEK
- Murko 1889: Murko M. V provinci na Ruskem // *Ljubljanski zvon.* — L. 9. — 1889. — Št. 5. — S. 278–284; — Št. 6. — S. 337–344; — Št. 7. — S. 419–428; — Št. 8. — S. 457–465; — Št. 9. — S. 529–542; — Št. 10. — S. 583–593; — Št. 11. — S. 660–679; — Št. 12. — S. 709–723. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-HEV94DOG/a628c131-d62f-4bec-8454-80aa76924ee4/PDF>
- Murko 1892: [—r—] *Misli s èeške razstave* // *Ljubljanski zvon.* — L. 12. — 1892. — Št. 1. — S. 12–19. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-OOR19SHT/7bf92312-c6b5-46d5-a5fd-92da53b97adc/PDF> ; — Št. 2. — S. 75–84. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-LVI1GEI6/59ddd821-6ceb-4896-a45f-85a678715004/PDF>

Murko 1905: Murko M. Milivoj Šrepel // Ljubljanski zvon. — L. 25. — 1905. — Št. 5. — S. 282–289; — Št. 6. — S. 330–335; — Št. 7. — S. 426–431. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-VBE9FS2G/01f7f1c6-e30f-4c92-9efb-e869d552a1e3/PDF>

O

Ost 1937: Zwei Gedichte von A. Puschkin // Ost und West. Blätter für Kunst, Literatur und geselliges Leben. — Prag, 1837–1846. — Jakob Sambs in Prag, 1837. — № 13. — S. 101. — <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno-plus?aid=ouw&datum=1837&page=107&size=45>

Ošaben 1897: Ošaben J. Vzori in boji : 69. Cena prostosti. — Kako malo ljudje mislijo! — Horacov izrek. — Prepirl o Mohorjevi družbi. — Krivoverec. — Nikolaj Gogolj. — Prvič v Vrbi. — Nedeljski dnevni red. — Vprašanja in odgovori // Dom in svet. — L. 10. — Št. 17. — 10.09.1897. — S. 529–533. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-JW2UGR4D/260b5bc2-58ec-4a99-9b46-99cd191ceb49/PDF>

P

Pibernik 1983: Pibernik F. Čas romana : pogovori s slovenskimi pisatelji. — Ljubljana : Cankarjeva založba, 1983. — 303 s.

Pisma 1937: Pisma Ivana Prijatelja s študijskega potovanja 1903–1904 / Priobčuje R. Nahtigal // Ljubljanski zvon. — L. 57. — 1937. — Št. 7–8. — S. 301–313. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-O6WRUUG9/5b7f9e67-0126-4c9d-b2a2-d147a621c1c8/PDF> ; — Št. 9–10. — S. 420–425. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-ONNRTUH5/796e78cd-b280-4a3f-8212-46b3278a50ce/PDF> ; — Št. 11–12. — S. 528–534. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-BWAKT5LL/dd0c108d-617b-410a-b25c-1bc66bc46bdc/PDF>

Pius II 1509: Pius II. Cosmographia Pii papae in Asiae et Europae eleganti descriptione Asia. — Parrhisiis : Per Henricum Stephan um., 1509. — 152 leaves. — <https://>

archive.org/details/cosmographiapiip00pius/page/n25/
mode/2up

- Podlesnik 2010: Podlesnik B. Posmrtna maska iz lateksa // Gogolj N. Izginulo pismo: Gogoljeva kratka proza, korespondenca in ohranjeno besedilo drugega dela Mrtvih duš. — Ljubljana : Študentska založba, 2010. — S. 583–617.
- Poljanec 1938: Poljanec A. Vloga slovanstva v preteklosti in sedajosti // Sodobnost. — Ljubljana : Slovenska književna zadruga R.Z.Z.O.Z., 1933–1941. — L. 6. — 1938. — Št. 7–8. — S. 318–329. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-AAIIA6Y7/968db15a-92ab-476b-b5f1-7fcbcc60ab9c/PDF>; Št. 9–10. — S. 431–441. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-VAE3AEGC/9dba46f2-2672-476d-8c51-2f9d4ba216d5/PDF>
- Preobraženski 1915: Preobraženski N. F. Razvoj umevanja in periodizacije ruske zgodovine // Ljubljanski zvon. — L. 35. — 1915. — Št. 5. — S. 230–236. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-SBC92G3G/d5997f08-9b30-4d64-8c1f-02e304acc8f8/PDF> ; Št. 6. — S. 257–267. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-LW8CZPEG/0df6fc10-cdf1-4b03-a5a7-2209046682fb/PDF> ; Št. 7. — S. 326–330. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-RPGEKPJT/517ecc5d-3ce3-49b4-912f-596873f9a559/PDF> ; Št. 8. — S. 362–373. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-9F3J4LIO/5c8c983c-0569-4120-a6cb-2f429e4745bc/PDF>
- Prešeren 1847: Poezije Dóktorja Francéta Prešérna. — V Ljubljani : Natisnil Jóžef Bláznik, 1847. — 196 s.
- Prešeren 1966: Prešeren F. Zbrano delo. — Knj. 2. — Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1966. — 376 s.
- Prešeren 1996: Prešeren F. Zbrano delo / ponat. izd. iz leta 1965. — Knj. 1. — Ljubljana : DZS, 1996. — 361 s.
- Prešeren — Puškin 2001: F. Prešeren — A. S. Puškin (ob 200-letnici njunega rojstva) = Ф. Прешерн — А. С. Пушкин

кин (к 200-летию их рождения). — Ljubljana : Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2001. — 226 s.

Prevodi 1873: Prevodi ruskih pesnikov / Ivan Vesel // Zora : Časopis za zabavo in poduk. — T. II. — Št. 16. — Maribor, 15.08.1873. — S. 241–242. — URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FYPXNQ1I/a54d3af1-7f4c-4159-a3c0-019a9daf612a/PDF> ; Št. 17. — 01.09.1873. — S. 257–258. — URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-YV87RX1Y/504dd972-fff1-4b63-a989-46fdbfa518db/PDF> ; Št. 18. — 15.09.1873. — S. 273–274. — URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-35IUQK2T/d90a4728-2ff9-4c6e-8942-dc9a2021b2df/PDF> ; Št. 19. — 01.10.1873. — S. 289–290. — URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-C2811LKM/770f1cb8-a0c6-4e68-bd14-074c055e565e/PDF> ; Št. 20. — 15.10.1873. — S. 305–306. — URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-BDB1O0T4/6370d0e8-ddd1-4f2f-b0c5-81f60fc9c77e/PDF> ; Št. 21. — 01.11.1873. — S. 321–322. — URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-AKQSGB4R/3b46711c-9ba6-48a4-a2a7-8dec7fe2b9b6/PDF> ; Št. 22. — 15.11.1873. — S. 337–338. — URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-MXO1F216/28b8bad6-20aa-43fa-8304-d2f0bde2ca3d/PDF> ; Št. 23. — 01.12.1873. — S. 353–354. — URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-T8RF7H8D/b3869305-983f-422a-9c2f-1852af3ed9a4/PDF> ; Št. 24. — 15.12.1873. — S. 369–370. — URL: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-8MB5QQHE/2b54b94b-6cf3-4508-9883-04152b793aed/PDF>

Prijatelj 1900: Prijatelj I. Ruski roman in moderna francoska književnost // Ljubljanski zvon. — L. 20. — 1900. — Št. 2. — S. 101–107. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-POUUUU9L/987c6427-6378-4109-90b6-1baf19979e06/PDF>

Prijatelj 1901 a: Prijatelj I. Maksim Gorkij : Biografska črtica // Ljubljanski zvon. — L. 21. — 1901. — Št. 1. — S. 38–40. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-PSTVNFFR/1c5d61bb-1244-44ca-9836-4f8e38996357/PDF>

- Prijatelj 1901 b: Prijatelj I. Monolog pomladnega večera // Ljubljanski zvon. — L. 21. — 1901. — Št. 9. — S. 610–618. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-KA0BYJXF/84e1c603-a93f-4973-8063-e150fffd47/PDF>
- Prijatelj 1901 c: Prijatelj I. Puškin v slovenskih prevodih // Zbornik znanstvenih in poučnih spisov. Zv. 3 / uredil L. Pintar. — Ljubljana : Slovenska matica, 1901. — S. 52–89. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-NTC19AEL/98a3ac8a-a797-45ae-a980-204f057b843c/PDF>
- Prijatelj 1902: Prijatelj I. Gogolj. Dva portreta // Ljubljanski zvon. — L. 22. — 1902. — Št. 5. — S. 347–351. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-S2K9B5O3/5366a1b7-bbef-410b-96cc-2f0fcef03cd5/PDF>
- Prijatelj 1904: Prijatelj I. Pismo iz Moskve. K stoletnici Homjakova // Ljubljanski zvon. — L. 24. — Ljubljana, 1904. — Št. 6. — S. 331–334. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-YOUMLTSY/3ffc1467-b262-4305-8e60-f078ddf65a7f/PDF> ; Št. 7. — S. 407–411. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-ZZMQHR5T/001b2d4d-f54d-4a26-9108-d9b1d425f64a/PDF>
- Prijatelj 1906 a: Prijatelj I. A. N. Pypin // Ljubljanski zvon. — L. 26. — Ljubljana, 1906. — Št. 1. — S. 31–38; — Št. 2. — S. 104–108; — Št. 3. — S. 153–155; — Št. 4. — S. 215–221. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-4NWML611/3739d3df-2187-496d-a34e-aa05098e3179/PDF>
- Prijatelj 1906 b: [Prijatelj I.] Minka Govékarjeva: Ruska moderna // Ljubljanski zvon. — L. 26. — Ljubljana, 1906. — Št. 7. — S. 445–447. <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-QJAFV3O6/134188ab-867a-4407-ad7a-b2cc3687d5ec/PDF>
- Prijatelj 1910: Prijatelj I. Slovenski prevod »Jevgenija Onjegina« // Ljubljanski zvon. — L. 30. — Št. 4. — S. 94. — <http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-P2OROMTL/?euapi=1&sortDir=ASC&sort=date&pageSize=25&fyea>

r=1911&query=%27rele%253dVeda%40AND%40date%3d1911%40AND%40issue%3d1%27

Prijatelj 1911: Prijatelj I. Puškin in slovenski jezik // Veda : Dvomesecnik za znanost in kulturo. — L. 1. — Št. 1. — S. 243–246. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-DKO2M1LZ/378fcc4-f760-4d75-b347-c1f14325c139/PDF>

Prijatelj 1921: Prijatelj I. Predhodniki in idejni utemeljitelji ruskega realizma. — Ljubljana : Narodna tiskarna, 1921. — 418 s. — (Pota in cilji : zbirka poljudno-znanstvenih spisov; zv. 7-9.)

Prijatelj 1936: Prijatelj I. Dostojevski in Tolstoj : dva literarnozgodovinska eseja. — Ljubljana : Akademska založba, 1936. — 169 s. — (Akademska biblioteka; 6.)

Puschkin 1840: Alexander Puschkin's Dichtungen. — Leipzig : Verlag von Wilhelm Engelmann, 1840. — B. 1. — 316 S. — <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nnc1.0023660686&seq=335>

Puschkin 1854: Alexander Puschkin's poetische Werke. — Berlin : Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1854. — B. 1. — 320 S. — https://www.google.ru/books/edition/_/cp4oAAAAYAAJ?hl=ru&gbpv=1

Puškin 1950: Puškin A. S. Izbrano delo. — Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1949–1967. — Zv. 1: Pesmi. — 1950. — 278 s.

Puškin 1962: Puškin A. S. Evgenij Onegin / poslovenil R. Bordon. — Maribor : Obzirja, 1962. — 548 s.

Puškin 1963: Puškin A. S. Pesmi / prevedel M. Klopčič, tri pesmi prevedel O. Župančič, eno B. Vodušek. — Ljubljana : Mladinska knjiga, 1963. — 130 s.

Puškin 1967: Puškin A. S. Evgenij Onegin / poslovenil M. Klopčič. — Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1967. — 248 s.

Puškin 1974: Puškin A. S. Poezija / prevedel M. Klopčič. — Ljubljana : Mladinska knjiga, 1974. — 130 s.

- Puškin 1987: Puškin A. S. Evgenij Onegin / prevedel M. Klopčič. — Ljubljana : Mladinska knjiga, 1987. — 343 s.
- Puškin 1994: Puškin A. S. Evgenij Onegin / prevedel M. Klopčič; ponovna izdaja. — Ljubljana : Mladinska knjiga, 1994. — 343 s.
- Puškin 1998: Puškin A. S. Evgenij Onegin / prevedel M. Klopčič; ponovna izdaja. — Ljubljana : Mladinska knjiga, 1998. — 343 s.
- Puškin 2022 a: Jevgenij Onjegin [Braillova pisava] / prevedel M. Klopčič; v brajico prilagodil M. Srebrnič. — 5 zv. — Ljubljana : Zveza društev slepih in slabovidnih Slovenije, 2022. — 715 s. — (Zbirka Klasiki Kondorja.)
- Puškin 2022 b: Pikova dama [Braillova pisava] / spremna beseda V. Cuderman; prevod V. Slapar Ljubutin; v brajico prilagodil M. Srebrnič. — 1 zv. — 169 s. — Ljubljana : Zveza društev slepih in slabovidnih Slovenije, 2022. — (Zbirka Klasiki Kondorja.)
- Puškin 2002 c: Puškin A. S. Poezija / prevedel M. Klopčič, soprevajalki S. Gregorčič, M. Jesih, J. Mencinger, B. Vodušek, O. Župančič; dvojezična izdaja. — Ljubljana : Mladinska knjiga, 2002. — 214 s.

R

- Raab 1964: Raab H. Die Lyrik Puškins in Deutschland (1820–1870). — Berlin : Akademie-Verlag, 1964. — 209 S. — (Veröffentlichung des Instituts für Slawistik / Deutsche Akademie der Wissenschaften, Berlin. — № 33.)
- Rode 1982: Rode M. Fran Levstik kot prevajalec // Levstikov zbornik. Simpizij 1981. — Ljubljana : Slovenska matica, 1982. — S. 181–184.
- Rozman 1853: Rozman J. Kratka dogodivščina slavianskega sveta // Drobtince za novo leto 1853. — V Celovcu : Janez Leon, 1853. — S. 228–238. — <http://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-LR7ZEDFY/90b24dfb-7851-4e0f-9dad-32f203a66ea0/PDF>

Ruska 1901: Ruska antologija v slovenskih prevodih. — Gorica : »Goriška Tiskarna« – A. Gabršček, 1901. — 464 s. — <http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-L2FBXZHS/?euapi=1&query=%27keywords%3druska+antologija+v+slovenskih+prevodih%27&sortDir=ASC&sort=date&pageSize=25>

Rusko 1869: Rusko-Puškinovih Petero v slovenskim jeziku svobodno perih po Ivanu Koseskim // Novice gospodarske, obrtniške in narodne. — L. 27. — 1869. — Št. 2. — 13.01.1869. — S. 12–13; — Št. 4. — 27.01.1869. — S. 28–30; — Št. 5. — 03.02.1869. — S. 38–40; — Št. 7. — 17.02.1869. — S. 54–55; — Št. 8. — 24.02.1869. — S. 62–63; — Št. 9. — 03.03.1869. — S. 70–71; — Št. 11. — 17.03.1869. — S. 86; — Št. 12. — 24.03.1869. — S. 94; — Št. 13. — 31.03.1869. — S. 101–102; — Št. 14. — 07.04.1869. — S. 110–111; — Št. 16. — 21.04.1869. — S. 125; — Št. 17. — 28.04.1869. — S. 133–134; — Št. 18. — 05.05.1869. — S. 141–142; — Št. 19. — 12.05.1869. — S. 149–150; — Št. 20. — 19.05.1869. — S. 157–158; — Št. 21. — 26.05.1869. — S. 167–168; — Št. 22. — 02.06.1869. — S. 174–176. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-MC9YMNAD/a901ddef-e397-40a8-9047-4cfcdb93156d/PDF>

S

Slovanski svet 1890: Dr. C. O slavjanofilih // Slovanski svet. — Ljubljana–Trst–Dunaj, 1888–1899. — L. III. — Ljubljana, 1890. — Št. 19. — 10.10.1890. — S. 306–307. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-KCHOMDEW/663585f9-a1da-4b08-9493-36bcaf810392/PDF>

Slovanski svet 1891: Slovanski svet. — L. IV. — Trst, 1891. — Št. 2. — 25.01.1891. — S. 28. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-8QWIHCJX/856e5bbe-422b-4af6-95ca-d8b78c4f3cab/PDF> ; Št. 6. — 25.03.1891. — S. 97. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-NKRB6MOZ/a4dc97c2-c0ea-445f-a215-b3e5864e2b6e/>

- PDF ; Št. 9. — 10.05.1891. — S. 148. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-DNDYGLJ6/9a749ccd-991c-4933-911f-e8ca97f4a424/PDF> ; Št. 10. — 25.05.1891. — S. 161. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-SOMVOB6Z/e8abf074-b68b-4ee7-98f0-9d6c2f542e16/PDF>
- Slovenec 1877: Slovenec. — L. 5. — 18.12.1877. — Št. 141. — 4 s. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-PRYHKFAP/d3fdd459-f174-47e9-aa20-fa55e52986a0/PDF>
- Slovenec 1933: [jok] Zapadna kultura in njeni kritiki // Slovenec. — L. 61. — 17.08.1933. — Št. 185. — 8 s. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-QZI0AXZO/0ca7d142-c814-4a13-9fe5-3d5841e51b38/PDF>
- Slovenija 1848: Slovenija. — Ljubljana: Jožef Blaznik, 1848–1850. — L. 1. — Št. 10. — 04.08.1848. — S. 37–40; — Št. 11. — 08.08.1848. — S. 41–44; — Št. 12. — 11.08.1848. — S. 45–48; — Št. 13. — 15.08.1848. — S. 49–52; — Št. 16. — 25.08.1848. — S. 61–64. — <https://dlib.si/details/URN:NBN:SI:spr-VBKUJXQT>
- Slovenska 1853: Slovenska Bčela: podučen in kratkočasen list. — V Celovcu : Natisnil Ferd. žl. Kleinmajr, 1850–1853. — Zv. 44. — Št. 22. — 02.06.1853. — 144 s. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-SVKFTH3Q/94ea9dbc-780f-439e-9fe8-7273cf4a769d/PDF>
- Slovenske 1889: Slovenske večernice za pouk in kratek čas. — Celovec : Družba sv. Mahorja, 1860–. — Zv. 43. — 1889. — 144 s. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-X6ML3FBL/7f8c29f4-6ace-4618-9697-4416277e2764/PDF>
- Slovenski glasnik 1859: Slovenski glasnik. Lepoznansko-podučen list / Vredil in izdal Anton Janežič, c.k. učitelj više realke v Celovcu. — 1858–1868. — L. 2. — Št. 11. — Celovec: J. Leon, 01.06.1859. — S. 167–182. — <https://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:doc-88MYCVDJ>
- Slovenski glasnik 1863: Slovenski glasnik. Lepoznansko-podučen list. — L. 6. — Št. 11. — 01.11.1863. — S. 297–320. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:>

SI:doc-PS07TCTR/7a0f5661-a0ca-47b8-b050-cc2017
cd39d4/PDF

Slovenski glasnik 1864: Slovenski glasnik. Lepoznansko-
podučen list. — L. 7. — Št. 2. — 01.02.1864. — S. 33–68. —
<https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-WY2WWK8A/ffa5add3-7581-4ecc-aba9-0a0d233d7286/PDF> ; —
Št. 4. — 01.04.1864. — S. 101–132. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-GKLIKHJF/bb78ce51-25ee-4438-a5c8-845b2fba1cf1/PDF>

Slovenski narod 1878: Slovenski narod. — L. 11. — Št. 37. —
14.02.1878. — S. 1–3. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-6GVCVAHR/20a140ae-56ba-4dbc-a322-28a4a581c0b1/PDF> ; — Št. 38. — 15.02.1878. —
S. 1–3. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-F8CQI2SB/099c0234-bd6b-4f8a-8b6a-ce1683dce4e4/PDF>

Sodobnost 1993: Koliko nas jezik še določa kot narod? / Ciril
Zlobec, urednik, 24.1.1993 // *Sodobnost*. — Ljubljana :
Cankarjeva založba, 1963– . — L. 41. — Št. 3/4. —
1993. — S. 219. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-4QI5SN9Y/cf59c4dc-eaea-4b81-987f-4dca670f63f7/PDF>

Snoj 1968: Snoj J. Simbolizem Josipa Murna // Murn J.
Pesmi. — Maribor : Obzorja, 1968. — S. 227–306.

Snoj 1994: Snoj J. Dom, otožje: curriculum vitae v verzih. —
Ljubljana : Mihelač, 1994. — 83 s.

Svetič 1888: Svetič F. Naturalizem // *Ljubljanski zvon*. — L. 8. —
1888. — Št. 6. — S. 359–364. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-58ARB7PS/05a99a73-38d1-441b-867b-0cbced07ade6/PDF> ; — Št. 7. — S. 402–412. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-E0CDBWS5/97276db3-e2ba-4199-816f-a1fb98b07b1b/PDF>

Svetič 1896: Svetič F. O novih slovstvenih strujah v Slovencih //
Ljubljanski zvon. — L. 16. — 1896. — Št. 10. — S. 600–604. —
<https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-DJICTFVS/dc992982-aa04-4e1d-a5a9-2a31b14ca38f/PDF> ; — Št. 11. —
S. 663–667. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc->

82JR0MJB/863e5113-e4f6-44ae-81b5-9723d3168e56/
PDF

Svetič 1902 a: Svetič F. Viktor Hugo : O stoletnici njegovega rojstva // Ljubljanski zvon. — L. 22. — 1902. — Št. 5. — S. 294–297. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-S2K9B5O3/5366a1b7-bbef-410b-96cc-2f0fcef03cd5/PDF>

Svetič 1902 b: Svetič F. † Emil Zola // Ljubljanski zvon. — L. 22. — 1902. — Št. 11. — S. 753–758. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-YOTLXU7P/d1d34eee-6591-417c-b96e-8e4c0b5e7cc6/PDF>

Svetina 1888: Svetina J. »Vvod v Modroslovje« [Slovensko slovstvo / Slovstvo] // Dom in svet. — L. 1. — Št. 9. — 20.09.1888. — S. 143. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-QWYRGW32/03b4d9ad-60e8-4549-885f-6686891fdbbc1/PDF>

Š

Šanda 1900: Šanda I. Gledališke igre [Književnost: Slovenska književnost] // Dom in svet. — L. 13. — Št. 4. — 15.02.1900. — S. 125. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-HPNILAMZ/627a9826-fcca-4734-92c0-1dc0d7578500/PDF>

Štifter 1904 a: Prof. Štifter. † A. P. Čehov [To in ono] // Dom in svet. — L. 17. — Št. 8. — 01.08.1904. — S. 506. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-DGXF6QD8/865ca177-48fe-4d41-98d9-915235138961/PDF>

Štifter 1904 b: Prof. Štifter (Kaluga). Spomini po A. P. Čehovu // Dom in svet. — L. 17. — Št. 9. — 01.09.1904. — S. 574–576. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-GGS6ICYW/0967f5fa-d4d2-459f-82d4-901d536c563b/PDF>

Štingl 1906 a: Fr. Št. Kaj čita rusko preprosto ljudstvo [To in ono: Naše slike] // Dom in svet. — L. 19. — Št. 5. — 01.05.1906. — S. 319–320. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-EXFANT4Y/701731a0-9c32-448a-a51b-bb96d4c02a77/PDF>

Štingl 1906 b: Fr. Št. Karel Havlíček-Borovský; Ruski pisatelj Jasinski [To in ono: Naše slike] // Dom in svet. — L. 19. — Št. 9. — 01.09.1906. — S. 574–575; 575–576. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-FK8GG5PN/2127c261-3c70-4047-ba59-52343b7d3cdc/PDF>

Štrekelj 1883–1884: Štrekelj K. Novejši pisatelji ruski // Ljubljanski zvon. — L. 3. — 1883. — Št. 9. — S. 586–593; — Št. 10. — S. 655–659; — Št. 11. — S. 717–720; — Št. 12. — S. 785–790; L. 4. — 1884. — Št. 2. — S. 106–110; — Št. 3. — S. 174–179; — Št. 4. — S. 237–241; — Št. 5. — S. 297–304; — Št. 6. — S. 361–367; — Št. 9. — S. 557–563; — Št. 11. — S. 685–689; — Št. 12. — S. 749–755. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-WDME0NOM/b2063704-3e1c-4baf-9349-05ad9c9e31ed/PDF>

Štrekelj 2014: Štrekelj K. Zgodovina slovenskega slovstva / ur. M. Ogrin; [besedilo za izdajo pripravili in opombe napisali D. Dolinar ... et al.] ; [izdali] Inštitut za slovensko literaturo in literarne vede ZRC SAZU [in] Slovenska akademija znanosti in umetnosti [in] Karl-Franzens-Universität Graz, Geisteswissenschaftliche Fakultät, Institut für Slawistik. — Ljubljana : Založba ZRC, ZRC SAZU, 2012–<2014>. — S. 656–1340. — III. del: Romantična doba; IV. del: Slovensko slovstvo po Prešernu. — <https://omp.zrc-sazu.si/zalozba/catalog/download/1264/5338/1316-1?inline=1>

T

Terseglav 1910: Terseglav F. Misticizem in krščanstvo // Čas : Znanstvena revija »Leonove družbe«. — L. 4. — 1910. — Št. 4–5. — S. 153–164. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-B9DQ8XMI/9a49b605-ca35-485a-808e-9406dd2f4864/PDF>

Trdina 1850 a: Jan. T..d..a. Pripovedka od zlate hruške. I. del za učene // Ljubljanski časnik. — Ljubljana : Jožef Blaznik, 1850–1851. — L. 1. — Št. 70. — 29.11.1850. — S. 280. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-GRI38810/74a93bf0-6147-4a0e-ac8f-19e85df72e83/>

PDF ; Št. 71. — 03.12.1850. — S. 284. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-O2BTGP9Z/d9ae0cd7-f2c0-42e9-861d-ae089d5ce09a/PDF> ; Št. 72. — 06.12.1850. — S. 288. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-22TJNDCH/cb450bf3-bc6e-4b20-aa17-8d57e5b1e3fd/PDF>

Trdina 1850 b: T..d..a. Pretres slovenskih pesnikov // Ljubljanski časnik. — L. 1. — Št. 74. — 13.12.1850. — S. 296. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-JAPSQ960/4129f10c-45a2-4f21-8d37-bcbb42038eda/PDF> ; Št. 75. — 16.12.1850. — S. 300. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-6CXCTJZM/51b07331-4570-4ff1-8d1c-287314a90e11/PDF> ; Št. 76. — 20.12.1850. — S. 304. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-BOV4DQ8P/757e5078-3ae0-4d11-898e-5daaf207d614/PDF> ; Št. 77. — 24.12.1850. — S. 308. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-8UER1L8I/43c3d788-d846-4479-928d-8314c1e5adb7/PDF> ; Št. 78. — 27.12.1850. — S. 312. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-A5P1ZA6Y/73c2e2e8-b86b-4841-8b61-56bcf83623d8/PDF> ; Št. 79. — 31.12.1850. — S. 316. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-GFQ1G08M/56ea3b4e-ae78-4328-93c3-19ac05719116/PDF>

Trošt 1893: Dobravec. Med valovi življenja : Povest // Dom in svet. — L. 6. — 1893. — Št. 3. — S. 118–123; — Št. 5. — S. 221–226; — Št. 6. — S. 262–269; — Št. 7. — S. 314–321; — Št. 8. — S. 356–363; — Št. 9. — S. 400–407. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-ALSRNHT5/e25d1d86-bacb-4447-a6d2-216a9ca83115/PDF>

U

Učiteljski 1879: Učiteljski tovariš : stanovsko politično glasilo J.U.U.-sekcije za Dravsko banovino v Ljubljani. — Ljubljana : J.U.U.-sekcija za Dravsko banovino, 1861–1941. — L. 19. — Št. 12. — 15.06.1879. — S. 177–192. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-BDFF34SU/5ec4035b-d75e-4dcf-9aab-d9b39ea84115/PDF>

V

- Vedež 1848: Védež : Časopis za mladost sploh, pa tudi za odrašene proste ljudi. — Ljubljana : Rozalija Eger, 1848–1850. — L. 1. — Št. 14. — 05.10.1848. — S. 105–112. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-KTERWLJN/411b1be9-820c-42a7-a531-a296196c7e56/PDF>
- Vesel 1873: Vesel I. Prevodi iz ruskih pesnikov // Zora : časopis za zabavo in poduk. — Maribor, 1872–1878. — T. II. — Št. 16. — S. 241–242. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FYPXNQ1I/a54d3af1-7f4c-4159-a3c0-019a9daf612a/PDF>
- Vesel-Koseski 1870: Razne dela pesniške in igrokazne Jovana Vesel-Koseskiga, finančniga svetovavca. — Ljubljana : Matica Slovenska, 1870. — 690 s. — <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-K6RIXPPK/0559ce0f-5e9a-46d2-a55c-0fc2633b8f7d/PDF>
- Volynskij 1901: Volynskij A. L. Ruska poezija // Ljubljanski zvon. — L. 21. — 1901. — Št. 8. — S. 543–549. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-BVVM1CVO/14e3f019-1cf1-4331-849d-04a26fddcf12/PDF> ; — Št. 9. — S. 619–626. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-KA0BYJXF/84e1c603-a93f-4973-8063-e150fffd47/PDF>
- Volynskij 1902: Volynskij A. L. Ruski novelisti // Ljubljanski zvon. — L. 22. — 1902. — Št. 1. — S. 27–32. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-6YOFRWZB/53ea3970-88e1-4516-a96c-09dd3d831154/PDF> ; — Št. 2. — S. 88–92. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-VMITPQXQ/d999cafe-3d7c-4e81-8e17-a498e144b427/PDF> ; — Št. 3. — S. 156–158. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-2UYY3CJW/1e2cf65f-16b3-4425-aeed-be68d43e3cac/PDF> ; — Št. 4. — S. 232–236. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-MHTONUAS/dfe61193-0427-40ec-9057-d521a1d87720/PDF>
- Vošnjak 1908: Vošnjak B. Slovanski shod v Pragi // Ljubljanski zvon. — L. 28. — 1908. — Št. 10. —

S. 601–606. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-5BYC81LZ/928f7342-ff55-4365-bdc4-085017b2f5ac/PDF>; Št. 11. — S. 666–672. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-ZE63KH0P/c61167f2-e922-4921-9b43-3de343c9dc17/PDF>

Vraz 1841: Vraz S. Glasi iz dubrave Žerovinske. — U Zagrebu : Tiskom K. P. Ilir. nar. tiskarne Dra. Ljudevita Gaja, 1841. — XII + 152 s. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-8Z4WYN77/10d775b3-d32d-46ab-b021-d03308e470b8/PDF>

Vraz 1864: Vraz S. Glasi iz dubrave Žerovinske // Děla Stanka Vraza / 2 izd., troškom Matice ilirske. — D. 2: Glasi iz dubrave Žerovinske I : Gusle i tambura. — U Zagrebu : Brzotiskom Dragutina Albrechta, 1864. — 314 s. (XIV + 127 + XVI + 144 s.) — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-C2KTPN1K/8e7fb18e-c2ce-4b8a-a8f7-952ffd28f37e/PDF>

Vraz 1955: Vraz S. Pjesnička djelo. — Knj. III: Cvijetnik slovinski; Kita cvijeća zamorskog; Proza / Priredio S. Ježić. — Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1955. — 520 s.

Vuga 1993: Vuga S. Lermontov: preziral jezik, običaje // Sodobnost. — L. 41. — Št. 3/4. — 1993. — S. 278–283. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-W1AEDZSO/034b31c5-6889-4ad0-b151-be77c85eca96/PDF>

Vzhodna 1928: Vzhodna pobožnost / [Za duha in srce] // Slovenec. — Št. 92. — 21.04.1928. — S. 6. — <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-D8N1BJY7/f9c99909-6f4b-4218-a195-bf042cd0335a/PDF>

Z

Zabel 1885: Zabel E. Literarische Streifzüge durch Russland. — Berlin : Deubner, 1885. — 285 S.

Zadravec 1975: Zadravec F. Ivan Prijatelj in ruska literatura // Prijateljev zbornik. — Ljubljana, 1975. — S. 167–186.

Zagorac 1888: Zagorac S. Česko slovstvo [Slovstvo] // Dom in svet. — L. 1. — Št. 4. — 20.04.1888. — S. 64. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-WG6ZLYSU/7a68863b-7fbe-4cee-836a-189e5f52eab2/PDF> ; — Št. 5. — 20.05.1888. — S. 79. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-CSWHVIJE/3ff7ebe0-9278-4ed2-b9ed-f998488728cc/PDF>

Zgodovina 2023: Zgodovina slovenskega literarnega prevoda. I. del: Pregled zgodovinskega razvoja / ur. N. K. Pokorn, R. Grošelj, T. Mikolič Južnič; II. del: Slovenska literatura v dialogu s tujino / ur. N. K. Pokorn (gl.), A. Pisanski Peterlin, T. Mikolič Južnič, R. Grošelj. — Ljubljana : Založba Univerze – Cankarjeva založba, 2023. — 1366 s.

Zupančič 1979: Zupančič B. Eva, polna ugank // Zupančič B. Zlati prah: Kratke zgodbe za kratek čas. — Ljubljana : Mladinska knjiga, 1979. — S. 35–38.

Zusner 1837: [V. Zusner] Der Kieger und sein Roß. Frey nach dem Russischen // Der Aufmerksame. — № 100. — 22. August 1837. — S. 10. — <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=afm&datum=18370822&seite=10&zom=33>

Ž

Žmitek 1902: Žmitek P. S. Umetniške razstave letošnje zimske sezone v Petrogradu [Upodabljajoča umetnost] // Ljubljanski zvon. — L. 22. — 1902. — Št. 3. — S. 213–214. — <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-2UYY3CJW/1e2cf65f-16b3-4425-aeed-be68d43e3cac/PDF>

Именной указатель

- Аверкиев Дмитрий Васильевич 132, 216
Аделунг Фридрих (Фёдор Павлович) фон 45, 210
Азадовский Марк Константинович 79–80, 190
Аксаков Иван Сергеевич 99, 104, 111, 113, 190
Аксаков Сергей Тимофеевич 22
Александр I Обренович 87
Александр Македонский (Александр III Великий) 125
Александров — см. Мурн Й.
Алексеев Михаил Павлович 59, 60, 190
Андреев Николай Андреевич 136
Андроников (Андроникашвили) Ираклий Луарсабович 198
Аничков Евгений Васильевич 199, 207
Анохин Дмитрий Николаевич 189
Анчиц Владислав Людвик 122
Арко Андрей 180, 198, 205
Арко Антон 180
Ашкерц Антон (псевд. — Андрей Андреевич Калашников)
7–8, 14–15, 79, 81, 123–126, 135, 167–168, 190, 210, 212
Байрон Джордж Ноэл Гордон 57, 138, 148, 152–153, 160–161
Бальзак Оноре де 125
Баратынский Евгений Абрамович 10
Барле Янко 129, 211
Батич Стоян 12
Батюшков Константин Николаевич 10, 22
Бахтин Михаил Михайлович 35, 190
Беатриче (полн. имя — Беатриче Портинари) 25
Библер Лео 172, 178
Бежек Виктор 121
Белинский Виссарион Григорьевич 8, 92, 122, 147, 156,
158–160, 164, 190–191, 212
Белич Александр Иванович 199, 207
Беляев Александр Романович 187
Бенкович Алойзий 109, 170
Бергер Алеш 92

Бергсон Анри-Луи 109
Бердяев Николай Александрович 94, 191
Беркопец Отон 87
Бершадская Марианна Леонидовна 63, 78, 191
Бестужев Александр Александрович
(псевд. — Марлинский) 92, 150
Бистришки А. Л. — см. Левец А.
Благой Дмитрий Дмитриевич 201
Блазник Йозеф 77, 220, 225, 229, 232, 238, 241
Блейвейс Янез 71
Блок Александр Александрович 90
Бобрищевы-Пушкины 57
Богаяевская Ксения Петровна 201
Богданов Юрий Васильевич 183–184, 192
Боденштедт Фридрих 59–60, 176
Бодянский Осип Максимович 73
Бомарше Пьер (наст. имя — Пьер-Огюстен Карон) 11
Бонди Сергей Михайлович 58, 192
Борг Карл Фридрих фон дер 10
Бордон Радо 7, 92, 235
Борко Божидар 87, 113, 211
Борштник Владимир 170
Босковиц — см. Бошкович Р. Й.
Бошкович Руджер Йосип 73
Брайль Луи 93, 140, 187, 236
Брегар Франц — см. Цанкар Из.
Брнчич Вера 92
Брокгауз Фридрих Арнольд 59, 95, 192, 211
Будагова Людмила Норайровна 138, 174–175, 192–194, 205
Булгаков Михаил Афанасьевич 187
Бунин Иван Алексеевич 90
Буренин Виктор Петрович 129
Бучар Виктор 129, 131, 211–212
Вагнер Франц 187, 196, 207
Вальд Александр 59, 210
Васильев Афанасий Васильевич 100
Вебер-Ткалчевиц Адольф 123

Вега Юрий 73
Велеславин Даниил-Адам 73
Величко Василий Львович 136, 228
Венгеров Семен Афанасьевич 190
Веневитинов Дмитрий Владимирович 92, 98
Венелин Юрий Иванович 94, 106
Венецианов Алексей Гаврилович 126–127
Верч Иван 92, 184–185, 193
Весел Иван (псевд. — Янез Веснин) 13–15, 62, 64–65, 99, 104, 108, 120, 124, 131, 166–168, 175, 178–179, 214, 233, 243
Весел Йован (псевд. — Янез / Иван / Йован Косески) 61–62, 73, 78–81, 108, 237, 243
Весел-Косески Й. — см. Весел Й.
Веснин Я. — см. Весел И.
Видмар Йосип 140
Видмар Тит 178
Винавер Станислав 142
Винокур Григорий Осипович 88
Виньи Альфред де 160
Водник Валентин 36
Водушек Божо 204, 235–236
Волков Ефим Ефимович 123
Востоков Александр Христофорович 79, 94
Враз Станко (наст. имя — Фрас/Фрасс Якоб) 9, 54, 71–73, 76, 97–99, 104, 165, 204, 244
Вуга Саша 180, 244
Вурник Франц 140
Выходилова Зденка 145
Вяземский Петр Андреевич 13, 22, 99
Габршчек Андрей 131, 237
Габсбурги 117
Гавличек-Боровский Карел 132, 241
Гаврюшина Лидия Константиновна 142–143, 193
Гаек из Гайку (Немикус) Тадеаш 73
Гай Людевит 97, 104, 109, 111, 223, 230, 244
Гакстгаузен Август фон 57
Гамсун Кнут 11

Ганка Вацлав 73, 98
Гарт Юлиус 60, 219
Гаршин Всеволод Михайлович 123
Гегель Георг Вильгельм Фридрих 109
Гейне Христиан Иоганн Генрих 125, 165
Герберштейн Сигизмунд (Зигмунд, Жига) фон 45–46
Герцен Александр Иванович 8
Герчикова Ирина Александровна 145, 179, 193
Гестрин Фран 170
Гешель А. 199
Гёте Иоганн Вольфганг фон 77–78, 138, 160
Глазунов Илья Иванович 168
Гласер Альяж 169, 180
Глонар Йожа А. 86, 105, 136, 217
Говекар Минка 136, 234
Говекар Фран 125
Гоголь Николай Васильевич 2–4, 6, 8, 10–11, 17, 90, 92, 106,
109, 112, 118–146, 191–199, 201, 204–205, 208, 215–216,
218, 220, 226, 229, 231–232, 234
Годунов Борис Фёдорович 10, 88–90
Гомер 129
Гончаров Иван Александрович 90, 122
Горенец Лавослав (наст. имя — Леопольд;
псевд. — Л. Подгоришки) 118, 121
Горький Максим (наст. имя — Алексей Максимович Пешков)
11, 90, 114, 125–126, 132, 135, 194, 216, 233
Гофман Алоиз 47–49, 219
Грегорчич Симон 168
Грибоедов Александр Сергеевич 135
Гривец Франц (Франтишек; псевд. — Милорадович) 110, 126,
129–130, 218
Гримм Якоб и Вильгельм, братья 80
Губинский Василий Иванович 202
Гундулич Иван 73
Гьюд Богдан 179
Гюго Виктор Мари 125, 240
Давид, второй царь Израиля 98

Данте Алигьери 25–26
Дебеляк Тине 172–173, 177, 217
Дельвиг Антон Антонович 71
Державин Гавриил Романович 10, 14, 22, 61, 73, 76, 79, 82
Десницкий Василий Александрович 10, 194
Добравец — см. Трошт И.
Добровольский Лев Михайлович 201
Добровский Йосеф 73
Долинар Томаж 73
Доминис Марк Антоний де 73
Досталь Марина Юрьевна 114, 194
Достоевский Фёдор Михайлович 8, 10, 84, 109, 123, 125,
128–129, 131, 133, 135, 138, 183–184, 187, 192, 194, 235
Дурылин Сергей Николаевич 88
Дьяков Владимир Анатольевич 194, 208
Дюма Александр 120
Егоров Борис Фёдорович 95, 194
Еловшек Анна 23
Енко Симон 176, 226
Ерай Вида 170
Ериша Фран 10
Есенин Сергей Александрович 186
Есих Милан 7, 140, 180, 236
Ефрон Илья Абрамович 95, 192
Жакель Антон (псевд. — Лединский Родолюб) 14, 70
Жакова Наталья Кирилловна 47, 145, 195
Жмитек Петер 123, 245
Жуковский Василий Андреевич 9–10, 22, 98, 130, 132, 156,
193, 215
Жупанчич Отон (псевд. — Алексей Николаев) 175–176,
235–236
Забелло Пармен Петрович 120
Заболотский Петр Александрович 105, 195
Забуковец Урша 139, 218
Загорский Михаил Борисович 88
Загоскин Михаил Николаевич 10
Збашник Фран 104

Здзеховский Мариан Эдмундович 110, 129, 224
Зебра Антон — см. Подлесник Б.
Земный Александр 142
Зенгер Татьяна Григорьевна (в замужестве Цявловская) 192
Злобец Цирил 180, 239
Золя Эмиль 126, 240
Зупан Витомил 7, 195
Зупанчич Бено 11–12, 195, 245
Иван IV Васильевич (Грозный) 111, 155, 157
Иванов Александр Андреевич 126–127, 132
Иванов Вячеслав Иванович 26
Измайлов Александр Ефимович 10
Измайлов Николай Васильевич 192
Ильина Галина Яковлевна 191, 204, 208
Ильинский Григорий Андреевич 135
Ипавец Бенъямин 175–176
Йенсен Альфред Антон 125
Калиганов Игорь Иванович 143, 192, 196, 209
Калопер — см. Левстик Ф.
Калох-Вид Наталья 181
Капнист Василий Васильевич 150
Карамзин Николай Михайлович 10, 22, 73, 79, 82
Катков Михаил Никифорович 104, 111
Келлер Готфрид 11
Кермаунер Тарас 11
Кетте Драготин (псевд. — Михайлов, Силушка) 175–176, 217
Кидрич Франце 88
Киреевский Петр Васильевич 109
Кирилл, св. 175, 221
Киш 77
Кишкин Лев Сергеевич 47–48, 196
Клопчич Миле 63–64, 81, 87, 90–93, 170, 172–173, 177–179,
181, 204, 220, 225, 235–236
Кнауф (Кнауфова) Мария 120
Козак Юш 87
Козарац Йосип 130
Козлов Иван Иванович 76, 150

Коллар Ян 73, 96, 196, 221
Коль Йохан Георг 57, 221
Кольцов Алексей Васильевич 10, 15, 132, 217
Комарова Татьяна Николаевна 193, 207
Коменский Ян Амос 73
Кондаков Игорь Вадимович 183, 196
Коперник Николай 73
Копитар Варфоломей (Ерней) 73
Кораблев Василий Николаевич 135, 228
Короленко Владимир Галактионович 130, 218
Корчагин Валентин Александрович 24
Корш Фёдор Адамович 135
Корш Фёдор Евгеньевич 80, 196, 199
Кос Янко 20, 92, 159, 221
Косанович Богдан 143, 197
Косески Я. — см. Весел Й.
Кошелев Александр Иванович 96, 196–197
Кошелев Вячеслав Анатольевич 95, 100, 197
Крагель Андрей 129–130
Кракар Лойзе 167, 170, 173, 176–177, 179, 222
Красицкий Игнацы 73
Крашевец Борут 139–140, 218
Крефт Братко 9–10, 20, 47, 87–90, 92, 204, 222
Крефт Лев 88
Кржишник Йосип (Йожеф) Мария 168, 170
Крижанич Юрий 115
Крылов Иван Андреевич 10, 51, 82
Кузнецов Борис Григорьевич 26, 197
Кузнецова Раиса Романовна 206
Кузьмичева Людмила Васильевна 114, 197
Кулиш Пантелеймон Александрович 132, 216
Куртенэ Бодуэн де 65
Кутасова Ольга Дмитриевна 200
Кутузов Михаил Илларионович 82
Л'Арронж Адольф 120
Лалич Мира 143
Лалич Радован 143

Лампе Эвген 102–103, 108, 129–130, 217, 223
 Ламурский — см. Трновец М. А.
 Лаптева Людмила Павловна 114, 197
 Лаура (полн. имя — Лаура де Нов) 26
 Лах Иван 107–108, 132, 222
 Левец Антон (псевд. — А. Л. Бистришки) 130
 Левец Фран (Франц) 176, 226
 Левстик Фран (Франц; псевд. — Kalopèr, L.-k., Molčísav, Podlowski, Staníslav) 60–65, 67–68, 191, 207, 226, 236
 Легиша Лино 9, 47, 53, 56, 71, 223
 Легутова Даниэла 144
 Лединский Родолюб — см. Жакель А.
 Ленард Леопольд 110–111, 133–134, 173, 223–224
 Ленарчич Андрей 116–117, 197
 Лермонтов Михаил Юрьевич 2–4, 6–10, 13, 15, 18, 65, 71, 90, 92, 98–99, 121, 123–124, 131, 136, 147–162, 164–181, 186, 190, 192–193, 198, 201–202, 204–205, 209, 217, 222, 224–225, 244
 Лессинг Готхольд Эфраим 11
 Лещиловская Инна Ивановна 71, 198
 Линде Самуил Богумил 73
 Липатов Александр Викторович 142, 198, 204
 Липшерт Роберт 59
 Лисснер Г. 199
 Логар Янез 53–54, 229
 Лозовецкий О. 199
 Ломоносов Михаил Васильевич 20, 57, 73, 82
 Луговской Владимир Александрович 24, 32, 36
 Любич Ефим Николаевич 132
 Людвиг Эрнст 56
 Ляковский Валерий Николаевич 207
 Мажуранич (один из братьев: Антон, Иван, Матия) 73
 Маковский Владимир Егорович 123
 Мартынов Леонид Николаевич 25–26
 Марушьякова Вера 144
 Мателич Иван 177, 224–225
 Мацун Иван 75–77, 229–230

Машкова Алла Германовна 144, 198
Маяковский Владимир Владимирович 90
Маяр Матия 97
Медвед Антон 170
Менцингер Иван (Янез) 168–169, 172, 175–176
Мефодий, св. 175, 221
Мешко Франц Ксавер 132, 216
Миклошич Франц 70–71, 73, 78, 80–81, 230, 271
Миллер Орест Фёдорович 129
Милонов Михаил Васильевич 10
Милорадович — см. Гривец Ф.
Милчин Илья 144
Милькеев Евгений Лукич 98
Мильтон Джон 160
Минцлофф Рудольф 59
Михайлов — см. Кетте Д.
Мицкевич Адам Бернард 73
Мозенталь Соломон Герман фон 120, 230
Мозер Густав фон 120
Мойсова-Чепишевская Весна 144, 198
Мольер Жан-Батист 22
Мордовцев Даниил Лукич 133, 216
Мохор, св. 177, 231
Мравляк Соня 7
Мрштик Вилем 132, 215
Мур Томас 160
Мурко Антон 86, 97
Мурко Матия 104, 124–125, 136, 230–231
Мурн Йосип (псевд. — Александров) 175–176, 239
Мусин-Пушкин Алексей Иванович 45, 198
Мусин-Пушкин Валентин Платонович 45
Мусин-Пушкин Михаил Николаевич 56
Мусины-Пушкины 45, 57
Навратил Иван 79
Навратил Я. — см. Навратил И.
Нахтигал Райко 104, 231
Некрасов Николай Алексеевич 15, 103–104, 121–122

Неселовский Казимир 56
Нестор Летописец (Печерский, Киевский) 73, 82
Никитин Сергей Александрович 208
Николаев Алексей — см. Жупанчич О.
Никольский Сергей Васильевич 47–48, 196, 199
Обрадович Досифей 73
Одоевский Владимир Фёдорович 92
Озеров Владислав Александрович 89
Осипова Нурия Семиуловна (Надежда Семеновна) 192, 204
Островский Александр Николаевич 90, 109, 124, 135
Оцвирк Антон 88
Павлова Каролина Карловна 13, 99
Павчек Тоне 7
Павшич Зала 7, 180
Пайк Янко М. 65
Палацкий Франтишек 73, 77, 104
Палмонич 73
Панькина Ольга Викторовна 144
Пастернак Борис Леонидович 186
Пашич Никола 209
Перушек Райко 122
Петерлин Радивой (псевд. — Петрушка) 169, 172
Петрарка Франческо 26, 63, 199
Петровых Мария Сергеевна 31–32
Пий II 116, 231
Пинтар Иван 170
Платонов Андрей Платонович 187
Плотникова Ольга Сергеевна 197
Погодин Михаил Петрович 89, 196
Подгоришки Л. — см. Горенец Л.
Подгорник Фран (Франц) 103, 201
Подлесник Блаж (псевд. — А. Зебра) 141–142, 180, 199, 218, 232
Покровский Михаил Михайлович 88–89
Поливка Йиржи 132
Попцова Екатерина Дмитриевна 49, 56
Посниц Матея 169
Потапенко Игнатий Николаевич 123, 130, 218

Поточник Блаж 77
Потрч Иван 45, 72
Прейс Петр Иванович 73
Преображенский Николай Фёдорович 14, 20, 46, 65–66, 81, 110, 199, 232
Прешерн Франце 3, 9–10, 12, 17–36, 46–47, 50, 53, 63, 73, 77, 93, 97, 125, 167, 193, 199–201, 203–204, 206–207, 210, 232, 241
Примиц (Примичева) Юлия 23, 26
Приятель Иван 6, 8, 10, 13, 20, 38, 46, 51, 66, 70–71, 80, 84–87, 91–92, 104–107, 111–112, 125–127, 135–136, 140, 170, 195, 200, 231, 233–235, 244
Прохоров Михаил Дмитриевич 139
Пуришев Борис Иванович 26, 200
Пушкин Александр Сергеевич 2–4, 6, 8–10, 12–22, 27–33, 35–39, 42, 45–49, 51–54, 56–60, 62–67, 70–74, 76–80, 82–93, 97–99, 103–104, 109, 120, 123–125, 131, 133, 135–136, 138, 142, 145–146, 148–152, 155, 160–161, 164, 175–176, 187–188, 190–192, 195–196, 198–203, 205–207, 213, 217, 219–222, 230–232, 234–237, 266
Пушкин Василий Львович 22
Пушкин Сергей Львович 22
Пушкин Фёдор (Theodor) 56
Пушкины 22
Пыпин Александр Николаевич 109, 136, 234
Рааб Гаральд 10, 47, 58, 60, 236
Радлинский Андрей 82
Раевский Михаил Фёдорович 115
Раевский Николай Николаевич 89
Рамовш Фран 50
Римский-Корсаков Николай Андреевич 140
Ристеский Димитрие 144, 201
Роде Матей 63–64, 236
Розеггер Петер 11
Романовы 116
Ругел Марина 197
Ругел Юст 197
Рудеж Карл 10

Рыжова Майя Ильинична 6–7, 10, 14, 22, 168, 176, 190, 202
Рылеев Кондратий Фёдорович 92
Савельев Иван — см. Цанкар Ив.
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 122, 128, 183, 192
Сальников Александр Николаевич 14, 202
Самарин Дмитрий Фёдорович 104
Самарин Юрий Фёдорович 99, 106
Святополк 79
Сеявец Венцеслав — см. Тонкли Ш.
Сидяков Лев Сергеевич 58, 203
Силушка — см. Кетте Д.
Скабичевский Александр Михайлович 129
Сказа Александр 93, 182, 185, 203
Скляр А. С. 125
Слапар-Люботин Ваня 93, 236
Слепцов Василий Алексеевич 132, 215
Словацкий Юлиуш 133
Слодняк Антон 9
Слонимский Александр Леонидович 192
Смирнов Лев Никандрович 196
Смолей Виктор 177
Сной Йозе 176, 186, 239
Созина Юлия Анатольевна 2, 4, 6–7, 14, 35, 38, 61, 71, 83,
87, 90, 119, 178, 180, 191–192, 195, 202–206
Соловьев Владимир Сергеевич 104
Сонькин Виктор Валентинович 29, 203
Соршак-Куковец Карина 169
Сребрнич Матъяж 93, 236
Срезневский Измаил Иванович 73, 94, 96–97
Старикова Надежда Николаевна 2, 6–9, 38, 47, 52, 79, 81,
86, 93, 189, 191, 203, 206
Степанова Елена Викторовна 51–52, 61–63, 207
Суворин Алексей Сергеевич 200–201
Суворов Александр Васильевич 82
Сумароков Александр Петрович 79, 89
Табаков Олег Павлович 145
Тауфер Вено (Венцеслав) 182, 186, 207

Тихонов Николай Семенович 200
Толстой Алексей Николаевич 90
Толстой Лев Николаевич 8, 11, 84, 90, 109, 123, 126, 128–129,
133–135, 138, 187, 223, 235
Тольников И. 88
Томажич Андрей 7
Тонкли Штефан (псевд. — Венцеслав Сеявец) 177, 225
Травина Наталия Алексеевна 195
Трдина Янез 77–78, 208, 241–242
Трзинский Б. — см. Хрибар И.
Тринко Иван (Джованни) 126, 131
Трновец Матфей Андреевич (псевд. — Ламурский) 66, 170
Трошт Иво (псевд. — Добравец) 130, 242
Трстеняк Даворин 54
Трубецкой Николай Сергеевич 79–80, 207
Тургенев Иван Сергеевич 8, 90, 121–123, 126, 128–130, 133,
135, 187
Тэн Ипполит 90
Тютчев Фёдор Иванович 92, 107, 132, 186, 222
Фаллерслебен Хоффманн фон 59
Фет Афанасий Афанасьевич 129
Францев Владимир Андреевич 87, 112–113, 208
Фридрих В. 120
Херхар Иван 170
Ходский Леонид Владимирович 192
Хомяков Алексей Степанович 2–4, 6, 10, 13, 15–16, 18, 65,
94–117, 132, 180, 184, 191–192, 194, 196–197, 204, 207–208,
211, 219, 222, 234
Хомякова Екатерина Михайловна 106
Хомяковы 116
Хорев Виктор Александрович 142, 208
Хостник Даворин (Мартин Матвеевич) 170
Хрибар Иван (псевд. — Богумил Трзинский) 85, 219
Ц. Григорий 136
Цабель Эвген 120–121, 244
Цанкар Иван (псевд. — Иван Савельев) 110, 125, 175, 212,
220, 222, 231, 239, 245

Цанкар Изидор (псевд. — Франц Брегар) 133, 212
Цегнар Фр. 57
Целестин Фран 8, 104, 122, 125, 170, 212, 218
Чернетич Д.-М. — см. Чернетич Д.-М.
Цудерман Винко 93, 236
Цузнер Винценц 53–56, 58–60, 68, 211, 245
Цявловский Мстислав Александрович 192
Челаковский Франтишек Ладислав 47–50, 58–59, 68, 73,
195, 199, 206, 213
Чепелевская Татьяна Ивановна 2, 9, 22, 47, 77–78, 189, 192, 208
Чернетич Драган-Марьян 62, 213
Черный Ондржей 145
Чернышевский Николай Гаврилович 129, 131
Черняев Михаил Григорьевич 100
Чехов Антон Павлович 90, 123, 132, 135, 195, 240
Чистова Ирина Сергеевна 198
Чоп Матия 9, 19, 47, 96
Чуркина Искра Васильевна 6, 9, 38, 47, 65, 85, 97, 103, 115,
124, 204, 208–209
Шали Северин 172, 177, 217
Шамиссо Адельберт фон 59
Шан-Гирей Аким Павлович 148, 209
Шартовский Алойзы 110
Шафарик Павел Йозеф 73
Шведова Наталия Васильевна 115, 192, 196, 209
Шевырев Степан Петрович 95
Шекспир Уильям 87–90, 124, 138, 148, 161, 222
Шемякин Андрей Леонидович 114, 209
Шервинский Сергей Васильевич 30, 34
Шехтель Фёдор Осипович 136
Шешкен Алла Геннадьевна 2
Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих фон 78, 124, 148
Широкова Александра Григорьевна 206
Шлегель Август Вильгельм 89
Шолохов Михаил Александрович 90
Шоп Ежи 142
Шрепел Миливой 123, 129, 136, 211, 231

Штрекель Карел 29, 86, 121, 241
Штросмайер Йосип Юрай 115
Штур Людовит 115, 209
Штухец Миран 93
Щепкина-Куперник Татьяна Львовна 14
Щёголев Павел Елисеевич 192
Эрнст Габсбург (Железный) 117
Юван Марко 93
Юнгманн Йозеф 73
Юрчич Йосип 65, 121, 166
Юстиниан 73
Яворник Миха 93, 141, 180, 218, 220
Ягич Ватрослав (Игнатий Викентьевич) 46, 51–52, 84, 200
Языков Николай Михайлович 10, 97–98
Янежич Антон 65, 82, 166, 238
Ясинский Иероним Иеронимович 132, 241

Adelung F. — см. Аделунг Ф. ф.
Arko A. — см. Арко Андрей
Aškerc A. — см. Ашкерц А.
Averkijev D. V. — см. Аверкиев Д. В.
Baebler L. — см. Беблер Л.
Bamberg Fedor 226
Barlè J. — см. Барле Я.
Behr B. 218
Bêlinskij V. G. — см. Белинский В. Г.
Bežek V. — см. Бежек В.
Blaznik J. — см. Блазник Й.
Bodenstedt F. — см. Боденштедт Ф.
Bodjanski J. M. — см. Бодянский О. М.
Bordon R. — см. Бордон Р.
Borko B. — см. Борко Б.
Brail L. — см. Брайль Л.
Bregar F. — см. Цанкар Из.
Brockhaus F. A. — см. Брокгауз Ф. А.
Bučar V. — см. Бучар В.

Cankar Iv. — см. Цанкар Ив.
 Cankar Iz. — см. Цанкар Из.
 Celestin F. J. — см. Целестин Ф.
 Cernetic D. M. — см. Чернетич Д.-М.
 Chamisso A. v. — см. Шамиссо А. ф.
 Ciril, sv. — см. Кирилл, св.
 Cuderman V. — см. Цудерман В.
 Cuznar V. — см. Цузнер В.
 Čehov A. P. — см. Чехов А. П.
 Čelakovský F. L. — см. Челаковский Ф. Л.
 Čelakowski F. — см. Челаковский Ф. Л.
 Debeljak T. — см. Дебеляк Т. 172
 Deržavin G. R. — см. Державин Г. Р.
 Dobravec — см. Трошт И.
 Dolinar Darko 241
 Dostojevski F. M. — см. Достоевский Ф. М.
 Dvořák Karel 213
 Engelmann Wilhelm 235
 Erjavec Anton 132, 217
 Evgenij — см. Лампе Э.
 Fallersleben H. v. — см. Фаллерслебен Х. ф.
 Gabršček A. — см. Габршчек А.
 Gaj L. — см. Гай Л.
 Gjud B. — см. Гьюд Б.
 Glazer Karol 132, 217
 Glonar J. A. — см. Глонар Й. А.
 Gogol N. — см. Гоголь Н. В.
 Gogolj N. V. — см. Гоголь Н. В.
 Gorkij M. — см. Горький М.
 Govékarjeva M. — см. Говекар М.
 Göthe I. W. v. — см. Гёте И. В. ф.
 Göstl Fran (Franjo) 125, 218
 Grivec Franc — см. Гривец Ф.
 Grošelj Robert 245
 Hanka W. — см. Ганка В.
 Hart J. — см. Гарт Ю.
 Havlíček-Borovský K. — см. Гавличек-Боровский К.

Haxthausen A. v. — Гакстгаузен А. ф.
 Hofman A. — см. Гофман А.
 Homjakov A. S. — см. Хомяков А. С.
 Hribar I. — см. Хрибар И.
 Hugo V. — см. Гюго В. М.
 Janežič A. — см. Янежич А.
 Jasinski I. I. — см. Ясинский И. И.
 Javornik M. — см. Яворник М.
 Jenko S. — см. Енко С.
 Jeretin Janez Krstnik 229
 Jesenin S. A. — см. Есенин С. А.
 Jesih M. — см. Есих М.
 Ježić S. 244
 Kalašnikov A. A. — см. Ашкерц А.
 Kalopèr — см. Левстик Ф.
 Karamzin N. — см. Карамзин Н. М.
 Karl I Franz Josef 241
 Kette D. — см. Кетте Д.
 Khomyakov A. — см. Хомяков А. С.
 Kleinmajr (Kleinmayr) Ferdinand 238
 Kleinmayr Ignaz Alois Edler von 220, 222, 226
 Klopčič M. — см. Клопчич М.
 Kohl J. G. — Коль Й. Г.
 Koljcov A. V. — см. Кольцов
 Kollar J. — см. Коллар Я.
 Korabljev V. N. — см. Кораблев В. Н.
 Korolenko V. G. — см. Короленко В. Г.
 Kos J. — см. Кос Я.
 Koseski I. — см. Весел Й.
 Kovačič Franc 128, 221
 Krakar L. — см. Кракар Лойзе
 Kraševac B. — см. Крашевец Б.
 Kreft B. — см. Крефт Б.
 Kronbauer R. I. (Rudolf Jaroslav) 215
 Kuliš P. A. — см. Кулиш П. А.
 Kys — см. Киш
 Lah I. — см. Лах И.
 Lampe E. — см. Лампе Э.

Legiša L. — см. Легиша Л.
 Lenard L. — см. Ленард Л.
 Leon Janez 236, 238
 Lermontov M. J. — см. Лермонтов М. Ю.
 Levec F. — см. Левец Ф.
 Levstik F. — см. Левстик Ф.
 Leykam Andreas 211
 Lippert R. — см. Липперт Р.
 Logar J. — см. Логар Я.
 Macun I. — см. Мацун И.
 Marjanović Milan 125, 230
 Matelič I. — см. Мателич И.
 Meško F. K. — см. Мешко Ф. К.
 Meško K. — см. Мешко Ф. К.
 Metod, sv. — см. Мефодий, св.
 Miklošič F. — см. Миклошич Ф.
 Mikolič Južnič Tamara 245
 Minzloff R. — см. Минцлофф Р.
 Mittler Ernst Siegfried 211
 Mohor, sv. — см. Мохор, св.
 Mordovcev D. L. — см. Мордовцев Д. Л.
 Mosenthal S. H. — см. Мозенталь С. Г. ф.
 Mrštik Alois 215
 Mrštik V. — см. Мрштик В.
 Murko M. — см. Мурко М.
 Murn J. — см. Мурн Й.
 Nahtigal R. — см. Нахтигал Р.
 Navratil J. — см. Навратил И.
 Ogrin Matija 241
 Ošaben Jos., наст. имя — Debevec Jože (Josip, Jožef) 129, 231
 P. Janko (полн. имя Pretnar Janko) 263
 Palacki F. — см. Палацкий Ф.
 Pasternak B. L. — см. Пастернак Б. Л.
 Perkovič Rajko 220
 Pibernik France 8, 11, 231
 Pintar Luka 234
 Pisanski Peterlin Agnes 245
 Pius II — см. Пий II

Podgornik F. — см. Подгорник Ф.
 Podlesnik B. — см. Подлесник Б.
 Pokorn N. K. (полн. имя — Kocijančič Pokorn Nike) 245
 Poljanec A., наст. имя — Ziherl Boris 110, 232
 Potapenko I. N. — см. Потапенко И. Н.
 Preiss P. I. — см. Прейс П. И.
 Preobraženski N. F. — см. Преображенский Н. Ф.
 Prešeren F. — см. Прешерн Ф.
 Prijatelj I. — см. Приятель И.
 Puschkin A. S. — см. Пушкин А. С.
 Pushkin A. — см. Пушкин А. С.
 Puškin A. S. — см. Пушкин А. С.
 Rypin A. N. — см. Пыпин А. Н.
 Raab H. — см. Рааб Г.
 Radlinski A. — см. Радлинский А.
 Rode M. — см. Роде М.
 Rozman Jožef 82, 236
 Rudolph L. 210
 Sambs Jakob 231
 Schiller J. Ch. Fr. v. — см. Шиллер И. К. Ф. ф.
 Sejavec V. — см. Тонкли Ш.
 Severus 214
 Shakespeare W. — см. Шекспир У.
 Slapar Ljubutin V. — см. Слапар-Люботин В.
 Slêpcov V. A. — см. Слепцов В. А.
 Snoj J. — см. Сной Й.
 Sozina Yu. — см. Созина Ю. А.
 Srebrnič M. — см. Сребрнич М.
 Sreznjevski I. I. — см. Срезневский И. И.
 Stephan Henricum 231
 Svetič Franc 125–126, 239–240
 Svetina Janez (Ivan) 128, 240
 Svetopolk — см. Святополк
 Šafarik P. J. — см. Шафарик П. Й.
 Šali S. — см. Шали С.
 Šanda I. (Janko) 130, 240
 Šrepel M. — см. Шрепел М.
 Štifter Francè 132, 240

Štingl Franc 132–133, 240–241
 Štrekelj K. — см. Штрекель К.
 Terseglav Franc 110, 241
 Tjutčev F. I. — см. Тютчев Ф. И.
 Tolstoj L. N. — см. Толстой Л. Н.
 Trdina J. — см. Трдина Я.
 Trošt Ivo — см. Трошт И.
 Veličko V. L. — см. Величко В. Л.
 Vesel J. (I.) — см. Весел И.
 Vesel-Koseski J. — см. Весел Й.
 Vesnin — см. Весел И.
 Vodnik V. — см. Водник В.
 Vodušek B. — см. Водушек Б.
 Volynskij Akil L.¹⁰⁵ — Волынский Аким Львович
 (наст. имя — Хаим Лейбович Флексер) 125, 243
 Vošnjak Bogumil 110, 243
 Vraz S. — см. Враз С.
 Vuga S. — см. Вуга С.
 Wald A. — см. Вальд А.
 Zabel E. — см. Цабель Э.
 Zabukovec U. — см. Забуковец У.
 Zadravec Franc 86, 244
 Zagorac Stjepan 128, 245
 Zdziechowski M. — см. Здзеховский М. Э.
 Zlobec C. — см. Злобец Ц.
 Zola E. — см. Золя Э.
 Zupančič B. — см. Зупанчич Б.
 Zusner V. — см. Цузнер В.
 Žmitek P. — см. Жмитек П.
 Žukovskij V. A. — см. Жуковский В. А.
 Župančič O. — см. Жупанчич О.

¹⁰⁵ В словенском издании последовательно, но, как мы видим, ошибочно имя оканчивается на 'I'.

Приложение

Ribar in riba.

Po A. S. Puškinu

Nekdaj živel je s svojo staro ženo
Ribar pri kraju morja sivega;
Živela sta v ubogi svoji bajti
Že polnih trideset in leta tri.
Lovil je v morju ribe sivi starček
In žena predla v bajti noč in dan!
Enkrat u vodo starček mrežo verže,
Al' glej, u mreži blato le ima;
On drugi krat u vodo mrežo verže,
Al' glej, u mreži travo le ima;
On tretji krat u vodo mrežo verže,
U mreži, glej, 'ma zlato ribico:
Ni riba, kakoršne vsak dan lovijo.
Ribarja milo prosi ribica,
S človečjim glasom sladko tako pravi:
Odpusti v sivo morje me nazaj,
Odkup ti dragi dala bodem za se,
Ti dala bom, kar koli si želiš!
Kak' ostermel je vbogi dobri starček!
Ribari trideset in leta tri,
Pa riba govorila ni nikoli.
On ribo mahoma nazaj pusti
U sivo morje, pa ji tako pravi:
Id' srečno, zlata moja ribica,
Odkupa tvojega si jaz ne voščim;
Veselo plavaj v sivem morju spet,
In Bog ti daj dni starih doživeti.
Ribar se verne k stari ženici,

In, kar se mu zgodilo je, razloži.
Vlovil sem danes zlato ribico,
Ne prosto ribo, ampak lepo zlato;
Ko mi, je govorila ribica,
Domu se prosila je v sivo morje,
In dragi odkup mi obetala,
Obetala, kar bi serce želelo;
Odkupa od nje vzeti nisem htel,
Nazaj pustil sem jo u sivo morje.
Ženica zlo je moža kregala:
Bedak, neumnež, kaj storil si nama!
Zakaj od nje odkupa nisi vzel?
Naj bi ti saj korito bila dala,
Glej, naše je razbito že celo.
Ribar se k morju sivemu koj verne,
Kjer vale meša lahka sapica.
Pri kraju morja počne ribo zvati,
In koj priplava zlata ribica:
Povej, ti česa treba je, o starček?
Pohlevno starček odgovarja ji:
Naj se ti smilim, moja ti kraljica,
Glej, žena me je hudo 'zkregala,
In starcu vbogemu ne daje mira:
Korita novega ji treba je,
Ker naše staro je celó razbito.
Ubožcu ribica odgovori:
Domu se verni, starček moj, veselo,
Korito novo bota dobila.
Ribar ko k starki svoji v bajto stopi,
Korito lepo novo je že tam.
Še več se žena z vbogim starcom krega
Bedak, neumnež, malopridnež ti,
'Z korita koliko koristi bode?
Nazaj se k' ribi verni, norec ti,
Pokloni se ji, 'zprosi hišo nama.
Ribarček pride k morju sivemu,
In veler lahko ziblje morske vale,

Ribar spet počne ribo klicati,
In koj priplava h kraju zlata riba:
Povej, ti treba česa, starček moj?
Pohlevno starček tako odgovarja:
Naj se ti smilim, naj, kraljičica!
Še več se žena moja z mano krega,
In trapi mene starca vbogega,
Ker lepo hišo rada bi imela.
In zlata odgovarja ribica:
Domu se verni, starček moj, veselo,
Ker lepo hišo bota dobila.
Ribar se k svoji vbogi bajti verne,
Od vboge bajte več ne sleda ni.
Pred njim je lepa nova hiša stala,
Iz kamna hiša visok dimnik 'ma,
In vrata 'ma iz hrastovega lesa;
Pri oknu stara žena mu sedi.
Al' moža kregati še zdaj ne henja:
Bedak, neumnež, malopridnež ti,
Zakaj si nama hišo le izprosil?
Nazaj se verni, prosi ribico:
Več kmetinji se meni biti noče;
Odsle čem biti žlahtna kneginja.
Spet pride k morju sivemu ribarček;
Se voda nekaj je znemirila.
Ribar spet počne zlato ribo zvati,
In h kraju koj priplava ribica.
Povej, ti česa treba je, o starček?
Pohlevno starček odgovarja ji:
Naj se ti smilim, moja ti kraljica,
Še več je mene žena kregala,
In noč in dan mi mira več ne daje;
Kmetica prosta noče biti več,
Temuč bi rada kneginja postala.
In odgovarja zlata ribica:
Domu se verni, starček moj, veselo.
Poln upa se ribar domu poda,

In kaj tam vidi! visoko palačo:
Na linah stara žena mu stoji,
U drag in topel kožuh oblečena,
Zlat čepeč se na glavi ji sveti,
Okoli vrata se blišči ji biser,
Na rokah so ji zlati persteni,
Na nogah so ji lepi dragi črevlji;
Pred njo stojé pohlevno služkinje,
Jih bije, ljuto jih za lasi vlačí.
Ribar tedaj ženici govori:
O kneginja, poklanjam se pred tabo,
Zdaj bode zadovoljno serce ti.
Na njega zdere zdaj se žena,
Pri svinjah da mu malo službico.
En teden mine, drugi teden mine,
Še bolj je obnorela žena mu.
Spet k zlati ribi starčeka pošilja:
Na noge, k morju, reci ribici,
Da kneginja jaz dalje biti nočem,
Mogočna cesarica biti čem.
Ribarček pri ti priči se prestraši,
Najedla si se, žena, norih gob?
Ne veš ne stopati, ne govoriti,
Smejalo bo se ti cesarstvo vse.
Ribarka začne zlo se togotiti,
In za ušesa vdari koj moža:
Kaj, boš se derzno ti prepíral z mano,
Ribar ti vbogi, z žlahtno kneginjo!
Na noge, k morju, ako z dobra nejdeš,
Po sili te peljali bodo tje.
Ribarček k morju se tedaj napoti;
Kipelo je od vetra silnega.
Ribar spet počne zlato ribo zvati,
In koj priplava h kraju ribica.
Povej, ti česa treba je, o starček?
Ribar pohlevno odgovarja ji:
Naj se ti smilim, moja ti kraljica,

Ker zdaj še žena zadovoljna ni:
Ne hoče kneginji se ji več biti,
Mogočna cesarica biti če.
Tako mu riba na to odgovarja:
Domu se verni, ljubi starček moj,
Naj tvoja žena bode cesarica.
Ribar se urno vernil je domu,
Pred njim stoji cesarska, glej, palača,
V palači vidi svojo ženico;
Sedi za stolom kakor cesarica,
Dvorjeniki ji mnogi služijo,
Zamorskega ji vina nalivaje;
Biškote le in povitice jé;
Okoli nje se vidi grozna straža,
Ki z bradljami je oborožena.
To viditi, se starec zlo prestraši,
Pohlevno cesarici klanja se:
Naj mogočnejša svitla cesarica,
Saj zdaj ti serce zadovoljno bo!
Al' ona moža kar nič ne pogleda,
Temuč ga 'zgnati spred oči veli.
Služabniki pritečejo poslušni,
In starca brez milosti ztepejo.
Pri dvereh še pridere grozna straža,
Skoraj bi reveža posekala.
Vse ljudstvo se mu je na glas smejalo:
Kar si zaslužil, to se ti godi.
In teden mine, teden drugi mine,
Še več je žena obnorela zdaj.
Po moža si dvorjenike pošilja,
Ga najdejo, pred njo ga peljejo.
Mogočna tako pravi cesarica:
Na noge, k ribi urno verni se,
Več cesarici se mi biti noče,
Ker v sivem morju hočem vladati,
Živeti hočem zdaj v prostranem morju,
Naj meni služi zlata ribica:

Bi rada sem ter tje jo pošiljala.
Ribar ne sme se ji ustavljati,
In ves pobit besede kar ne čerhne.
Na potu spet je k morju sivemu.
Ko k vodi pride, strašna burja rjuje,
Serditi vali kviško kak' kipé!
Na suhem tudi, se ribar prestraši;
Al' vendar počne ribo klicati,
In koj priplava h kraju zlata riba.
Povej, ti česa treba, starček moj?
Naj se ti smilim, moja ti kraljica,
Kaj čem z nezadovoljno ženo si!
V e č cesarici se ji biti noče!
Ker v sivem morju hoče vladati,
Živeti hoče zdaj v prostranem morju,
Da bi ji zlata riba služila,
Bi rada sem ter tje jo pošiljala.
Ničesar riba ne pregovori,
Po vodi samo plesnila je z repom,
In v morju globokem potonila.
Ribar pri kraju odgovora čaka,
Al' ga ne more se dočakati.
Ko verne se domu, spet bajto vidi,
Palača je ko dim izginila;
Na pragu stara spet sedi ribarka,
Razbito pred seboj korito 'ma.

[Miklošič 1853, s. 59–64]

Научное издание
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ВСЕРОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ М. И. РУДОМИНО

Серия
Slavica & Rossica

Созина Юлия Анатольевна
От Золотого века до наших дней
А. С. Пушкин, А. С. Хомяков, Н. В. Гоголь,
М. Ю. Лермонтов в Словении

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН (Протокол № 3
заседания Ученого совета ФГБУН Института славяноведения
РАН от 29.04.2025).

Утверждено к печати Ученым советом
Библиотеки иностранной литературы (Протокол № 2
заседания Ученого совета ФГБУК «Всероссийская
государственная библиотека иностранной литературы
имени М. И. Рудомино» от 05.03.2025).

Ответственный редактор:
Н. Н. Старикова

Корректор:
Е. Д. Попцова

Компьютерная верстка:
В. А. Гудкова

Дизайнер обложки:
П. К. Донской

ФГБУН Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты: inslav@inslav.ru

ФГБУК «Всероссийская государственная библиотека
иностранной литературы имени М. И. Рудомино»
109240, г. Москва, ул. Николаямская, д. 1
Адрес электронной почты: vgbil@lib1.ru

Подписано в печать 11.08.2025. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,0.

Заказ No 49.
Тираж 500 экз.